

«Нравственные императивы в праве»

2009
№ 2(4)

Научный юридический журнал (г. Москва)

Учредитель

РОО «Институт государственно-
конфессиональных отношений и права»

Ответственный редактор

Понкин И.В., доктор юридических наук

Технический редактор

Квитковская Т.А.

Редакционный совет:

Кузнецов М.Н., доктор юридических наук, профессор,

Понкин И.В., доктор юридических наук, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права,

Емелина Л.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета им. М.М. Сперанского Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, доцент.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нравственные императивы в праве» обязательна.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Редакция присланные рукописи не рецензирует и не возвращает, в переписку не вступает.

Контактный адрес электронной почты технической службы: pravo-zaschita@mail.ru

Контактный почтовый адрес технической службы:

249101, Калужская обл., г. Таруса, ул. Горького, 17–6

Содержание номера

Берзин В.А. О причинах неудачи законопроекта «О винограде и вине» и перспективах законопроекта «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов» 3

Соловьев А.А. Особенности правового статуса спортивных федераций во французском спортивном праве 35

Понкина А.И. Особенности уголовного права и уголовного процесса штата Калифорния на примере «Закона трёх ударов» 42

Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Заключение по вопросу о наличии правовых оснований для направления дела «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» (жалобы № 412/03 и 35677/04) на рассмотрение Большой Палаты Европейского суда по правам человека 59

Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Заключение по содержанию Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» (жалобы № 412/03 и 35677/04) 83

Ponkin I.V., Kouznetsov M.N. Les schismes religieux et la position de la Cour Européenne des droits de l'homme dans l'affaire «Le Saint Synode de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (métropolitte Innokenty) et autres contre la Bulgarie» 97

Газалиева С.М.-К. Система законодательства субъекта Российской Федерации как элемент правовой системы субъекта Российской Федерации 119

Берзин В.А. О причинах неудачи законопроекта «О винограде и вине» и перспективах законопроекта «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов»¹

I. Недостатки проекта федерального закона «О винограде и вине», внесенного Законодательным Собранием Краснодарского края в 2003 г.

Неуспех инициативы Законодательного Собрания Краснодарского края от 28 мая 2003 г. по внесению проекта федерального закона «О винограде и вине»², по нашему мнению, не снял с повестки дня вопрос о принятии такого профильного федерального закона, но поставил целый ряд вопросов о том, каким указанный планируемый к принятию федеральный законодательный акт должен быть.

Достаточно проблематично сейчас выявить истинные причины блокирования этого законопроекта, тем более в условиях столь активных действий лоббистов интересов производителей напитков, выдаваемых за вина, но произведенных с грубейшими нарушениями технологий виноделия, и производителей откровенных фальсификатов.

Отрицательное заключение Правового управления Государственной Думы по указанному законопроекту по ряду позиций не выдерживало никакой критики, содержало некоторые некомпетентные суждения и явные натяжки.

Однако анализ обозначенного проекта федерального закона «О винограде и вине» позволяет выявить множество его объективных недостатков, из которых укажем для примера следующие.

1. Определение того, что именно в законопроекте понимается под виноградом: «свежий плод виноградной лозы рода *Vitis* (Tournef.) L., зрелый или слегка заизюмленный, используемый для употребления в пищу в свежем или переработанном виде, в том числе для изготовления виноматериалов, который может быть

¹ Берзин Владимир Александрович – федеральный судья, кандидат юридических наук.

Статья посвящена вопросам правового регулирования виноградарства и виноделия, исследованию содержания и направленности законопроектов в этой области.

Ключевые слова: виноделие, виноградарство, государственное управление, производство вина.

² Постановление Законодательного Собрания Краснодарского края от 28.05.2003 № 213-П «О законодательной инициативе Законодательного Собрания Краснодарского края по внесению проекта федерального закона «О винограде и вине»». Система «Гарант».

раздроблен или отпрессован с помощью технических средств и может вызывать самопроизвольное спиртовое брожение» (статья 1) – представляется ущербным.

Здесь смешаны совершенно разные предметы оценки – природные характеристики, позволяющие отграничить виноград от других предметов, а также от других ягод («свежий плод виноградной лозы рода *Vitis* (Tournef.) L.»), и возможность достижения определенных результатов воздействия на него («может быть раздроблен или отпрессован»).

Очень сложно представить себе какой-то вид винограда, которые не может быть раздроблен с помощью технических средств. Неясно, почему исключаются способы обработки винограда без использования технических средств. В некоторых винодельческих хозяйствах Италии, Грузии и других стран до сих пор используется способ раздавливания виноградных ягод ногами, что исключает риск раздавливания виноградных косточек, существующий при использовании механических приспособлений и ведущий в случае такого раздавливания к появлению в вине негативных вкусовых свойств (горечь, искажение запланированного вкуса).

Кроме того, по нашему мнению, неверно говорить, что плод виноградной лозы «может вызвать самопроизвольное спиртовое брожение» (где-то?). Речь должна идти о возможных процессах в самих плодах виноградной лозы.

И напрасно, как представляется, исключены недозревшие ягоды винограда. Имеются технологии приготовления вина из немного недозревших ягод. Известное в Португалии специфическое «зеленое вино» («vinho verde») производится лишь из северного винограда, причем из зеленых, недозревших ягод³. Как уже отмечалось, и ряд более традиционных разновидностей вин, производимых терруарным способом, также готовится посредством т.н. «зелёного» сбора⁴.

Таким образом, процитированное выше определение требовало существенной переработки.

2. Определения понятий «вино» и «виноделие» (статья 1) совершенно исключали возможность называть вином продукцию из иных (помимо винограда) ягод, а также из плодов. Такое ограничение представляется не вполне обоснованным. Например, сливовое вино достаточно популярно в России. Законодательство ряда зарубежных

³ <http://www.worlds.ru/europe/portugal/history-algarve_gde_otdykhaet_evropa.shtml>
См. также: Vinho Verde. Técnica & Legislação [Зеленое вино. Технология и законодательство] (Последнее посещение 01.06.2009)
Boletim de Informação Técnica e Legislação. – 2008, Janeiro. – Ano VII. – № 1.
<<http://www.vinhoverde.pt>>.

⁴ Технология и терруар: два способа делать вино // <http://www.fortltd.ru/azbuka/art_08> (Последнее посещение 01.06.2009).

стран допускает расширение перечня исходных ягод за пределы сортов одного лишь винограда.

3. Статья 1 прямо допускала добавление сахара при производстве столовых вин: «В столовых винах допускается привнесение сахара или концентрированного виноградного сусла», что, на наш взгляд, является ошибочным подходом, существенно угрожающим имиджу российского виноделия на мировом рынке.

4. Следующее положение все той же статьи 1: «К специальным винам относятся вина, имеющие приобретенную объемную долю этилового спирта от 15 до 22 процентов, полученную в результате как спиртового брожения собственных сахаров, так и за счет привнесенного этилового спирта», по существу, не оговаривало происхождение (природу) «привносимого» этилового спирта, то есть допускало использование этиловых спиртов, произведенных не из винограда, более того – из сырья нерастительного происхождения. При этом в пункте 1 статьи 21 законопроекта говорилось об осуществлении федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим управление агропромышленным комплексом, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления «контроля за представлением деклараций ... об использовании этилового спирта из пищевого сырья». То ли контроль за представлением деклараций об использовании этилового спирта из непищевого сырья⁵ не предполагалось осуществлять, то ли здесь была спрятана бланкетная отсылка на нормы уже действующего какого-то нормативного правового акта, но более нигде указания на требование использования этилового спирта, произведенного только из пищевого сырья, в законопроекте не встречалось (определение в статье 1 понятия «винного напитка» к данному аспекту не имеет отношения).

5. Вводимое проектом федерального закона понятие «напитка винного», определяемое как «готовая продукция виноделия, изготовленная не менее чем на 50 процентов из виноматериалов, а также пищевого этилового спирта, дистиллятов, ароматических и вкусовых добавок, красителей, сахара или сахаросодержащих веществ с добавлением или без добавления воды, с приобретенной объемной долей этилового спирта не более 22 процентов» (статья 1), не выдерживало критики, поскольку к «напитку винному» законопроектом относилась не продукция, полученная с нарушениями (сознательными отступлениями) от разрешенных технологий виноделия, а нечто, изготовленное не менее чем на 50 процентов из

⁵ См. подпункт 1 статьи 2 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (с последующими изменениями).

виноматериалов (а в остальном – из всяких добавок). Предложение законопроектом слишком размытого определения понятия вина с добавлением столь же неопределенного понятия «винный напиток» не содействовало наведению порядка в терминологии предмета регулирования исследуемого законопроекта.

6. В целом, закрепленный в статье 1 перечень дефиниций основных понятий, используемых в законопроекте, был слишком ограниченным, в отличие от аналогичных законов других стран. Между тем предмет регулирования слишком сложен, поскольку связан с огромным количеством чисто технических понятий, используемых в отрасли виноделия, чтобы ограничиваться приведенным в статье 1 законопроекта перечнем.

7. Самый главный недостаток законопроекта состоял в том, что он не создавал (не предлагал) системы правовых основ государственного стимулирования развития винодельческой отрасли в России, не содержал правовых механизмов такого стимулирования, то есть не обладал потенциалом развития отрасли. Законопроект так и не ответил на вопросы:

Как сделать российскую винодельческую продукцию соответствующей чаяниям российских потребителей, а потому востребованной ими настолько, чтобы существенно перераспределить внутренний российский рынок вин в пользу российской продукции и сделать ее конкурентоспособной на зарубежных рынках?

Как обеспечить стимулирование серьезного роста численности и укрепление малых и средних винодельческих хозяйств в России, но при этом не увеличивая масштабы «бодяжения» псевдовин из сухих концентратов и разной «химии»?

Как в самом ближайшем будущем сделать российскую винодельческую продукцию безопасной для потребителя и избавить потребителя от фальсификата?

Как сформировать у населения культуру винопития?

Некоторым исключением, скорее, подтверждающим правило, можно считать пункты 4–6 статьи 9 законопроекта. Но этого явно недостаточно.

8. В законопроекте практически не был урегулирован такой важнейший аспект виноделия, как хранение винодельческой продукции. Слово «хранение» упомянуто только в определении понятия «оборот» (статья 1), применительно к раскрытию того, кто является участником отношений государственного регулирования в сфере товарного производства и оборота винограда и винодельческой продукции (пункт 1 статьи 4), к определению оснований лишения прав на выпуск винодельческой продукции определенной категории качества и перевода ее в низшую категорию

качества (в случае «ее порчи во время хранения» – пункт 1 статьи 13), к установлению лицензирования видов деятельности по товарному производству и обороту винограда и винодельческой продукции (пункт 2 статьи 14), к особенностям лицензирования экспорта и импорта винодельческой продукции (пункты 1 и 2 статьи 16).

Между тем зарубежный опыт свидетельствует, что эффективным средством государственной поддержки виноделия является содействие созданию отвечающих самым современным требованиям хранилищ.

9. Вина, имеющие наименование по месту происхождения, были упомянуты в законопроекте дважды, но лишь мимолётно (определение понятия «ампелографического заповедника» в статье 1 и в пункте 6 статьи 9 в положении о государственных ампелографических заповедниках). Представляется, что этого явно недостаточно для введения такой категории вин. Вообще классификация (категорирование) вин в законопроекте дана крайне неудовлетворительно.

10. Вводимые пунктом 5 статьи 12 требования к магазинам или специализированным отделам, в которых разрешается розничная продажа винодельческой продукции, относились только к городам. Требования к магазинам в более мелких населенных пунктах были просто забыты. Учитывая специфику сельской местности, применительно к ней могут устанавливаться иные требования, но они должны быть. Если ввести их и приравнять к требованиям, предъявляемым законопроектом к городским магазинам (помещения должны иметь площадь торгового зала не менее 50 квадратных метров и т.д.), то это ликвидирует мелкие семейные винодельческие хозяйства, многие из которых (судя по практике Франции, Италии, Испании) продают существенную часть своей винодельческой продукции прямо на месте. Если же не вводить ограничения для сельской местности, то теряется смысл в таких ограничениях для городов. Одним словом, авторы законопроекта не сумели решить эту проблему.

11. Закрепленные в статье 15 законопроекта условия для лицензирования деятельности по товарному производству и обороту винограда и винодельческой продукции представляются слабо проработанными и не защищающими потребителя от продукции, выдаваемой за вино, но вином не являющейся. Законопроект не ответил на множество вопросов. Кто может получать такие лицензии – только юридические лица либо юридические лица и индивидуальные предприниматели? Какие требования устанавливаются к соискателям лицензий? Должны ли быть какие-

либо требования по наличию определенного недвижимого имущества и прав на него?

12. По нашему мнению, норма пункта 1 статьи 16: «Деятельность по закупке, хранению и экспорту винодельческой продукции, а также деятельность по импорту, хранению и поставкам виноматериалов или дистиллятов, осуществляемая хозяйствующими субъектами, имеющими лицензии на производство винодельческой продукции, не лицензируется» – являлась вредной, учитывая отсутствие внятно сформулированных и закрепляемых требований к соискателям лицензии на право производства винодельческой продукции (почти любому было бы доступно получение такой лицензии).

13. Статья 22 «Общественный контроль за исполнением настоящего Федерального закона» была подготовлена весьма слабо, не содержала детальной регламентации основ саморегулирования *«некоммерческих организаций в форме союзов, ассоциаций, некоммерческих партнерств»*, а также общественных объединений и граждан, осуществляющих контроль за соблюдением настоящего Федерального закона в целях защиты интересов производителей и потребителей винограда и вина, а также основ их взаимоотношений с государством и органами местного самоуправления (пункт 1 статьи 22). Пункты 2 и 3 статьи 22 представляли собой абстрактные бессодержательные положения.

14. Вводимое законопроектом понятие «ампелографический заповедник» крайне неудачно определялось как *«виноградники с определенным сочетанием природных условий и сортового состава, позволяющие получать уникальные вина, имеющие наименование по месту происхождения»*. Думается, что ампелографический заповедник – это, скорее, экосистема, природно-климатический комплекс, включая, прежде всего, участок земли, а также климатические характеристики, особенности биогеоценоза и, собственно, сами виноградники, но всё в комплексе. «Виноградник с сочетанием природных условий» – это невнятная формулировка, вызывающая много вопросов и нареканий.

При этом дальнейшего необходимого развития этот вопрос в законопроекте не получает. Только в пункте 6 статьи 9 кратко говорится о создании государственных ампелографических заповедников федерального и регионального значения.

15. Законопроект в целом был написан с точки зрения юридической техники весьма небрежно. К примеру, неясно, почему авторы законопроекта в пункте 1 статьи 22 не отнесли общественные объединения к некоммерческим организациям (см. статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с послед. изменениями)).

16. Статья 5 «Предметы ведения Российской Федерации в сфере товарного производства и оборота винограда и винодельческой продукции», статья 6 «Предметы ведения субъектов Российской Федерации в сфере товарного производства и оборота винограда и винодельческой продукции» и статья 7 «Полномочия органов местного самоуправления в сфере товарного производства и оборота винограда и винодельческой продукции» законопроекта требовали уточнений, более четкого разграничения предметов ведения, а также закрепления правовых механизмов взаимодействия указанных в статьях 5–7 субъектов реализации публичных правоотношений в этой сфере.

Например, статья 6 законопроекта относилась к предметам ведения субъектов Российской Федерации «определение и установление технических требований к приборам и средствам измерения объемов и (или) количества произведенной винодельческой продукции», но это противоречило Федеральному закону «О техническом регулировании».

17. Требовали существенной переработки статья 23 «Ответственность за нарушение настоящего Федерального закона» и статья 24 «Изъятие из производства и конфискация из оборота винограда и винодельческой продукции» законопроекта.

Следует также отметить, что разработчики этого законопроекта не учли позитивных механизмов и подходов Закона Краснодарского края «О вине» от 5 августа 1998 г. № 142-КЗ⁶.

Однако этот «пробный шар» позволил выявить множество «подводных камней» в специфике заявляемого предмета правового регулирования, позволил создать своего рода первичную экспертно-дискуссионную площадку, в определенной мере консолидировав конструктивные силы и создав задел на будущее.

II. Анализ проекта № 466404-4 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов», внесенного группой депутатов Государственной Думы 28.08.2007

Проект № 466404-4 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов» был внесен 28.08.2007 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатами Государственной Думы Ю.А. Барзыкиным, В.Л. Горбачевым,

⁶ Виноград и вино России. – 1998. – Специальный выпуск. – С. 16–19.

В.С. Груздевым, Ю.Г. Медведевым, Е.В. Паниной, А.М. Сысоевым, П.Б. Шелищем⁷.

Считаем необходимым отметить, что рассматриваемый Законопроект практически идентичен проекту № 480953-4 федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов», который был внесен 17.10.2007 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Законодательным Собранием Краснодарского края и позднее был снят с рассмотрения Государственной Думы в связи с его отзывом субъектом права законодательной инициативы. Различия в двух обозначенных законопроектах – фактически только в знаках препинания, несущественных для смысла перестановках слов или синонимичных заменах слов, в форматировании текстов; также имеются некоторые отличия в статье 25.

Рассматриваемый Законопроект (№ 466404-4) получил, мягко говоря, не вполне благожелательную оценку в заключении заместителя начальника Правового управления Государственной Думы М.Н. Ласточкиной. Однако само по себе это заключение не выдерживает критики в силу необоснованности и субъективности ряда его утверждений. В частности, М.Н. Ласточкина пишет: «... законопроект наделяет органы государственной власти субъектов Российской Федерации новыми полномочиями. Так, в частности, согласно статье 6 законопроекта, на указанные органы возлагается “определение существующих и перспективных виноградарских зон, центров и микрорайонов для производства столовых вин географических наименований и вин высокого качества установленного места производства”, “выдача лицензий на производство, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов” и другие (см. абзацы 3-6 статьи 6). Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в пункте 2 статьи 26.3 к полномочиям, осуществляемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет бюджетов субъектов Российской Федерации, не отнесены указанные полномочия. В связи с этим, в соответствии со статьями 26.3 и 26.4 Федерального закона № 184-ФЗ в случае принятия федерального закона, устанавливающего полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, не указанные в статье 26.3, данные полномочия осуществляются за счет субвенций из федерального бюджета».

⁷ Далее – Законопроект. Этап рассмотрения – прохождение законопроекта у Председателя Государственной Думы.

Завершающий вывод в приведенной цитате из указанного заключения является неверным. В том, что указанные полномочия являются новыми и не отнесены добуквенно совпадающими формулировками в указанном Федеральном законе к полномочиям, осуществляемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет бюджетов субъектов Российской Федерации, нет никакой проблемы.

Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с последующими изменениями) не должен и не может оговаривать в прямых формулировках абсолютно все вопросы, относящиеся к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации. Статья 26.3 указанного Федерального закона не содержит закрытого перечня таких полномочий. Практика всегда будет обуславливать появление каких-то новых проблем или требующих решения вопросов. Неверно искать добуквенного соответствия формулировок полномочий.

Пункт 2 статьи 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» относит к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, следующие вопросы:

- поддержки сельскохозяйственного производства (за исключением мероприятий, предусмотренных федеральными целевыми программами), организации и осуществления региональных и межмуниципальных программ и проектов в области развития субъектов малого и среднего предпринимательства (подпункт 9);

- планирования использования земель сельскохозяйственного назначения (подпункт 10);

- организации и осуществления межмуниципальных инвестиционных проектов, а также инвестиционных проектов, направленных на развитие социальной инфраструктуры муниципальных образований (подпункт 29);

- организации и осуществления региональных инновационных программ и проектов (подпункт 53).

Этого вполне достаточно, чтобы отнести в рассматриваемом Законопроекте обозначенные вопросы к полномочиям,

осуществляемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет бюджетов субъектов Российской Федерации.

Перейдем непосредственно к анализу содержания рассматриваемого Законопроекта.

При общей позитивности и актуальности идеи принятия профильного федерального законодательного акта, регламентирующего вино и виноделие, анализ конкретно проекта № 466404-4 федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов» позволяет выявить значительное количество его существенных недостатков как по содержанию, так и по формально-правовым основаниям – с точки зрения требований законотворческой техники, а также целый ряд внутренних противоречий Законопроекта. Ниже укажем наиболее существенные из таких недостатков, дающие исчерпывающе достаточные основания для вывода о необходимости кардинальной переработки Законопроекта.

1. Существенные недостатки предусмотренной Законопроектом системы категорирования (классификации) вин.

Вызывает обоснованные сомнения оправданность выбора названия Законопроекта – «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов», а также выбора «столового вина», а не понятия «вино», в качестве базового системообразующего понятия Законопроекта. Считаем это совершенно нелогичным и неоправданным.

Еще более логически и содержательно ущербным Законопроект в этом отношении становится, благодаря пункту 5 статьи 12 Законопроекта, устанавливающему: *«Допускается не указывать на этикетках или ярлыках либо листках-вкладышах слова “столовое” для следующих категорий вин: столовые вина географического наименования и столовые вина высокого качества установленного места производства».*

То есть базовое, корневое понятие Законопроекта – это «столовое вино», а частным его случаем является просто «вино». Это как сделать в орнитологии базовым понятием попугая, а понятие «птица» объявить частным случаем попугая. Одним словом, всё это – просто абсурд!

В результате пункт 1 статьи 3 Законопроекта, устанавливающий: «Законодательство, регулирующее деятельность в области производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов в Российской Федерации, состоит из настоящего Федерального закона, принимаемых в соответствии с ним

федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также из принимаемых в соответствии с ними законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации», обуславливает принятие в соответствии с ним иных федеральных законов, которые просто не смогут избежать существенного выхода за пределы предмета регулирования рассматриваемого Законопроекта.

Введение такой явно алогичной, нарушающей требования законотворческой техники классификации создает существенные проблемы, связанные с созданием не только совершенно запутанной системы категорирования российских вин, но и, прежде всего, путаницы в сопоставлении российских и зарубежных вин. В зарубежных классификациях столовое вино – это низовая категория вин (в смысле – категория, к которой предъявляются наименее строгие требования).

К примеру, итальянское законодательство подразделяет все вина на 4 категории⁸:

- столовые вина (*Vino da tavola*, VDT). Для вин этой категории не определяется область происхождения винограда и четкий сортовой состав. Эти вина могут быть разлиты в бутылки, но их производство не контролируется;

- местные вина (*Vini Tipici*, IGT). В данной категории определяется место происхождения вина. На этикетке должны быть указаны урожай, наименование местности, цвет или сорт винограда или тип вина. Подлинность и тип вина не проверяются, но категория основана на репутации производителя;

- вина контролируемых наименований по происхождению (*Denominazione d'Origine Controllata*, DOC). Вина этой категории производятся из сортов винограда, выращенных на официально признанных виноградниках, расположенных в географически определенных винодельческих регионах. С 1990 года в некоторых регионах DOC установлены стандарты для основных характеристик вина – цвета, аромата, вкуса. Соблюдение этих стандартов контролируется специальной дегустационной комиссией;

- вина контролируемых наименований по происхождению с гарантией (*Denominazione d'Origine Controllata e Garantita*, DOCG) подвергаются более жесткому контролю, чем DOC.

⁸ Классификация итальянских вин// http://www.ovine.ru/classification/italian_classification.htm (Последнее посещение 09.06.2009).

Согласно испанскому законодательству, вина подразделяются на 5 категорий качества⁹:

- столовые вина (Vino de Mesa). Эта категория включает вина неклассифицированных виноградников, которые производятся из нескольких сортов винограда;

- местные вина (Vino de la tierra). На этикетках таких вин разрешено указывать год урожая, сорта используемого винограда и регион производства. Эти надписи запрещены к использованию в категории Vino de Mesa;

- деклассированные вина (Vino Comarsal), полученные вследствие плохого урожая, несоблюдения производителем установленных норм урожайности и производства вина из определенных регионов;

- марочные вина (Denominacion de Origen, DO), полученные из определенных винодельческих регионов, в каждом из которых существует свой регуляторный совет, контролирующий процессы выращивания винограда, производства и продажу вина в соответствии с определенными региональными стандартами;

- самая высокая категория испанских вин (Denominacion de Origen Calificada, DOC), которая присваивается только лучшим винодельческим регионам.

Исходя из Законопроекта, провести сопоставление российских и зарубежных категорий не представляется возможным, что является коррупциогенной составляющей Законопроекта и существенно затруднит выход российских вин на внешние рынки.

О том, как вообще проводить соответствие категорий российских и европейских (Франции, Италии, Испании, Германии, Швейцарии и др.) вин, разработчики Законопроекта, судя по всему, не позаботились.

Российское столовое вино, исходя из его определения (исключая здесь обсуждение порошкового суррогата), выше по категории, чем испанское «деклассированное вино», но они будут уравнианы. Российский правоприменитель признает такое испанское вино не-вином, поскольку оно не будет отвечать установленным требованиям сортового столового вина (пункт 5 статьи 9). А испанское местное вино, которое по испанской классификации выше столового вина, волюнтаристским порядком будет понижено до уровня столового вина (теперь уже по российской классификации).

Одним словом, введение такой классификации привнесет очень большую путаницу в экспортно-импортные отношения в сфере оборота вина.

⁹ Классификация испанских вин // http://www.ovine.ru/classification/spain_classification.htm (Последнее посещение 09.04.2009).

Более того, сам Законопроект содержит в этом отношении внутренние противоречия.

Так, статья 6 Законопроекта предусматривает следующие категории вин:

- «столовые вина географических наименований»;
- «столовые вина высокого качества установленного места производства».

«Столовые вина высокого качества установленного места производства» предусмотрены также пунктом 2 статьи 10 и пунктом 5 статьи 12, но основная для этого вопроса статья 9, устанавливающая категорирование столовых вин, такой категории вина не предусматривает.

Пункт 4 статьи 9 Законопроекта устанавливает следующие категории столовых вин:

- столовое вино сортовое;
- столовое вино географического наименования.

В свою очередь, столовые вина географического наименования подразделяются Законопроектом на следующие категории (в пунктах 6–8 статьи 9 всё это зафиксировано достаточно нечётко):

- вино географического наименования;
- выдержанное вино географического наименования;
- коллекционное вино географического наименования.

А указание на «столовые вина высокого качества установленного места производства» в статье 9 отсутствует. Что это за категория, остаётся только догадываться.

Также считаем необходимым отметить, что, на наш взгляд, имеет смысл как-то оговорить статус безалкогольных вин, определением подпункта 1 статьи 2 Законопроекта выводимых из понятия «столовых вин» (на это указывает содержащаяся в определении столового вина лексическая конструкция «алкогольная продукция»).

Поскольку пункт 3 статьи 11 Законопроекта определяет, что «ввозимые на таможенную территорию Российской Федерации столовое вино и столовые виноматериалы должны соответствовать всем требованиям, предъявляемым к аналогичной продукции российского производства», а подпункт 3 пункта 3 статьи 20 определяет ввоз на таможенную территорию Российской Федерации столового вина, не соответствующего требованиям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, как основание для приостановления лицензии на закупку, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов и лицензии на хранение столового вина и столовых виноматериалов, сказанное

выше относительно зарубежных классификаций вин становится особенно актуальным.

2. Существенные недостатки определения Законопроектом понятия вина и требований к его производству и его свойствам.

Предусматриваемая Законопроектом замена используемого в настоящее время понятия «натуральное вино» (ныне действующий пункт 12 статьи 2 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (с последующими изменениями)) на «столовое вино» (подпункт 1 статьи 2 и статья 25 Законопроекта) является юридически и фактически необоснованной. «Столовое вино» не является синонимом понятия «натуральное вино».

Эта мера представляется неслучайной и связана, на наш взгляд, с намеренным закладыванием в Законопроект разрешения именовать вином суррогаты, полученные посредством добавления сахарного песка (подпункт 1 статьи 2), а также «разбодяживания» «винного порошка» («сухого столового виноматериала») жидкими винодельческими субпродуктами («концентрированным, ректифицированным концентрированным или сульфитированным виноградным суслом» – пункт 3 статьи 9), о чём мы еще скажем ниже.

Но прежде всего считаем важным отметить, что вводимое подпунктом 1 статьи 2 определение столового вина: «алкогольная продукция, изготовленная без добавления этилового спирта и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, в результате полного или неполного спиртового брожения целых или дробленых ягод винограда или свежего виноградного сусла, с добавлением или без добавления концентрированного, ректифицированного концентрированного или сульфитированного виноградного сусла, с содержанием этилового спирта от 8,5 до 15 процентов объема готовой продукции и разлитая в потребительскую тару» – характеризуется значительным объемом существенных недостатков.

Вводимый подпунктом 1 статьи 2 запрет добавления «спиртосодержащей пищевой продукции» при изготовлении вина, при отсутствии в Законопроекте определения понятия «спиртосодержащей пищевой продукции», вызывает слишком много вопросов. Ведь промежуточные виноматериалы (начавшее брожение виноградное сусло либо виноградное сусло, в котором брожение достигло определенной стадии) сами по себе являются спиртосодержащей продукцией. То есть, по существу, подпункт 1 статьи 2 вводит запрет на смешивание различных промежуточных винопродуктов при производстве вин. Но сам законопроект не запрещает этого делать. Например, пункт 5 статьи 9,

устанавливающий: «Столовое вино сортовое – столовое вино, при изготовлении которого содержание одного сорта винограда составило более 85 процентов от общего объема винограда, использованного для изготовления столового вина», тем самым допускает примешивание 15 процентов другого сорта винограда (не указывая состояния винограда в момент примешивания, не уточняя, что речь идет именно о ягодах). Нигде в Законопроекте не содержится запрета на смешивание винопродуктов на этапе производства вин. Более того, пункт 6 статьи 9 вполне разрешает изготовление вина из «регламентированной смеси сортов винограда» (подчеркнем, что здесь не говорится о смеси именно ягод винограда, из чего следует вывод, что допускается и смесь сортов винограда в виде смеси различного виноградного сусла, в том числе уже начавшего брожение).

Негативные последствия для имиджа российского вина на зарубежных рынках повлечет вводимое подпунктом 1 статьи 2 Законопроекта разрешение добавлять сахар в вино на этапе его производства: «Допускается в неблагоприятные для созревания винограда годы в установленном порядке повышение объемной доли этилового спирта в столовом вине не более чем на 2,0 % путем добавления сахара-песка, рафинированного сахарного песка, концентрированного виноградного сусла или ректифицированного концентрированного виноградного сусла в дробленые ягоды свежего винограда или виноградное сусло».

Такое исключение представляется нам совершенно необоснованным и аналогичным ситуации, когда в «особо неблагоприятные» для животноводства годы при производстве коровьего сливочного масла допускалось бы добавление в него маргарина или растительного масла. Отсутствие четкого определения понятия «неблагоприятные для созревания винограда годы», тем более – учитывая вообще сложные для виноградарства природно-климатические условия даже Юга России, приведет к тому, что как характеризующийся такими условиями можно будет маркировать практически каждый текущий год.

Государству следует стимулировать развитие сырьевой базы, а не узаконивать производство суррогата. Но Законопроект разрешает, по существу, свободное использование сахарного песка при производстве вина. И попробуйте доказать, что у данного конкретного винодельческого хозяйства как раз текущий год не является «неблагоприятным для созревания винограда». Гипотетически возможные в будущем подзаконные акты, которые уточнили бы требования к определению таких неблагоприятных годов, вряд ли будут эффективны. Эти вопросы следует решать именно на законодательном уровне.

В европейских и других странах мира – традиционных производителей винодельческой продукции (Франция, Италия, Испания, Чили, ЮАР, Австралия, Аргентина) метод подслащивания вин допускается, но только посредством добавления концентрированного виноградного сусла.

Например, в Германии столовые и земельные вина, в которых не повышалась крепость, могут подслащиваться виноградным суслом, концентрированным виноградным суслом или ректифицированным концентратом виноградного сусла с величиной добавления в таких пределах, чтобы общее содержание спирта в вине не повышалось более чем на 2 процента (16 г/л). Ограничивающим образом действует содержащийся в немецком законе о вине запрет на применение концентрированного сусла для подслащивания земельных вин. Столовые и земельные вина, для которых проводилось повышение крепости, подслащиваются исключительно суслом, а верхним пределом является общее содержание алкоголя для подслащиваемых вин. Для подслащивания качественных вин из определенных областей возделывания в Германии применяется исключительно виноградное сусло¹⁰.

Рассматриваемый законопроект указанной нормой будет существенно подрывать имидж российского вина в мире, препятствуя развитию его экспорта. И абзац 4 пункта 2 статьи 23 не меняет ситуации в силу невнятности его формулировки.

Однако самой негативной новацией Законопроекта является легализация пунктом 3 статьи 9 производства порошковых суррогатов под видом вин: «*Полусухие, полусладкие и сладкие столовые вина – столовые вина, при изготовлении которых спиртовое брожение целых или дробленых ягод винограда или свежего виноградного сусла прекращено при достижении требуемой массовой концентрации сахаров или путем смешивания сухого столового виноматериала с концентрированным, ректифицированным концентрированным или сульфитированным виноградным суслом*».

Таким образом, Законопроект легализует изготовление вина не из винограда, а из порошков, то есть официально разрешает производить фальсификат.

В технологии виноделия (в устоявшемся в мире ее понимании) не используется термин «порошковое вино»¹¹ («винный порошок», «сухой винопродукт» и т.п. окказиональные словообразования и лексемы), в виноделии используется концентрированный

¹⁰ Das Weinrecht [Винное право] – 1994. 1116/1994 / Auswertungs- und Informationsdienst für Ernährung, Landwirtschaft und Forsten [Аналитическая и информационная служба по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и леса]. – Bonn, 1994. Перевод с нем.: Н.Р. Толокова.

¹¹ Название получено искусственно по аналогии с порошковым «молоком».

виноградный сок (по виду – вязкая жидкость), получаемый посредством выпаривания. «Порошковое вино» – это нонсенс, а технологии производства «порошкового вина» – это технологии фальсификации вин, которые приведут к тому, что злоумышленно вводимый в заблуждение потребитель в самые короткие сроки просто забудет настоящий вкус натурального виноградного вина.

Бессмысленно надеяться на то, что формулировка напрямую позволяет не столько производить вина из порошков, сколько допускает их использование для «прекращения спиртового брожения целых или дробленых ягод винограда или свежего виноградного сусла». Но эта лазейка, в действительности, позволяет просто производить суррогаты из порошков, поскольку только производитель решает, каким образом и в какой момент времени производства ему обеспечить (добиться) прекращение брожения.

Такие законодательные нормы выгодны исключительно крупным производителям фальсификата и суррогата, а также недавно открытым винзаводам, не имеющим собственных винодельческих технологий, производящих «вина» посредством смешивания порошков, сахара и низкокачественного сусла. Благодаря дешевизне такой продукции и обману потребителей, эта продукция будет вытеснять с рынка натуральную винодельческую продукцию, и такая легализация суррогатов приведет к полному краху российской винодельческой промышленности.

В пункт 5 статьи 9, устанавливающий: «Столовое вино сортовое – столовое вино, при изготовлении которого содержание одного сорта винограда составило более 85 процентов от общего объема винограда, использованного для изготовления столового вина», как представляется, намеренно не включены детализированные требования к производству обозначенного вина, чтобы это не входило в противоречие с нормой пункта 3 статьи 9, разрешающей производство порошковых суррогатов.

Вводимый подпунктом 1 статьи 2 запрет на добавление этилового спирта при изготовлении вина заслуживает поддержки. Однако, учитывая, что в ряде зарубежных стран добавление виноградного спирта при изготовлении некоторых вин законодательно допускается, возникает вопрос о статусе таких вин в России при их импортировании. Получается, что российский закон будет признавать вином искусственную смесь, набодяженную из сухого порошка, да еще с добавлением туда сахара-рафинада, но иностранное вино высшего качества вином не признает. Иначе как абсурдным и вредным такой подход назвать нельзя.

Российский законодатель вправе ввести для российских производителей запрет добавления этилового спирта (к слову, из процитированной нормы неясно, какой именно этиловый спирт

запрещается добавлять – чистый (96 % или 76 %) или любой, даже содержащийся в смеси), но необходимо урегулировать вопрос статуса иностранной винодельческой продукции, легально, в соответствии с законодательством этой страны, произведенной с добавлением винного спирта.

Например, пункт 5 статьи 15 Закона Грузии «О виноградной лозе и вине» от 12 июня 1998 г. № 1438-Ис (с изменениями, внесенными Законами Грузии № 1604-1с от 30 сентября 1998 г. и № 1635-вс от 4 июля 2002 г.) допускает добавление в игристые и шипучие вина «спирта бренди, содержащегося в ликере, предназначенного для игристых и шипучих вин». Подпункты 2 и 3 пункта «В» статьи 17 Закона Аргентины («Общего закона о винах и других напитках») от 06.11.1959 № 14.878 допускают при производстве вин категории «В» (вин сухих или сладких, с объёмной долей этилового спирта не ниже 15% от объема) добавление винного спирта на любой стадии производства, а также добавление винного спирта с объёмной долей этилового спирта не ниже 15 градусов при производстве вин категории «С».

Рассматриваемый же Законопроект, по существу, ставит вне закона такие иностранные вина, которые уж явно более качественные и безопасные, чем разрешаемая Законопроектом «разбодяженная» сухая «винная» смесь, подслащенная сахарным песком.

Далее. Пункт 6 статьи 9 устанавливает: «Столовое вино географического наименования – столовое вино, изготовленное из свежего винограда определенного сорта или регламентированной смеси сортов винограда вида *Vitis Vinifera*, произрастающего в границах определенной территории, с использованием регламентированных агротехнических приемов, и отличающихся характерными органолептическими свойствами, связанными с почвенно-климатическими особенностями местности, указанной в наименовании вина, и разлитое в потребительскую тару по месту производства». Из процитированного положения Законопроекта следуют следующие требования:

1) требование использования для производства «столового вина географического наименования» лишь винограда, произрастающего в границах соответствующей определенной территории;

2) требование розлива изготовленного вина в потребительскую тару по месту производства.

Однако из процитированного положения Законопроекта совершенно не следует требование производства вина по месту произрастания такого винограда или хотя бы не далее определенного расстояния от такого места. Зарубежная практика все-таки предполагает и производство вина в том же районе. Можно, конечно,

чисто гипотетически представить себе эффективное производство краснодарских вин где-нибудь в Мурманске из завозимого туда самолетами винограда, но оставим такой вариант без комментариев.

Пункт 1 статьи 10, как можно предположить, был призван устранить этот недостаток, но разработчикам не удалось сформулировать этот пункт корректно: «Производители осуществляют производство столового вина географического наименования при соблюдении условия производства и розлива столового вина в месте нахождения винограда, произрастающего в административных границах субъекта Российской Федерации (географического объекта)».

Если предполагается, что в России будет от 3 до 7 или чуть больше видов вин категории «столовое вино географического наименования» – вина Краснодарского края, Ставропольского края и еще нескольких субъектов России, исходя из принципа: один субъект Российской Федерации – один вид столового вина географического наименования (на это указывает проведение в приведенном положении соответствия между географическим объектом и субъектом Российской Федерации), то проблем нет, за исключением того, что такой подход явится существенной помехой развитию виноградарско-винодельческой отрасли России.

Если всё же предполагается, что «столовое вино географического наименования» может быть по своему наименованию привязано к более мелкому географическому объекту, нежели целый российский регион, то является необоснованным предоставление возможности производить такие вина в любом месте (на сколь бы то ни было удаленном от места произрастания и сбора винограда, являющегося сырьем для него) в границах одного с местом произрастания виноградников субъекта Российской Федерации.

Добавим также, что имеются смысловые пороки содержания текстовой конструкции в процитированном выше пункте 1 статьи 10: «место нахождения винограда, произрастающего в административных границах субъекта Российской Федерации». Фраза явно находится не в ладах с логикой и правилами русского языка.

Далее. Согласно пункту 4 статьи 12: «Не допускается использование в наименовании сортового столового вина названия сорта винограда в случае, если его доля в объеме вина не превышает 85 процентов», то есть данное положение допускает выпуск вина, произведенного из сырья, в исходном объеме которого основной (доминирующий) сорт винограда может составлять менее 85 %.

Но пункт 5 статьи 9 устанавливает требование к столовому вину: «Столовое вино сортовое – столовое вино, при изготовлении которого содержание одного сорта винограда составило более 85

процентов от общего объема винограда, использованного для изготовления столового вина».

Подпункты 1 и 2 пункта 4 статьи 9 предусматривают только 2 разновидности столового вина:

- столовое вино сортовое;
- столовое вино географического наименования (для такого вина установлено требование изготовления его из определенного сорта или регламентированной смеси сортов винограда, но требования по процентному составу не указываются).

Просто «столовое вино», не попадающее ни в одну из этих разновидностей, Законопроектом не предусмотрено.

Сопоставительный анализ пункта 4 статьи 12 и пунктов 4 и 5 статьи 9 позволяет сделать вывод либо об их противоречии друг другу, либо о том, что столовое вино географического наименования допускается Законопроектом изготавливать из смеси винограда разных сортов, в исходном объеме которой основной (доминирующий) сорт винограда может составлять менее 85 % (а это и 50 %, и 30 %, и даже 10 %). Но такой подход понижает требования к вину в сравнении с винами зарубежных категорий, помимо категории столовых вин.

Абзац 9 пункта 2 статьи 23 Законопроекта запрещает «добавление в столовое вино и столовые виноматериалы плодовых виноматериалов или плодовых вин, вытяжек и отваров из плодов и ягод» под угрозой объявления такой продукции фальсификацией столового вина. Но под этот запрет подпадает целый ряд зарубежных вин, в странах производства которых национальное законодательство вполне допускает в производстве вин такие добавки.

Так, в соответствии со статьей 17 Закона Болгарии «О вине и спиртных напитках» от 16 сентября 1999 г. (с последующими изменениями), ароматизированными винами являются вина, чей органолептический характер оформлен путем ароматизации естественными ароматизирующими веществами и/или естественными ароматизирующими композициями, и/или лечебными травами и приправами, включительно и вытяжками из них, и/или вкусовыми продуктами, и/или их комбинациями.

Абзац 5 пункта 2 статьи 23 Законопроекта относит к методам фальсификации столовых вин «подмену сортов винограда в период уборки и переработки винограда», но ничего не говорит о запрете подмены сортов винограда в период выращивания (не устанавливается и система проверок виноградников).

3. Иные существенные недостатки категориально-понятийного аппарата Законопроекта.

Характеризуется существенными недостатками и требует уточнения содержащееся в подпункте 3 статьи 2 определение понятия «столовые виноматериалы»: «столовое вино наливом, предназначенное для производства столового вина путем розлива в потребительскую тару, или для производства различных винодельческих продуктов и не подлежащее розничной продаже как готовый продукт».

Главным недостатком этого определения является то, что в нём проведено прямое отождествление столовых виноматериалов и готового столового вина. Согласно определению, столовые виноматериалы – это то же столовое вино (судя по формулировке, уже готовое), только «наливом» (то есть которое просто осталось лишь разлить по потребительской таре – бутылкам и т.д.). Таким образом, предусмотренное Законопроектом понятие виноматериалов не включает промежуточные винодельческие субпродукты (сусло виноградное, сусло виноградное концентрированное, сусло виноградное концентрированное ректифицированное, мистель, дистиллят винный и др.).

Вообще в Законопроекте ничего не говорится о промежуточных винодельческих субпродуктах, что, несомненно, следует оценить как значительное упущение. То, что в Законопроекте речь идет о столовых виноматериалах, а не о виноматериалах, не следует в данном случае принимать во внимание, учитывая выше описанную терминологическую путаницу в выделении столового вина как базового понятия и его определении.

Отметим также, что приведенное определение столовых виноматериалов допускает возможность производства вина просто методом розлива столовых виноматериалов («столового вина наливом») в тару. Вряд ли обоснованно закреплять простой розлив в качестве самостоятельного метода производства вина.

Но именно такой метод производства вина указан и в пункте 2 статьи 14, где сказано, что «юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, осуществляющие производство, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов, обязаны декларировать объем ... производства столовых виноматериалов, используемых для производства столового вина».

Характеризуется рядом недостатков и требует уточнения содержащееся в подпункте 4 статьи 2 определение понятия «сорт винограда»: «совокупность винограда одного вида, обладающего рядом общих признаков». Определение сорта через «вид» с «общими признаками» не может быть признано удовлетворительным,

поскольку не содержит в себе внятного и ясного раскрытия смысла этого понятия.

Законопроект не дает дефиниций ряда используемых важных понятий, которые, исходя из специфики виноградарско-винодельческой отрасли, как раз требуют своего определения. Например, не получили своего определения такие понятия, как:

«виноградарский центр» и «виноградарский микрорайон» (статья 6), «виноградарская зона» (статья 6, пункт 2 статьи 10), «центр возделывания винограда» и «микрорайон возделывания винограда» (пункт 2 статьи 10), «территория произрастания винограда» (пункт 2 статьи 10), «район произрастания винограда» (пункт 2 статьи 12)¹²;

«репутация вина» (пункт 4 статьи 10);

«знак обращения на рынке» (пункт 2 статьи 12) и «знак соответствия системы обязательной сертификации» (пункт 2 статьи 12);

«хранение столового вина» (пункты 2, 4, 5, 6 статьи 14 и др. положения Законопроекта);

«экстрактивность» (пункта 2 статьи 23);

«выдержка вин» и «выдержанное вино» (пункты 7 и 8 статьи 9, пункт 2 статьи 23).

Так, пункт 7 статьи 9 устанавливает, что выдержанное вино географического наименования – это вино географического наименования с обязательной выдержкой по месту производства до розлива не менее 12 месяцев. Но поскольку законопроект не определяет понятия выдержки и требования к условиям ее осуществления, то любой товар, пролежавший на складе более 12 месяцев, может быть объявлен как выдержанное вино. Можно, конечно, апеллировать к обычаям делового оборота в производстве вина и обусловливаемому ими устоявшемуся пониманию этого понятия. Но в условиях столь масштабных безобразий, творящихся ныне при производстве винодельческой продукции в России (огромный процент откровенного фальсификата, выдаваемого за вино), рассчитывать на этот аргумент было бы не вполне разумно. Допускаем, что такого рода технические термины должны получить раскрытие содержания в Федеральном законе «Технический регламент на вино», но поскольку проект такового разработчиками рассматриваемого Законопроекта не предложен, считаем данное замечание вполне уместным и обоснованным.

В пункте 2 статьи 8, пункте 2 статьи 12 и в пункте 2 статьи 26 упоминаются «соответствующие технические регламенты», принятие которых, как можно предположить по смыслу этих положений,

¹² Совершенно не представляется возможным уяснить из законопроекта различия и корреспонденции между собой всех этих понятий.

ождается и предусматривается. Но более ничего конкретного об их содержании выявить не удастся.

Законопроект дает не выдерживающее критики, совершенно невнятное определение не только «выдержанного вина географического наименования» (пункт 7 статьи 9), но и «коллекционного вина географического наименования» (пункт 8 статьи 9). К этим категориям вин предъявляются слишком скудные требования.

Такая терминологическая неопределенность совершенно чётко обуславливает следующее: в соответствии с пунктами 3, 6, 7 и 8 статьи 9 Законопроекта, не существует никаких юридических препятствий к тому, чтобы присвоить суррогату, изготовленному из порошка и низкокачественного сусла с добавлением сахарного песка (год, конечно же, «неблагоприятный»!) категорию «выдержанного вина географического наименования» (для этого нужно лишь выдержать этот суррогат до розлива 12 месяцев (в каких условиях, не имеет значения, поскольку Законопроект этого не оговаривает) – пункт 7 статьи 9) и даже категорию «коллекционного вина географического наименования» (для этого придется суррогат, уже переведенный в категорию «выдержанного вина географического наименования», дополнительно выдержать в стеклянных бутылках не менее трех лет – пункт 8 статьи 9).

Считаем, что нет особой необходимости доказывать, что такая государственная политика и такое правовое регулирование приведут к полному краху российской виноградарско-винодельческой отрасли.

Далее. Пункт 1 статьи 9 вводит следующие виды вин:

- сухое столовое вино;
- полусухое столовое вино;
- полусладкое столовое вино;
- сладкое столовое вино.

А пункт 3 статьи 9 дает следующее определение: «Полусухие, полусладкие и сладкие столовые вина – столовые вина, при изготовлении которых спиртовое брожение целых или дробленых ягод винограда или свежего виноградного сусла прекращено при достижении требуемой массовой концентрации сахаров или путем смешивания сухого столового виноматериала с концентрированным, ректифицированным концентрированным или сульфитированным виноградным суслом», из которого совершенно непонятно, чем же именно отличаются, по данному Законопроекту, полусухие, полусладкие и сладкие столовые вина.

Использованное в указанном пункте 3 статьи 9 понятие «сухого столового виноматериала» (что легализует производство суррогатов) нигде в Законопроекте не получает своего определения, что повлечет полное отсутствие порядка в области производства и оборота вина,

поскольку это понятие не корреспондирует подпункту 3 статьи 2 Законопроекта, где столовые виноматериалы определяются как готовое столовое вино, но только «наливом» (про «насып» там ничего не сказано). А следовательно, требования подпункта 1 статьи 2 относительно допустимого сырья и технологических методов при производстве столового вина на «сухой столовый виноматериал» не распространяются, и таковой допускается Законопроектом производить из всего, чего угодно, поскольку никаких требований к нему и в других статьях Законопроекта не закрепляется. Понятие «сухой столовый виноматериал» вообще более нигде не встречается в Законопроекте, кроме как в пункте 3 статьи 9.

Не выдерживает критики формулировка пункта 4 статьи 10 Законопроекта: «Для целей настоящего Федерального закона географические объекты представляют собой обозначения, которые идентифицируют товар как происходящий с территории определенного региона или конкретной местности на этой территории, где качество, репутация или другие характеристики столового вина в значительной степени связываются с его географическим происхождением».

Географические наименования возможно определять как обозначения, но отождествлять географические объекты и обозначения – совершенно неверно. Да и в целом все это определение крайне неудачно, юридически некорректно и содержательно ущербно, запутывает потенциального правоприменителя, а также производителей винодельческой продукции.

4. Недостатки в формулировании целей и приоритетов государственной политики в области виноградарства, виноделия и оборота вина.

Предусмотренные статьей 4 Законопроекта цели «государственной политики в области виноградарства, производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов» представляются слишком размытыми и невнятно сформулированными, а по содержанию – мелкими.

Ничего не говорится о необходимости содействия достижению и поддержанию конкурентоспособности российской винодельческой продукции на мировом рынке вина.

Формулировка цели «создание благоприятных условий для развития винодельческой отрасли», без уточнения, о каких именно условиях идет речь, какой смысл вкладывается в это, останется пустой декларацией.

Так же требует уточнения такая обозначенная цель государственной политики в области виноградарства, производства и

оборота столового вина и столовых виноматериалов, как «изменение структуры потребления алкогольных напитков». Какое изменение имеется в виду? Законопроект не предлагает никаких решений по вопросу о формировании у населения культуры винопития. Хотя, впрочем, о какой культуре винопития в этом Законопроекте может идти речь, если он легализует производство суррогатов под видом вин?!

Формулировка цели «создание равных условий для всех участников рынка столового вина и столовых виноматериалов» так же требует уточнения, поскольку и сейчас все участники обозначенного рынка находятся в равных условиях (с точки зрения законодательства), но их невозможно поставить в равные условия с точки зрения имущественной.

Обозначенное в качестве цели государственной политики в области виноградарства, производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов «стимулирование развития производства качественного столового вина» выглядит насмешкой, учитывая то, что Законопроект легализует использование понятия столового вина в отношении произведенных из порошков суррогатов.

5. Недостатки в определении Законопроектом системы органов исполнительной власти в области виноградарства, виноделия и оборота вина, в разграничении и распределении полномочий таких органов.

В Законопроекте не содержится чёткого установления системы органов исполнительной власти в области виноградарства, виноделия и оборота вина.

Логически некорректно сформулированным представляется первый абзац статьи 4: «Государственная политика в области виноградарства, производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в сфере виноградарства, производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов». Устоялась формулировка «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере...». А здесь эта форма оказалась как бы разорванной – говорится о том, что госполитику осуществляет орган, осуществляющий регулирование.

При этом в статье 5 Законопроекта говорится уже об органах (во множественном числе) государственной власти Российской Федерации в области производства винограда, производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов. Уточнения,

какие именно органы имеются в виду, и разграничения их полномочий Законопроектом не производится.

Статья 5 относит к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в области производства винограда, производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов «организацию и проведение государственного контроля за производством, оборотом, качеством и безопасностью столового вина и столовых виноматериалов». Но учитывая, что, согласно подпункту 3 статьи 2 Законопроекта, понятие «столовые виноматериалы», как показывалось выше, не включает в себя промежуточные винодельческие субпродукты и, тем более, сырье, таковые исключаются указанным положением статьи 5 из числа объектов контроля органов государственной власти Российской Федерации в области производства винограда, производства и оборота столового вина, в том числе на предмет их безопасности. На наш взгляд, это неверный подход.

Зафиксированный в статье 6 Законопроекта перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области виноградарства, производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов представляется крайне и неоправданно скудным. В области виноградарства и виноделия как раз лишь сами субъекты Российской Федерации и способны реально осуществлять государственную политику развития, а потому большая часть полномочий в этой сфере должна быть передана регионам.

Никаких чётко сформулированных полномочий не предоставляется статьей 7 Законопроекта органам местного самоуправления. Говорится лишь: «Органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями в области контроля за производством и оборотом столового вина и столовых виноматериалов с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств». Такой подход представляется неверным, заранее лишает Законопроект потенциала обеспечения существенного развития отрасли.

В целом считаем, что разработчики Законопроекта не справились с задачей разграничения и распределения полномочий в рассматриваемой области федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также органов местного самоуправления.

6. Недостатки в определении Законопроектом требований к этикетке упакованного столового вина.

Явно недостаточны требования, предъявляемые Законопроектом и к содержанию информации, указываемой на этикетке на потребительской таре вина. Краткие упоминания и даже некоторые требования, содержащиеся в пунктах 2 и 5 статьи 12, подпункте 1 пункта 2 статьи 20, пункта 2 статьи 23, не могут быть признаны удовлетворительными и не вполне соответствуют практике зарубежных стран в этом вопросе. Простого перечисления сведений, должных указываться на этикетке (пункт 2 статьи 12), недостаточно, требуется закрепление конкретизированных требований к такой информации.

Прежде всего, исходя из интересов защиты прав потребителей, если уже легализуются порошковые суррогаты под видом вин, потребителя обязаны уведомить об этом на этикетке потребительской тары, заполненной суррогатом. Но разработчики Законопроекта этот наиважнейший вопрос скромно обошли своим вниманием.

Помимо этого, отметим, что недостаточно закрепить требование указания на этикетках или ярлыках либо листках-вкладышах упакованного столового вина «предупреждения о вреде чрезмерного употребления столового вина для здоровья» (пункт 2 статьи 12), необходимо уточнение в Законопроекте, какой объем от общей площади должно по минимуму занимать такое уведомление, каковы содержание и форма этого уведомления.

Требуется уточнения содержащееся в пункте 2 статьи 12 Законопроекта и указание на «место нахождения производителя столового вина, осуществившего его розлив в потребительскую тару». Какое место нахождения имеется в виду в данном случае? Юридический адрес, реальное местонахождение органа управления, непосредственно предприятие, где был произведен розлив?

Пункт 2 статьи 12 требует указания на этикетке «района произрастания винограда (для вин географических наименований)». Но реализовать это требование для многих иностранных вин не представляется возможным. И какова степень детализации указания района произрастания винограда, учитывая, что рассматриваемый Законопроект ограничивается указанием субъекта Российской Федерации (пункт 1 статьи 10), а за рубежом применительно к винам контролируемых по происхождению наименований речь идет о конкретных виноградных плантациях?

7. Недостатки в определении Законопроектом требований к условиям хранения вин.

Пункты 2, 4, 5, 6 статьи 14, пункты 2 и 4 статьи 15, статья 16, подпункт 10 пункта 1 статьи 17 и др. положения Законопроекта говорят о «хранении столового вина», но Законопроект не оговаривает требований к условиям хранения – должны ли это быть капитальные хранилища (подземные, внутрискальные или поверхностные специальные инженерные сооружения), или речь идет просто о складах, в помещениях которых поддерживается определенная температура.

На наш взгляд, это существенный недостаток. Между тем, зарубежный опыт свидетельствует, что эффективным средством государственной поддержки виноделия является содействие созданию хранилищ, отвечающих самым современным требованиям.

Пункт 2 статьи 14 устанавливает обязанность юридического лица, индивидуального предпринимателя, осуществляющих производство, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов, декларировать объем находящегося на хранении произведенных столового вина и (или) столовых виноматериалов. Однако не указываются периодичность декларирования, равно как наименования или виды винодельческих продуктов, подлежащих декларированию. Имеются ли в виду заложенные для длительного хранения (выдержки) или вообще все? Если все, то как это возможно сделать на практике, если производство вина предусматривает постоянный технологический цикл, в котором этап технологических операций сменяется этапом хранения и наоборот?

Статья 14 предусматривает 3 различных вида деятельности в области производства и оборота винодельческой продукции, подлежащих лицензированию:

1) производство, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов (пункт 2 статьи 14);

2) закупка, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов (пункт 3 статьи 14);

3) хранение столового вина и столовых виноматериалов (пункт 4 статьи 14).

Но указанная статья 14 Законопроекта не отвечает на вопрос, отличается ли чем-то хранение в этих трех видах деятельности. И вообще, какова необходимость именно такого разделения – только лишь по критерию органа, выдающего лицензии на эти виды деятельности? (Согласно Законопроекту, выдача лицензий на закупку, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов, а также хранение столового вина и столовых виноматериалов отнесена к компетенции федеральных органов исполнительной власти (статья 5), а выдача лицензий на

производство, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов – к компетенции органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (статья 6)). Есть еще различные требования по размерам сборов за выдачу лицензий (статья 25). По нашему мнению, эти моменты требуют дополнительного уточнения.

Пункты 1, 3 и 5 статьи 16 устанавливают в качестве одного из условий для получения лицензии на любой из трех вышеуказанных видов деятельности – «наличие складских помещений, соответствующих требованиям, установленным для помещений, предназначенных для хранения пищевой продукции».

Какие именно имеются в виду помещения и что за требования к ним предъявляются, Законопроект снова не конкретизирует. И что означает «наличие» – в собственности, в аренде?

На наш взгляд, недостатком является и необоснованное смягчение требований к таким помещениям: в Законопроекте говорится о требованиях к «помещениям, предназначенным для хранения пищевой продукции» (пункты 1, 3 и 5 статьи 16, подпункт 10 пункта 1 статьи 17), а не о требованиях к помещениям, предназначенным именно для хранения винодельческой продукции, как должно быть. По нашему мнению, это ошибочный подход.

8. Недостатки в определении Законопроектом полномочий и прав производителей винодельческой продукции и их объединений.

Так, задачи саморегулируемых организаций в области виноградарства и виноделия (пункт 2 статьи 8) закрепляются явно недостаточно для того, чтобы создать потенциал развития российской виноградарско-винодельческой отрасли.

Считаем упуском Законопроекта то, что в нем не установлены полномочия саморегулируемых организаций по борьбе с фальсификациями винодельческой продукции и иными нарушениями в этой области (статьи 20, 21, 23) и, с другой стороны, конкретные полномочия по защите интересов производителей винодельческой продукции в отношениях с контролирующими органами.

9. Прочие недостатки.

Пункт 3 статьи 1 выводит из-под регулирования Законопроекта «розничную продажу столового вина». Это представляется напрасным и необоснованным. Данные отношения вполне можно было бы и стоило бы урегулировать обсуждаемым Законопроектом, поскольку для развития небольших винодельческих хозяйств в зонах туризма, в том числе сельскохозяйственного туризма, важны вопросы функционирования маленьких магазинчиков, где сами производители (не перекупщики) продавали бы свою винодельческую продукцию. И к

таким магазинам требования должны быть иными, нежели к крупным магазинам, просто торгующим винодельческой продукцией.

Пункт 2 статьи 11 Законопроекта закрепляет следующие требования: «Производители осуществляют производство столового вина географического наименования при соблюдении следующих условий:

выделение виноградарских зон, центров и микрорайонов возделывания винограда;

определение перечня сортов винограда;

установление методов агротехники возделывания винограда;

установление погектарной урожайности;

установление минимальной натуральной объемной доли этилового спирта;

осуществление анализа и оценки органолептических характеристик каждого наименования столового вина высокого качества установленного места производства».

Ответов на вопросы, что есть «определение перечня сортов винограда», «установление методов агротехники возделывания винограда» и «установление погектарной урожайности», что означают в данном случае слова «определение» и «установление», кем и в каком порядке указанное устанавливается и определяется, Законопроект не содержит.

Равно как не содержит Законопроект и установления порядка выделения виноградарских зон, центров и микрорайонов возделывания винограда.

По нашему мнению, должны быть объединены и существенно уточнены второй и третий абзацы пункта 3 статьи 10:

«Для производства столового вина географического наименования Правительством Российской Федерации устанавливается порядок:

формирования системы учета территорий произрастания винограда;

формирования системы учета почвенно-климатических особенностей территорий произрастания винограда;

формирования географических наименований».

Недостатком рассматриваемого Законопроекта является и то, что им не предусмотрено введения сертификатов на вина высшего качества, порядка выдачи таких сертификатов, подтверждающих качество вина.

Статья 16 Законопроекта, устанавливающая «лицензионные требования и условия к производству, закупке, хранению и поставкам столового вина и столовых виноматериалов», не устанавливает в качестве одного из таких требований наличия в собственности или долгосрочной аренде определенных объектов недвижимости, что

создает благоприятные условия для фирм-однодневок, мошеннических организаций. При отсутствии в Законопроекте требований к помещениям для хранения винодельческой продукции пункт 11 статьи 17, устанавливающий требование представления документа, подтверждающего «наличие у заявителя в пользовании на любом законном основании производственных и складских помещений, предназначенных для производства и хранения столового вина и (или) столовых виноматериалов», является явно недостаточным. Законным основанием «наличия» может быть признан договор аренды сроком на 2 месяца?

Пункт 4 статьи 24 устанавливает: «Конфискованные столовое вино и столовые виноматериалы, не соответствующие обязательным требованиям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, подлежат переработке. При невозможности осуществить такую переработку конфискованные столовое вино и столовые виноматериалы подлежат уничтожению». Однако Законопроектом не определяется, кто и в каком порядке должен осуществлять указанную переработку.

Вызывает много вопросов пункт 6 статьи 14:

«Уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти, в установленном Правительством Российской Федерации порядке, ежегодно представляет в Правительство Российской Федерации сводные балансы, содержащие данные:

- о соответствии объемов произведенного винограда объемам винограда, использованного для производства столового вина и столовых виноматериалов;

- о соответствии объемов использованного для производства столового вина и столовых виноматериалов винограда объемам произведенного столового вина и столовых виноматериалов;

- о соответствии объемов произведенных и закупленных столового вина и столовых виноматериалов».

О каком именно соответствии идет речь? Точного соответствия невозможно достичь, и его невозможно определить. А если подразумевается примерное соответствие, то какова допускаемая степень точности оценок? И в какой форме предполагается фиксация такого соответствия – в виде гигантских таблиц, отражающих сводные данные по всем винодельческим хозяйствам, или же некие обобщенные до макростатистического уровня цифр в масштабах страны?

Статья 20 Законопроекта, устанавливающая основания для прекращения действия, приостановления и аннулирования лицензий, требует переработки. Считаем, что должна быть разграничена ответственность просто за нарушения требований к технологии

производства вин и за умышленную фальсификацию винодельческой продукции. За незначительные нарушения должна быть многоступенчатая система мер ответственности, за грубые нарушения – свои меры ответственности.

Многие формулировки статьи 20 требуют уточнения. Так, подпункт 5 пункта 2 статьи 20 определяет несоответствие технологического оборудования «требованиям к производству пищевой продукции» как основание для приостановления действия лицензии на производство, хранение и поставки столового вина и столовых виноматериалов. Но должно быть указано не собирательное наименование оборудования «для производства пищевой продукции», а именно оборудование для производства винодельческой продукции.

И, как заключение, укажем в качестве весьма существенного недостатка Законопроекта отсутствие в нем необходимого и ожидаемого российскими виноградарями и виноделами объема правовых механизмов государственного стимулирования развития виноградарско-винодельческой отрасли и ее поддержки, обеспечения конкурентоспособности, устойчивости и рентабельности.

Вывод. Проект № 466404-4 федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов», внесенный 28.08.2007 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатами Государственной Думы Ю.А. Барзыкиным, В.Л. Горбачевым, В.С. Груздевым, Ю.Г. Медведевым, Е.В. Паниной, А.М. Сысоевым, П.Б. Шелищем, в настоящем виде принят быть не может и требует существенной переработки.

Соловьев А.А. Особенности правового статуса спортивных федераций во французском спортивном праве¹³

В контексте инициированной в нашей стране реформы спортивного законодательства особое звучание получает зарубежный опыт правового регулирования в этой сфере. При этом одним из наиболее интересных нам представляется опыт правового регулирования спортивных объединений. В настоящей статье считаем необходимым остановиться на кратком описании правового статуса спортивных федераций во Франции.

Правовой статус спортивных федераций в этой стране установлен главой I «Спортивные федерации» (статьи L131-1 – L131-21) части III «Спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги» книги I «Организация физкультурной и спортивной деятельности» Законодательной части Спортивного кодекса Франции, а также главой I «Спортивные федерации» (статьи R131-1 – R131-36) части III «Спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги» «Регламентарной части – Декреты» этого же кодекса.

Согласно статьям L131-1 и L131-2, спортивные федерации имеют целью организацию занятий одним или несколькими видами спортивных дисциплин. Они осуществляют свою деятельность совершенно самостоятельно. Спортивные федерации создаются в форме ассоциаций, в соответствии с Законом от 1 июля 1901 г. об ассоциациях, или, если они расположены в районах Нижнего Рейна, Верхнего Рейна и Мозеля, в соответствии с местным Гражданским кодексом.

При этом школьные и университетские федерации и союзы подчиняются положениям настоящего кодекса и книгам V и VIII Кодекса об образовании.

Статья L131-3 определяет, что спортивные федерации включают в себя спортивные ассоциации и могут объединять в качестве членов, на условиях, предусмотренных их уставами:

- 1) физических лиц, которым они непосредственно выдают лицензии;
- 2) коммерческие организации, целью которых является занятие одним или несколькими видами спортивных дисциплин,

¹³ **Соловьев Андрей Александрович** – кандидат юридических наук, федеральный судья, мастер спорта России.

Статья посвящена особенностям правового статуса спортивных федераций согласно Спортивному кодексу Французской Республики.

Ключевые слова: спортивные федерации, Франция, спортивный кодекс, спортивное право, зарубежное право.

относящимся к ведению соответствующей спортивной федерации, и которым они разрешают выдавать лицензии;

3) организации, которые, не имея в качестве цели занятие одним или несколькими видами спортивных дисциплин, относящимся к ведению соответствующей спортивной федерации, способствуют развитию одной или нескольких из них;

4) спортивные общества.

Важно отметить, что организации, указанные в пунктах 2 и 3 вышеуказанной статьи L131-3, избирают своих представителей в органы управления спортивной федерации согласно условиям, предусмотренным ее уставом, и с соблюдением следующих ограничений:

1) число представителей организаций, указанных в пункте 2 статьи L131-3, должно быть не более 20 % от общего числа членов руководящих органов федерации;

2) число представителей организаций, указанных в пункте 3 статьи L131-3 должно быть не более 10 % от общего числа членов руководящих органов федерации (статья L131-5).

За исключением школьных и университетских спортивных федераций, спортивными федерациями руководит один или несколько органов управления, избранных членами федерации.

Спортивная лицензия выдается спортивной федерацией или от ее имени. Она предоставляет право на участие в спортивной деятельности, которая относится к ведению данной федерации, согласно условиям, зафиксированным в уставе.

Уставы спортивных федераций могут предусматривать, что члены входящих в них ассоциаций должны обладать спортивной лицензией.

Для того чтобы сделать более благоприятным доступ ко всем видам спортивной деятельности, спортивные федерации, молодежные ассоциации и ассоциации народного образования, признанные министром по делам молодежи, могут устанавливать адаптированные правила занятия спортом, не подвергающие опасности участников.

Статьи L131-8 – L131-13 определяют особенности статуса так называемых «признанных спортивных федераций».

Установлено, что Министр по делам спорта может признать федерации, которые, с целью участия в выполнении общественно-полезных функций, приняли уставы, включающие некоторые обязательные положения, и дисциплинарный регламент, в соответствии с типовым регламентом.

Обязательные положения уставов и типовой дисциплинарный регламент определяются декретом Государственного Совета,

принятого после уведомления французского национального Олимпийского и спортивного Комитета.

Признанные спортивные федерации принимают участие в выполнении общественно-полезных функций, касающихся развития и демократизации физкультурной и спортивной деятельности.

Они не могут полностью или частично передавать порученные им общественно-полезные функции, кроме как в пользу профессиональных лиг, созданных в соответствии со статьей L132-1.

Признанные федерации могут пользоваться гражданскими правами, в том числе в случае нарушений, наносящих прямой или косвенный ущерб коллективным интересам лиц, обладающих их лицензией, и их спортивных ассоциаций.

Признанные федерации могут поручить своим национальным, региональным органам, а также органам, действующим в департаментах, часть функций в соответствии с обязательными положениями, предусмотренными во втором абзаце статьи L131-8. Они контролируют исполнение этой функции и имеют прямой доступ к документам, относящимся к управлению и бюджету этих органов.

Представители государства или государственные служащие, оплачиваемые государством, могут выполнять функцию спортивных технических консультантов в признанных федерациях, согласно условиям, определенным декретом Государственного Совета.

Признанные федерации могут заключить любой совместный договор относительно операций по покупке или продаже товаров или услуг в пользу входящих в их состав ассоциаций с согласия последних.

Договоры, указанные в первом абзаце, не могут быть заключены без соблюдения норм законодательства о конкуренции. Срок их действия ограничен четырьмя годами.

Представляет интерес особый статус так называемых «уполномоченных спортивных федераций», установленный статьями L131-14 – L131-21. Суть этих особенностей в следующем.

В каждой спортивной дисциплине только одна признанная федерация получает полномочия министра по делам спорта на определенный срок.

Декрет Государственного Совета определяет условия предоставления и прекращения полномочий после уведомления французского национального Олимпийского и спортивного Комитета.

Уполномоченные спортивные федерации:

1) организуют спортивные соревнования, по результатам которых присваиваются международные, национальные, региональные звания или звания департаментов;

2) проводят соответствующие отборы;

3) предлагают кандидатуры для внесения в списки спортсменов, тренеров, арбитров и судей спорта высших достижений, в списки спортсменов национальных надежд и в списки партнеров по подготовке.

Уполномоченные спортивные федерации утверждают:

- 1) технические правила по их дисциплине;
- 2) регламенты, касающиеся организации любого мероприятия, проводимого лицами, обладающими выданными такими федерациями лицензиями.

Декрет Государственного Совета, принятый после уведомления Национального совета по физической и спортивной деятельности, определяет условия вступления в силу федеральных регламентов, устанавливающих требования к спортивным сооружениям, используемых для участия в спортивных соревнованиях, организованных уполномоченными спортивными федерациями.

За исключением спортивных федераций, признанных до 16 июля 1992 г., только уполномоченные спортивные федерации могут использовать название «французская федерация» или «национальная федерация», а также присуждать звание «команда Франции» и «чемпион Франции», за которым следует наименование одной или нескольких спортивных дисциплин, и использовать его в своих уставах, договорах, документах или рекламных материалах.

Незаконное использование президентом, административным директором или руководителем любого юридического лица названий «французская федерация» или «национальная федерация» наказывается достаточно строго – денежным штрафом в 7 500 евро.

Организация, при отсутствии полномочий, предусмотренных в статье L131-14, соревнований, в результате которых присуждается международное, национальное, региональное или департаментское звание чемпиона или звание, способное создать смешение с одним из этих званий в нарушение условий статьи L131-17, наказывается денежным штрафом в 7 500 евро.

Тем не менее, признанные спортивные федерации могут присуждать звания национального, федерального, регионального или департаментского чемпиона, если после этих званий следует название федерации. Список званий, о которых идет речь в настоящем абзаце, установлен в декрете Государственного Совета.

Если в какой-либо спортивной дисциплине ни одна спортивная федерация не получила необходимых полномочий от министра по делам спорта, эти полномочия, установленные в соответствии с разделом 3 «Уполномоченные спортивные федерации» главы I «Спортивные федерации» части III «Спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги» книги I «Организация

физкультурной и спортивной деятельности» Законодательной части Спортивного кодекса Франции и статьями L311-2 и L331-4 в L331-7 этой же его части, могут осуществляться, определенный период времени и с разрешения министра по делам спорта, специализированной комиссией, созданной французским национальным Олимпийским и спортивным Комитетом.

Когда министр по делам спорта передает в административный суд акты, принятые в соответствии с полномочиями, указанными в статье L131-14, которые он считает противоречащими закону, он может также дополнить свое обращение ходатайством о приостановлении их действия. Данное ходатайство удовлетворяется, если в процессе рассмотрения дела представлены доказательства, ставящие под серьезное сомнение законность оспариваемых актов. Постановление по этому ходатайству выносится в течение месяца.

Глава I «Спортивные федерации» части III «Спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги» «Регламентарной части – Декреты» Спортивного кодекса Франции дополняет вышеуказанные положения.

Так, согласно статьям R131-1 и R131-2, спортивные федерации находятся под надзором министра по делам спорта, за исключением школьных и университетских спортивных федераций и объединений, которые находятся под надзором министра национального образования; министр по делам спорта тем не менее принимает участие в определении и внедрении их целей. Министры надзора следят, каждый в касающемся его вопросе, за соблюдением спортивными федерациями действующих законов и регламентов.

Компетентной юрисдикцией для вынесения решений по обжалованию в судебном порядке, направленному против индивидуальных решений, принятых федерациями во исполнение делегированных им отдельных государственных правомочий, является административный суд, в ведении которого находится местожительство или местонахождение юридического лица истца на дату принятия этих решений.

Статьи R131-3 – R131-12 устанавливают порядок аккредитации спортивной федерации в качестве «признанной спортивной федерации».

Прежде всего, устанавливается, что спортивные федерации, которые ходатайствуют о выдаче документа об аккредитации, предусмотренного в статье L131-8, в соответствии со статьей R131-3, должны:

- 1) принять уставы, включающие положения, которые гарантируют их демократическое функционирование, прозрачность их управления и равный доступ женщин и мужчин к их правящим

инстанциям, и включающие обязательные положения, предусмотренные в приложении I-5;

2) принять дисциплинарный регламент, соответствующий типовому дисциплинарному регламенту, фигурирующему в приложении I-6. В случае, если извещение о претензии от заинтересованного лица предшествует дате вступления в силу дисциплинарного регламента, соответствующего типовому дисциплинарному регламенту, дисциплинарные процедуры, проводимые федерациями, продолжают подчиняться прежде применявшимся положениям;

3) принять особый дисциплинарный регламент по вопросу о борьбе с употреблением допинга, соответствующий предписаниям статьи L232-21;

4) предъявить доказательства о своем существовании не менее трех лет;

5) привести доказательства о способности предложить своим членам административные структуры и специальный руководящий состав, который требуется для практики дисциплины.

При этом, в отступление от пункта 4 статьи R131-3, независимо от их срока существования могут получить документ об аккредитации:

1) федерации, созданные преобразованием специализированной комиссии, учрежденной французским национальным олимпийским и спортивным Комитетом, в условиях, предусмотренных в статье L131-19;

2) федерации, созданные преобразованием национальной комиссии, организованной внутри существующей признанной федерации;

3) федерации, созданные слиянием ранее признанных федераций.

К ходатайству о получении аккредитации прилагаются:

1) экземпляр уставов, внутреннего регламента, дисциплинарного регламента и особого дисциплинарного регламента по вопросу о борьбе с употреблением допинга;

2) протоколы трех последних генеральных ассамблей;

3) итоги и отчеты о финансовой деятельности последних трех закрытых финансовых годов и бюджет текущего финансового года.

Федерации, упомянутые в статье R131-4, представляют документы, упомянутые в вышеуказанных пунктах 2 и 3, за период их существования.

Постановление министра по делам спорта об аккредитации публикуется в Официальной Газете Французской Республики («Journal officiel de la République française»).

Решение, которым министр по делам спорта отказывает в выдаче аккредитации, должно быть мотивировано, и федерация о нем официально извещается.

Отсутствие ответа министра по делам спорта на ходатайство об аккредитации дольше четырех месяцев означает решение об отклонении ходатайства. Оно соответствует обязательству мотивации в условиях, предусмотренных статьей 5 Закона N 79-587 от 11 июля 1979 г. относительно мотивации административных актов и улучшения отношений между администрацией и обществом.

О любом изменении уставов, внутреннего регламента, дисциплинарного регламента, особого дисциплинарного регламента по вопросу о борьбе с употреблением допинга или финансового регламента, сделанном после выдачи документа об аккредитации, немедленно уведомляется министр по делам спорта. Оно сопровождается протоколом генеральной ассамблеи, которым оно утверждено.

Если изменение несовместимо с аккредитацией, предоставленной федерации, министр по делам спорта посредством мотивированного решения требует, чтобы было произведено необходимое регулирование.

Аккредитация может быть отозвана у федерации, которая прекращает соответствовать условиям, предусмотренным для выдачи, а именно:

1) в случае изменения уставов, дисциплинарного регламента или особого дисциплинарного регламента по вопросу о борьбе с употреблением допинга, несовместимого с законодательными и нормативными постановлениями;

2) по причине серьезного нарушения федерацией ее уставов, либо покушения на общественный порядок или на общественную нравственность;

3) в случае незнания правил гигиены или безопасности;

4) в случае незнания положений статей L212-1 и L212-2, относящихся к требованиям от лиц, которые преподают, организуют или руководят физкультурной или спортивной деятельностью или тренируют занимающихся спортом;

5) по причине, обоснованной общей пользой, которая связана со стимулированием и развитием физкультурной и спортивной деятельности.

Отзыв документа об аккредитации производится посредством мотивированного постановления министра по делам спорта. Это постановление публикуется в Официальной Газете Французской Республики («Journal officiel de la République française»).

Федерация, обладающая аккредитацией, предварительно информируется о причинах, по которым принято решение об отзыве аккредитации, и может предъявить свои замечания.

Спортивные федерации, признанные общественно полезными, которые ходатайствуют о получении аккредитации, предусмотренной в статье L131-8, должны выполнить условия, упомянутые в статье R131-3, и принять уставы, включающие положения, предусмотренные в части II приложения I-5 Спортивного кодекса Франции.

Понкина А.И. Особенности уголовного права и уголовного процесса штата Калифорния на примере «Закона трёх ударов»¹⁴

Уголовно-процессуальная реформа, идущая уже в течение нескольких лет в Российской Федерации, направлена на достижение сразу нескольких целей, из которых наиболее важной позиционируется достижение подлинной демократичности в основах и практике осуществления уголовного процесса, что предполагается обеспечивать, в том числе, посредством введения дополнительных гарантий и механизмов реализации состязательности в уголовном процессе, гарантий верховенства Закона.

Но немаловажным элементом реформы является и совершенствование механизмов защиты общества от преступной деятельности преступников-рецидивистов.

Очевидно, что функции и содержание наказания должны отличаться для лиц, впервые совершивших преступление, и для преступников-рецидивистов.

Ведущееся по этому вопросу в американской научной прессе обсуждение выявляет множество различающихся по аксиологическим и функциональным основаниям и предлагаемым подходам позиций, включая совершенно полярные: как ультралиберальную, так и

¹⁴ **Понкина Алена Игоревна** – студентка юридического факультета Российского университета Дружбы Народов.

Статья посвящена описанию особенностей уголовного права и уголовного процесса штата Калифорния (США), на примере т.н. «Закона трёх ударов».

Ключевые слова: «Закон трёх ударов», штат Калифорния, уголовное право, уголовный процесс, рецидивизм.

жесткую, предлагающую изолировать рецидивистов от общества на максимальные сроки. Нахождение оптимального решения требует учета или, по крайней мере, анализа опыта зарубежных стран по данному вопросу.

В этом смысле представляют интерес подходы и практика Соединенных Штатов Америки по указанной проблеме, и прежде всего, – т.н. «Закон трёх ударов».

В общем виде, содержание и особенности уголовного права и уголовного процесса США получили достаточное отражение в исследованиях таких российских ученых, как О.А. Жидков¹⁵, И.Д. Козочкин¹⁶, В.Н. Махов¹⁷, М.А. Пешков¹⁸ и др.

Эти вопросы были рассмотрены и в ряде переводных изданий зарубежных авторов, в частности: Л. Фридмэна¹⁹, У. Бернама²⁰ и др.

Известен и целый ряд научных работ, в общем виде или по отдельным аспектам рассматривающих вопросы усиления воспитательной функции уголовного права и уголовного процесса. Обоснованно, в частности, упомянуть работы Т.Ф. Минязевой²¹ и С.П. Кубанцева²².

Вызывает интерес теория специальной превенции (special or particular deterrence), в которой делается упор на индивидуальное устрашение и согласно которой от совершения преступлений в будущем должны удерживать как само наказание, так и система

¹⁵ Жидков О.А. Верховный суд США: Право и политика / Отв. ред. А.А. Мишин; Академия наук СССР. Институт США и Канады. – М.: Наука, 1985. – 221 с.; Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Под ред. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс – Универс, 1993.

¹⁶ Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб: Юридический центр Пресс, 2007. – 478 с.; Козочкин И.Д. Реформа американского уголовного права // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 142–151; Козочкин И.Д. Территориальный принцип действия федеральных уголовных законов США // Государство и право. – 2005. – № 9. – С. 64–69; и др.

¹⁷ Махов В.Н., Пешков М.А. «Состязательность» моделей уголовного процесса США // Государство и право. – 1999. – № 12. – С. 81–87.

¹⁸ Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США. – М.: Спарк, 1998. – 104 с.; Пешков М.А. Государственный обвинитель в уголовном процессе США // Законность. – 1998. – № 1. – С. 52–56.

¹⁹ Фридмэн Л. Введение в американское право: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993.

²⁰ Бернам У. Правовая система США. – 3-й выпуск. – М.: Новая юстиция, 2007. – 1216 с.

²¹ Минязева Т.Ф. Аксиологическая характеристика правовых норм об отсрочке исполнения приговора осужденному // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки. – Свердловск, 1990. – С. 156–162.

²² Кубанцев С.П. Применение probation и досрочного освобождения от отбытия наказания в виде лишения свободы в США // Журнал Российского права. – 30.01.2006. – № 1.

отбытия наказания, то есть неприятные ощущения, повторения которых осужденный не хотел бы в будущем²³.

Однако в указанных и других отечественных и переводных (на русский язык) научных исследованиях, касающихся уголовного права и уголовного процесса в США, не получили должного раскрытия вопросы содержания т.н. «Закона трёх ударов», который является одним из наиболее ярких и характерных выражений реализуемого сегодня почти в половине штатов США подходов уголовно-правовой политики по борьбе с уголовным рецидивизмом.

Между тем, рассмотрение содержания и особенностей указанного нормативного правового акта и учет особенностей и результатов его применения позволит избежать многих ошибок в российской уголовно-правовой политике.

В США тема «Закона трёх ударов» исследована целым рядом авторов, среди которых считаем обоснованным выделить следующих: профессор права лос-анджелесской Школы права Лойола (Loyola Law School) Сэмюэль Пиллсбэри (Samuel H. Pillsbury)²⁴; президент Национального совета по преступлениям и правонарушениям Барри Крисберг (Barry Krisberg)²⁵; Дон Томпсон (Don Thompson)²⁶; Майк Рейнольдс (Mike Reynolds)²⁷; Ахмед А. Уайт (Ahmed A. White)²⁸; Карлайсл Е. Муди (Carlisle E. Moody), Томас Б. Марвелл (Thomas B. Marvell) и Роберт Дж. Камински (Robert J. Kaminski)²⁹; Джефффри Л. Джонсон (Jeffry L. Johnson) и Мишель А. Сент-Жермен (Michelle A. Saint-Germain)³⁰; Франклин Е. Зимрин (Franklin E. Zimring),

²³ См.: Козочкин И.Д. Цели наказания и их реализация в правоприменительной практике США // Проблемы наказания по законодательству России и зарубежных стран: Материалы межвузовской конференции. – М., 1999. – С. 21.

²⁴ Pillsbury Samuel H. A Problem in Emotive Due Process: California's Three Strikes Law // Buffalo Criminal Law Review. – 2002. – Vol. 6. – P. 483–524.

²⁵ Krisberg Barry. When California got tough on crime // <<http://www.criminology.fsu.edu/penology/news/When%20California%20got%20tough%20on%20crime.htm>>. (Последнее посещение 01.06.2009).

²⁶ Thompson Don. California Prisons Rocked by Problems // «USA Today» <http://www.usatoday.com/news/nation/2008-04-05-2070872830_x.htm>. – 05.04.2008. (Последнее посещение 05.06.2009).

²⁷ Reynolds Mike. 3-Strikes 1994 to 2004: A Decade of Difference (2004) // <<http://www.threestrikes.org/TenYearReport04.pdf>>. (Последнее посещение 07.06.2009).

²⁸ White Ahmed A. The Juridical Structure Of Habitual Offender Laws And The Jurisprudence Of Authoritarian Social Control // The University of Toledo Law Review (<<http://law.utoledo.edu>>). – 2006, Spring. – Vol. 37. – № 3. – P. 705–746.

²⁹ Moody Carlisle E., Marvell Thomas B., Kaminski Robert J. Unintended Consequences: Three-Strikes Laws and the Murders of Police Officers. – Washington, D.C.: National Institute of Justice, 2002.

³⁰ Johnson Jeffry L., Saint-Germain Michelle A. Officer Down: Implications of Three Strikes for Public Safety // Criminal Justice Policy Review. – 2005, December – Vol. 16. – Issue 4. – P. 443–460.

Гордон Хоукинс (Gordon Hawkins) и Сэм Камин (Sam Kamin)³¹; Райан Кинг (Ryan King) и Марк Мауер (Marc Mauer)³²; Джоанна М. Шеперд (Joanna M. Shepherd)³³; Донна Лайонс (Lyons Donna)³⁴; Майкл Дж. Тёрнер (Michael G. Turner)³⁵; Джон Кларк (John Clark) и Д. Алан Генри (D. Alan Henry)³⁶; Джеймс Остин (James Austin)³⁷; Брэндон К. Апплгейт (Brandon K. Applegate), Фрэнсис К. Каллен (Francis T. Cullen), Джоди Л. Сандт (Jody L. Sundt)³⁸.

Но, к сожалению, эти научные исследования не введены в российский научно-правовой оборот и недостаточно известны среди российских правоведов.

Поэтому считаем актуальным провести настоящее исследование, начало которому было положено обращением к короткой заметке в интернет-энциклопедии «Википедия», но которое вследствие возникновения в последующем нашей заинтересованности и использования нами нормативных и научных первоисточников превратилось в самостоятельное, цельное, системное уголовно-правовое исследование обозначенной темы.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение уголовно-правового института борьбы с уголовным рецидивизмом в Соединенных Штатах Америки на примере штата Калифорния; научный анализ «Закона трёх ударов», а также

³¹ *Zimring Franklin E., Hawkins Gordon, Kamin Sam. Punishment and Democracy: Three Strikes and You're Out in California.* – New York: Oxford University Press, 2001. – 244 p.; *Zimring Franklin E., Kamin Sam, Hawkins Gordon. Crime and punishment in California: the impact of three strikes and you're out.* – Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, University of California, 1999.

³² *King Ryan, Mauer Marc. Aging Behind Bars: «Three Strikes» Seven Years Later. Analyzes the effectiveness of California's "Three Strikes and You're Out" law, its impact on crime in the state and the law's propensity to impact older offenders.* – California: Sentencing Policy, Incarceration, 2001, August. <http://www.sentencingproject.org/Admin%5CDocuments%5Cpublications%5Cinc_agin g.pdf>. (Последнее посещение 05.06.2009).

³³ *Shepherd Joanna M. Fear of the First Strike: the full deterrent effect of California's Two- and Three-Strikes Legislation // Journal of Legal Studies (The University of Chicago).* – 2002, January. – Vol. XXXI.

³⁴ *Lyons Donna. «Three Strikes» Legislation Update // National Conference of State Legislatures.* – 1995, December.

³⁵ *Turner Michael G. et al. Three Strikes and You're Out' Legislation: A National Assessment // Federal Probation.* – 1995, September. – Vol. 59. – № 8.

³⁶ *Clark John, Austin James, Henry D. Alan. Three Strikes and You're Out // A Review of State Legislation (NCJ 165369).* – 1997.

³⁷ *Austin James. «Three Strikes and You're Out»: The Likely Consequences on the Courts, Prisons, and Crime in California and Washington State // St. Louis University Public Law Review.* – 1994. – Vol. 14. – № 1.

³⁸ *Applegate Brandon K., Cullen Francis T., Turner Michael G., Sundt Jody L. Assessing Public Support for Three-Strikes-and-You're-Out Laws: Global versus Specific Attitudes // Crime and Delinquency.* – 1996. – № 42. – P. 517–534.

элементов составов и квалифицирующих признаков подпадающих под него преступлений.

Достижение указанной цели возможно путем реализации следующих основных задач:

- исследование концептуальных принципов и общего содержания «Закона трёх ударов»;

- исследование правовых форм и особенностей закрепления «Закона трёх ударов» в уголовном законодательстве штата Калифорния США;

- исследование положительных и негативных особенностей, результатов и последствий действия «Закона трёх ударов».

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с рецидивами совершения преступлений, предусмотренных уголовным законодательством штата Калифорния США³⁹. Предметом исследования выступают: современное уголовное законодательство штата Калифорния США, регламентирующее ответственность за рецидивные совершения преступлений; материалы соответствующей правоприменительной, в том числе судебной, практики; юридическая литература⁴⁰ США, касающаяся обозначенных проблем.

Нормативную базу исследования составили Уголовный кодекс штата Калифорния США⁴¹, а также решения судебных инстанций этого штата.

§ 1. «Закон трёх ударов» в уголовно-правовой системе США. Общие сведения

«Закон трёх ударов» (англ. – «Three strikes law»; известно и другое устоявшееся название – «Закон трёх преступлений». В американской юриспруденции эти законы известны также под названием «habitual offender laws»⁴²) – это совокупность уголовно-правовых норм, принятых на уровне конкретного штата США и обеспечивающая возможность и необходимость судам штата приговаривать тех, кто совершил три тяжких преступления, к длительным срокам тюремного заключения. Такая государственная политика осуждения преступников-рецидивистов стала достаточно

³⁹ California Penal and Evidence Codes / With Selected Provisions from Other Codes and Rules of Court. – Los-Angeles: Thomson/West, 2007. – 2791 p.

⁴⁰ Поскольку правовые доктрины считаются в США одним из источников права, считаем обоснованным рассматривать в контексте заявленной темы исследования касающиеся ее научные работы американских авторов.

⁴¹ California Penal and Evidence Codes / With Selected Provisions from Other Codes and Rules of Court. – Los-Angeles: Thomson/West, 2007. – 2791 p.

⁴² White Ahmed A. The Juridical Structure Of Habitual Offender Laws And The Jurisprudence Of Authoritarian Social Control // The University of Toledo Law Review (<<http://law.utoledo.edu>>). – 2006, Spring. – Vol. 37. – № 3. – P. 705–746.

популярной в США с конца XX века. Название законов возникло из правил игры в бейсбол, где отбивающий может пропустить два удара, прежде чем выбыть из игры, пропустив третий удар. Как отмечают Ф.Е. Зимрин, Г. Хоукинс и С. Камин, практика осуждения преступников-рецидивистов на более длительные сроки тюремного заключения и более суровые условия отбывания наказания, чем для совершивших преступление впервые, не является принципиально новой.⁴³ К примеру, в штате Нью-Йорк похожий закон действовал с конца XIX века. Однако применение его не являлось обязательным, судьи в каждом конкретном случае решали – применять данный закон или нет, и могли определять срок тюремного заключения преступников самостоятельно, в достаточно широких пределах.⁴⁴

Первый обязательный к применению «Закон трёх ударов» был принят в 1993 году в штате Вашингтон на референдуме. Годом спустя аналогичный закон был одобрен жителями штата Калифорния с результатом 72 % «за», 28 % «против». Калифорнийский закон получил название «Три удара – и ты выбыл» (Three Strikes and You're Out (англ.)), из-за того, что согласно этому Закону, совершившие третье преступление приговаривались, фактически, к пожизненному заключению.⁴⁵

Аналогичные законы вскоре принимаются и во многих других штатах, но ни в одном такие жёсткие, как в Калифорнии. К 2004 году в 26 штатах, а также на федеральном уровне, были приняты законы, реализующие концепцию «трёх ударов»; а именно: третье преступление влечёт за собой пожизненное тюремное заключение без права на досрочное освобождение в течение длительного времени, либо, более распространённый вариант, 25-летний тюремный срок.⁴⁶

Время вступления в силу «Закона трёх ударов» в разных штатах США⁴⁷: Арканзас (1995), Калифорния (1994), Колорадо (1994), Коннектикут (1994), Флорида (1995), Джорджия (1994), Индиана (1994), Канзас (1994), Луизиана (1994), Мериленд (1994), Монтана (1995), Невада (1995), Нью-Джерси (1995), Нью-Мексико (1994), Северная Каролина (1994), Северная Дакота (1995), Пенсильвания

⁴³ *Zimring Franklin E., Hawkins Gordon, Kamin Sam. Punishment and Democracy: Three Strikes and You're Out in California. – New York: Oxford University Press, 2001. – 244 p. – P. 4.*

⁴⁴ Some Facts on Three Strikes Law // <<http://prisonmovement.wordpress.com/2009/06/14/some-facts-on-three-strikes-law>>; Закон трёх ударов // <<http://ru.wikipedia.org>> (Последнее посещение 01.06.2009).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Three Strikes and You're Out. Stop Repeat Offenders // <<http://www.threestrikes.org/3strikestates.html>> (Последнее посещение 01.06.2009).

(1995), Южная Каролина (1995), Теннесси (1994), Юта (1995), Вермонт (1995), Виргиния (1994), Вашингтон (1993), Висконсин (1994).

Условия применения «Закона трёх ударов» в каждом штате имеют свои особенности. Так, в ряде штатов «Закон трёх ударов» применяется только в случае, когда все три совершенных преступления были связаны с насилием и лицо, их совершившее, уже отбывало уголовное наказание в форме лишения свободы. В других штатах (например, в Калифорнии) преступнику назначается наказание в виде лишения свободы на длительный срок, если предыдущие два преступления были насильственными или просто «серьёзными»⁴⁸.

По мнению судьи Сандры Дэй О'Коннор (Sandra Day O'Connor), «Законы трёх ударов», подробно исследовавшие ею в контексте правоприменительной практики, представляли новую тенденцию в уголовном приговоре. «Эти законы отвечают на широко распространенные общественные проблемы, связанные с преступлениями, изолируя совокупность преступников, которые представляют самую большую угрозу общественной безопасности: “карьерные преступники”, рецидивисты. Такие законы были преднамеренным выбором политики со стороны законодательных органов, чтобы изолировать тех, кто неоднократно участвовал в серьезном или тяжком преступном поведении, от остальной части общества, чтобы защитить общественную безопасность»⁴⁹.

§ 2. «Закон трёх ударов» в уголовном законодательстве штата Калифорния

Согласно Уголовному кодексу штата Калифорния, целью лишения свободы за совершение преступления является наказание, данная цель наилучшим образом достигается посредством назначения сроков лишения свободы, соразмерных тяжести преступления, при обеспечении единообразия мер наказания, назначаемых за одни и те же преступления, совершенные при сходных обстоятельствах (статья 1170(a)(1)).

Как отмечает Сэмюэль Пиллсбэри, так называемый Закон «Три удара – и Вы удалены» в штате Калифорния фактически состоит из двух различных постановлений. Во-первых, «Закон трёх ударов» непосредственно закреплен нормами статей 667(e)(2)(A)(ii) и

⁴⁸ Some Facts on Three Strikes Law.

⁴⁹ The cases are *Ewing v. California*, 01-6978, and *Lockyer v. Andrade*, 01-1127. Supreme Court: <<http://www.supremecourtus.gov>>; «Three Strikes» Sentences Ruled Safe by High Court // <http://www.cfif.org/htdocs/legal_issues/legal_updates/us_supreme_court/three_strikes.htm>. – 06.03.2003. (Последнее посещение 06.06.2009).

1170.12(c)(2)(A)(ii) Уголовного кодекса штата Калифорния⁵⁰, то есть был принят посредством изменений в Свод законов штата Калифорния, подписан губернатором штата в начале 1994 года⁵¹. А во-вторых, этот Закон закреплялся посредством принятия поправки к Конституции штата Калифорния, принятой на общем референдуме штата в конце 1994 года. Формулировки этих двух законов были почти, но не полностью идентичны.⁵² На основании конституционного статуса второго из двух актов, закон не может быть изменен законодательным органом иначе, чем большинством в две трети общего числа членов законодательного органа штата⁵³. Поэтому «Закон трёх ударов» имеет двойственную природу, обеспечивая возможность увеличить наказание для преступников-рецидивистов двумя различными способами, согласно тому, применяются ли так называемое второе или третье условие «Закона трёх ударов»⁵⁴.

Согласно подпункту «А» пункта 2 части «е» статьи 667 Уголовного кодекса штата Калифорния, «в целях, закрепленных в частях от (b) до (i) настоящей статьи включительно и в дополнение к любому другому повышению или условиям наказания, которые могут применяться, должно применяться следующее положение в случае, когда осужденный имеет предшествующую судимость за совершение уголовного преступления. ... Если осужденный имеет две или более предшествующих судимости за совершения уголовных преступлений, как определено в части «d», которые были доказаны, срок для текущего осуждения за совершение уголовного преступления должен быть неопределенным сроком пожизненного заключения с минимальным сроком неопределенного предложения, вычисленного как большее из: (i) Утроенный срок, иначе обеспеченный как наказание за каждое текущее осуждение уголовного преступления, последующее за двумя или больше предшествующими осуждениями за совершение уголовного преступления. (ii) Заключение в тюрьме штата на срок 25 лет. (iii) Срок, определенный судом в соответствии со статьей 1170 для основного осуждения, включая любое повышение, применимое в соответствии с главой 4.5 (начиная со

⁵⁰ В штате Калифорния нормы уголовно-процессуального права объединены с уголовно-правовыми нормами в одном нормативном акте, – прим. авт.

⁵¹ California Penal Code § 667 (h)-(i). Для более детального исследования истории принятия «Закона трёх ударов» см.: *Moore Dwight W. Felony Sentencing // California Continuing Education of the Bar, California Criminal Law: Procedure and Practice.* – 5th ed. – 2000. – P. 961, 998–1006.

⁵² California Penal Code § 1170.12. См. Также: *People v. Hazleton*, 926 P.2d 423 (Cal. 1996).

⁵³ California Penal Code § 667(j).

⁵⁴ *Pillsbury Samuel H. A Problem in Emotive Due Process: California's Three Strikes Law // Buffalo Criminal Law Review.* – 2002. – Vol. 6. – P. 483–524.

статьи 1170) титула 7 из Части 2, либо на любой период, предписанный статьей 190 или 3046.»⁵⁵

Согласно Уголовному кодексу штата Калифорния, отнюдь не все, а только ряд преступлений квалифицируются как преступления, подпадающие под «Закон трёх ударов» («Three-Strikes Offenses»), засчитываемые за два первых преступления и при совершении любого третьего преступления дающие основания для применения предусмотренных указанным Законом суровых наказаний. В том числе нижеследующие преступления⁵⁶: убийство первой и второй степени при отягчающих обстоятельствах; изнасилование первой, второй и третьей степени; убийство первой и второй степени⁵⁷; изнасилование ребенка первой и второй степени; поджог первой степени; нападение на ребенка первой и второй степени; нападение первой и второй степени; преступное подстрекательство к совершению убийства первой степени или поджога первой степени; бегство от правосудия лица, переданного на поруки после ареста за убийство первой степени; берглэри первой степени; растление детей первой и второй степени; преступный сговор с целью совершения убийства первой степени; преступная попытка совершить убийство первой степени или поджог первой степени; убийство при изнасиловании; похищение ребенка первой и второй степени; организация и осуществление руководства организованной преступностью; ограбление первой и второй степени; убийство посредством запрещенного законом вещества; вымогательство первой степени; инцест в отношении ребенка младше 14 лет; преступление, совершенное освобожденным из мест заключения лицом; содействие проституции первой степени; сексуальная эксплуатация; совершение убийства при управлении автотранспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; нападение на автотранспортное средство.

То есть чтобы подпадать под второе условие «Закона трёх ударов», виновное лицо должно было совершить, по крайней мере, одно предшествующее уголовное преступление, которое зафиксировано в списке законодательно определяемых «серьезных» или «сильных» преступлений, типа убийства, поджога, различных преступлений, связанных с нападениями и определенными

⁵⁵ California Penal and Evidence Codes / With Selected Provisions from Other Codes and Rules of Court. – Los-Angeles: Thomson/West, 2007. – 2791 p. – P. 424–425. Перевод с англ: А.И. Понкиной.

⁵⁶ California Penal and Evidence Codes / With Selected Provisions from Other Codes and Rules of Court. – Los-Angeles: Thomson/West, 2007. Более подробно см.: Violent and serious felonies according to California statutes // <<http://www.threestrikes.org/tscrim.html>> (Последнее посещение 01.06.2009).

⁵⁷ В английской формулировке: «Manslaughter». Простое убийство без злого предумышления.

продажами запрещенных веществ несовершеннолетним⁵⁸. Одно из часто встречающихся в таких делах уголовных преступлений в списке – берглэри⁵⁹. При этом учитываются такие судебные приговоры за серьезные или сильные уголовные преступления, вынесенные не только в Калифорнии, но и в любом другом штате или федеральным судом; судебные решения по эквивалентным преступлениям в ювенальных процессах так же подлежат учету⁶⁰.

Лицо, имеющее в своем досье судимость, засчитываемую по «Закону трёх ударов», окажется перед удвоенным наказанием за любое новое уголовное преступление, совершаемое в штате Калифорния. Нет никаких ограничений на вид уголовного преступления, которое составляет «второй удар». Первое засчитываемое преступление должно быть «серьезным» или «сильным» уголовным преступлением, тогда как такого условия для второго преступления нет.⁶¹ Преступник-рецидивист подпадает под третье условие «Закона трёх ударов», если, будучи обвиненным в совершении какого-нибудь нового уголовного преступления, он имеет, по крайней мере, две предшествующих судимости за совершение уголовных преступлений, квалифицируемых как «серьезные» или «сильные». Так же, как и со вторыми преступлениями, засчитываемыми по «Закону трёх ударов», нет никаких ограничений на вид уголовного преступления, которое приобретет квалификацию в качестве так называемого «третьего удара»⁶². Имеется даже, по крайней мере, три случая, когда за третье преступление – «третий удар» – засчитывался проступок, но это рассматривалось как уголовное преступление из-за предшествующих осуждений за

⁵⁸ California Penal Code §§ 667(a)(4); 1192.7.

⁵⁹ California Penal Code § 1192.7(c)(18). Условие берглэри считается существенным, поскольку согласно Калифорнийскому законодательству, фактически любое проникновение в населенное жилье, принадлежащее другому, сопровождаемое намерением совершить уголовное преступление там, составляет берглэри. См. судебное решение по делу «People v. Salemme», 3 Cal. Rptr. 2d 398 (Ct. App. 1992) (признанная судом берглэри, когда преступник проник в дом жертвы, чтобы продать мошеннические ценные бумаги).

⁶⁰ California Penal Code §§ 667(d)(3); 1170.12(b)(3). См. также судебное решение по делам «People v. Fowler», 84 Cal. Rptr. 2d 874 (Ct. App. 1999), и «People v. Davis», 938 P.2d 938 (Cal. 1997). Правда, имеются некоторые ограничения, самые важные из которых: преступление, ранее совершенное подростком, засчитывается, если подросток был в возрасте старше 16 лет во время совершения преступления. California Penal Code §§ 667(d)(3)(A); 1170.12(b)(3)(A).

⁶¹ People v. Benson, 954 P.2d 557, 558 (Cal. 1998).

⁶² Как считает С. Пиллсбэри, терминология здесь становится запутывающей, поскольку, в соответствии со вторым условием «Закона трёх ударов», третий «удар» не обязательно должен быть уголовным преступлением, квалифицируемым как серьезное или сильное.

совершение преступлений⁶³. Осуждение за совершение третьего преступления влечет по «Закону трёх ударов» лишение свободы сроком, как минимум, на 25 лет^{64, 65}.

5 марта 2003 г. Верховный Суд США вынес решение о том, что «Закон трёх ударов» штата Калифорния не противоречит восьмой поправке к Конституции США, запрещающей «жестокие и необычные наказания», поддержав сторону обвинения в делах, где третье преступление не было сопряжено с насилием, – «Юинг против Калифорнии»⁶⁶ и «Локиер против Эндрэда»⁶⁷.

Как отмечает Джоанна М. Шепперд, штат Калифорния является единственным, проводящим в жизнь «Закон трёх ударов» с регулярностью⁶⁸. Поэтому считаем важным остановиться на исследовании результатов применения «Закона трёх ударов» в штате Калифорния.

По данным Департамента юстиции штата Калифорния и Департамента исправительных учреждений штата Калифорния, за 10 лет до введения в действие в Калифорнии «Закона трёх ударов» количество таких преступлений, как убийства, изнасилования, грабежи, вооружённые нападения и кражи транспортных средств, составило 8825353, тогда как в течение 10 лет после введения закона в действие их число уменьшилось до 6780964.⁶⁹

Только между апрелем 1994 г. и декабрем 1996 г. суды штата Калифорния отправили в тюрьму по «Закону трёх ударов» 26074 человек, то есть больше, чем любой другой штат. Более 90 процентов ходатайств обвинения о применении «Закона трёх ударов» были осуществлены именно в штате Калифорния⁷⁰ (что, собственно, и

⁶³ См. судебное решение по делу «Andrade v. California», 270 F.3d 743 (9th Cir. 2001), cert. granted, 535 U.S. 969 (2002); California Penal Code § 666 (мелкое воровство из-за предшествующих осуждений было приравнено к серьёзному уголовному преступлению, подпадающему под действие «Закона трёх ударов»).

⁶⁴ California Penal Code § 667(e)(2)(A) (West 2002). При особых условиях осужденный может получить минимальный срок 20 лет тюремного заключения. Но с другой стороны, срок заключения может быть и существенно увеличен. California Penal Code § 667(e)(2)(A)(i).

⁶⁵ Pillsbury Samuel H. A Problem in Emotive Due Process: California's Three Strikes Law // Buffalo Criminal Law Review. – 2002. – Vol. 6. – P. 483–524.

⁶⁶ Ewing v. California, 538 U.S. 11.

⁶⁷ Lockyer v. Andrade, 538 U.S. 63 (2003).

⁶⁸ Shepherd Joanna M. Fear of the First Strike: the full deterrent effect of California's Two- and Three-Strikes Legislation // Journal of Legal Studies (The University of Chicago). – 2002, January. – Vol. XXXI.

⁶⁹ Reynolds Mike. 3-Strikes 1994 to 2004: A Decade of Difference (2004) // <<http://www.threestrikes.org/TenYearReport04.pdf>>. (Последнее посещение 07.06.2009).

⁷⁰ Shepherd Joanna M. Fear of the First Strike: the full deterrent effect of California's Two- and Three-Strikes Legislation // Journal of Legal Studies (The University of Chicago). – 2002, January. – Vol. XXXI; Zimring Franklin E., Kamin Sam, Hawkins

оправдывает наш выбор этого штата для описания сути такого рода уголовно-правового подхода в целом).

Как и всякая иная новация, «Закон трёх ударов» с самого начала своей «жизни» начал вызывать и вызывает по сей день бурную критику.

Сторонники «законов трёх ударов» утверждают, что эти законы защищают общество, изолируя и удерживая преступников-рецидивистов⁷¹.

Критики же утверждают, что сдерживающий эффект «законов трёх ударов» является ничтожным⁷².

Считаем обоснованным рассмотреть содержание дискуссии о результатах и последствиях применения «Закона трёх ударов», а также основные аргументы критиков этого Закона, поскольку, на наш взгляд, это позволяет лучше разобраться в содержании этого Закона, особенностях, результатах и последствиях его применения.

В ответ на аргументы в защиту полезности и эффективности «Закона трёх ударов», делающие упор на факте сокращения количества «серьезных» преступлений в штате за 10 лет применения Закона по сравнению с десятилетним периодом до его принятия, критики этого Закона (Джанет Гилмор и др.) заявляют, что тенденция к снижению числа преступлений наблюдалась в указанный период на всей территории Соединённых Штатов Америки, включая и штаты, в которых такие законы приняты не были⁷³.

Другим частым аргументом критиков «Закона трёх ударов» является утверждение о том, что этот Закон увеличивает нагрузку пенитенциарные учреждения штата, которые и без того уже переполнены, и заставляет строить все новые и новые места лишения свободы.

Как отмечает Барри Крисберг, считающий «Закон трёх ударов» декларацией «вопиющей несправедливости», за последние 10–15 лет количество заключённых в тюрьмах штата Калифорния увеличилось с 30 000 человек до приблизительно 160 000. При этом, отмечает

Gordon. Crime and punishment in California: the impact of three strikes and you're out. – Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, University of California, 1999.

⁷¹ *Clark John, Austin James, Henry D. Alan. Three Strikes and You're Out // A Review of State Legislation (NCJ 165369).* – 1997.

⁷² *Greenwood, Peter W., et al. Three Strikes and You're Out: Estimated Benefits and Costs of California's New Mandatory-Sentencing Law.* – Santa Monica: RAND, 1994; *Gilmore Janet. New research reveals historic 1990s US crime decline // <http://www.eurekalert.org/pub_releases/2007-02/uoc--nrr021207.php>.* – 16.02.2007; *Schichor David. Three Strikes as a Public Policy: The Convergence of the New Penology and the McDonaldization of Punishment // Crime and Delinquency.* – 1997. – № 43. – P. 470–492.

⁷³ *Gilmore Janet. New research reveals historic 1990s US crime decline // <http://www.eurekalert.org/pub_releases/2007-02/uoc--nrr021207.php>.* – 16.02.2007; *Some Facts on Three Strikes Law.*

Б. Крисберг, с 1980-х годов штат Калифорния построил 21 тюрьму, но не открыл ни одного нового университетского городка. Государственные расходы на содержание и развитие пенитенциарных учреждений превышают 5 миллиардов долларов США, что существенно превышает расходы штата на финансирование всех общественных четырехлетних колледжей. Б. Крисберг при этом добавляет ставшее уже крылатым утверждение о том, что «мы построили первоклассную тюремную систему за счет наличия третьесортной образовательной системы»⁷⁴.

В 2007 году общее количество заключённых в штате Калифорния превысило 170 000 человек, при том, что проектное число заключённых для тюрем штата составляет 83 000, большинство тюрем переполнено практически вдвое. Причём термин «проектное число заключённых» используется исключительно калифорнийским Департаментом исправительных учреждений. По независимым оценкам, основанным на стандартах американской Ассоциации исправительных учреждений, в тюрьмах недостаёт 16 600 мест. Властям штата приходится из года в год решать проблему с переполненными исправительными учреждениями. Используются такие методы, как перевод части заключённых в центры принудительного лечения, досрочное освобождение заключённых, строительство новых тюрем, перевод части заключённых в федеральные исправительные учреждения или в частные исправительные заведения, с которыми у штата заключены соответствующие договоры. Необходимо отметить, что медицинское обеспечение и условия содержания в ряде исправительных учреждений были признаны федеральным судом плохими или даже бесчеловечными, в результате чего их пришлось взять под особый контроль правительства⁷⁵.

Райан Кинг и Марк Мауер утверждают, что «Закон трёх ударов», способствуя увеличению количества заключённых, только ухудшил ситуацию.⁷⁶

⁷⁴ *Krisberg Barry.* When California got tough on crime // <<http://www.criminology.fsu.edu/penology/news/When%20California%20got%20tough%20on%20crime.htm>>. (Последнее посещение 01.06.2009).

⁷⁵ *Some Facts on Three Strikes Law* // <<http://prisonmovement.wordpress.com/2009/06/14/some-facts-on-three-strikes-law>>; Закон трёх ударов // <<http://ru.wikipedia.org>> (Последнее посещение 01.06.2009).

⁷⁶ *King Ryan, Mauer Marc.* Aging Behind Bars: "Three Strikes" Seven Years Later. Analyzes the effectiveness of California's "Three Strikes and You're Out" law, its impact on crime in the state and the law's propensity to impact older offenders. – California: Sentencing Policy, Incarceration, 2001, August. <http://www.sentencingproject.org/Admin%5CDocuments%5Cpublications%5Cinc_agin_g.pdf>. (Последнее посещение 05.06.2009).

Сторонники Закона (Майк Рейнольдс и др.) возражают, приводя официальные данные о том, что в течение 10 лет перед принятием закона количество заключённых в штате Калифорния увеличилось на 400 %, а в течение 10 лет после его принятия – всего на 25,5 %, что свидетельствует о существенном снижении темпов прироста.⁷⁷

Что касается заявляемой вынужденности строить все новые и новые места лишения свободы, то, как отвечают сторонники Закона (Дон Томпсон и др.), опять же ссылаясь на официальные данные, если за 10 лет до принятия закона в штате Калифорния было построено 19 новых тюрем, в течение 10 лет после принятия закона не было построено ни одной. Тем не менее, из-за роста количества заключённых ситуация с переполненными тюрьмами стала всё же хуже.^{78 79}

Важно отметить и такой аргумент противников «Закона трёх ударов», как опасения, что преступникам, совершившим третье преступление, будет уже «нечего терять», они будут пытаться избежать наказания, не останавливаясь ни перед чем и больше нападая на полицейских. Об этом, в частности, пишут Джеффри Л. Джонсон и Мишель А. Сент-Жермен⁸⁰.

Но имеется целый ряд особенностей и обусловленных ими последствий «Закона трёх ударов», которые объективно оцениваются и адвокатами, и даже правоприменителями, мягко говоря, неоднозначно.

Неурегулированность вопроса о том, что именно «серьезные» преступления могут засчитываться в качестве третьего преступления (после совершения двух (или более) предыдущих преступлений, за что виновный привлекался к уголовной ответственности), давая основания для применения предусмотренных указанным Законом крайне суровых наказаний, приводит к тому, что имеется достаточно обширная практика осуждения лиц за совершение незначительных преступлений.

⁷⁷ *Reynolds Mike*. 3-Strikes 1994 to 2004: A Decade of Difference.

⁷⁸ *Thompson Don*. California Prisons Rocked by Problems // «USA Today» <http://www.usatoday.com/news/nation/2008-04-05-2070872830_x.htm>. – 05.04.2008. (Последнее посещение 05.06.2009).

⁷⁹ Some Facts on Three Strikes Law // <<http://prisonmovement.wordpress.com/2009/06/14/some-facts-on-three-strikes-law>>; Закон трёх ударов // <<http://ru.wikipedia.org>> (Последнее посещение 01.06.2009).

⁸⁰ *Johnson Jeffrey L., Saint-Germain Michelle A*. Officer Down: Implications of Three Strikes for Public Safety // *Criminal Justice Policy Review*. – 2005, December – Vol. 16. – Issue 4. – P. 443–460; *Moody Carlisle E., Marvell Thomas B., Kaminski Robert J*. Unintended Consequences: Three-Strikes Laws and the Murders of Police Officers // *National Institute of Justice*. – 11.01.2002.

В штате Калифорния даже мелкие кражи из магазинов могут быть квалифицированы как серьёзное преступление, в случае если виновное лицо уже было ранее судимо за кражу, разбой или грабёж.

Одним из наиболее хрестоматийных примеров здесь является пример Гэри Юинга. Рассматриваемое отдельно от его преступной истории, преступление, которое Гэри Юинг совершил в третий раз, было относительно незначительным. В 2000 году он украл в магазине три клюшки для гольфа стоимостью 399 долларов каждая. Он спрятал их в штанинах брюк, и служащий магазина вызвал полицию, когда он заметил Юинга, хромящего из магазина⁸¹. Юинг был задержан и обвинялся в совершении уголовного преступления – в совершении кражи (felony grand – wobbler), за которое, согласно законодательству штата Калифорния, может быть вынесено наказание по усмотрению обвинителя и судьи, которые наделены в этом случае правомочиями снизить меру опасности (серьезности преступления) до уровня правонарушения. Хотя Юинг и обратился с ходатайством, чтобы суд осуществил такое снижение меры опасности, что автоматически снимало бы основания применения «Закона трёх ударов», но судья отказался удовлетворить это ходатайство. Обширная преступная история поступков Юинга в прошлом не убеждала судью быть снисходительным в этом отношении⁸².

Юинг совершил свое первое преступление в 1984 году, когда ему было 22 года. Он признал себя виновным в совершении воровства и был приговорен к шестимесячному условному сроку. В 1988 он был обвинен в совершении кражи автомобиля (felony grand) и был приговорен к лишению свободы на срок 1 год в тюрьме с испытательным сроком в 3 года. В 1990 году Юинг был обвинен в мелком воровстве (petty theft) и приговорен к 60 дням лишения свободы и испытательному сроку 3 года. За подобные преступления Юинг был обвинен еще несколько раз. При вынесении приговора за совершение преступления с кражей клюшек для гольфа судья использовал приговоры от 1993 года за грабёж и разбой с применением ножа, чтобы определить наказание в виде лишения свободы на срок от 25 лет до пожизненного заключения⁸³ согласно «Закону трёх ударов» штата Калифорния.⁸⁴

В соответствии с «Законом трёх ударов», на длительные сроки были осуждены Л. Эндрад – за кражу девяти видеокассет (ранее

⁸¹ 538 U.S. 11. – 17-18.

⁸² Ibid. – 17, 19-20.

⁸³ Это специфика уголовного права США, когда судья выносит неопределенный срок, который конкретизируется уже непосредственно органами управления пенитенциарными учреждениями.

⁸⁴ Ibid. – 18-19, 20.

отбывал наказания за ограбления домов), Д.Дж. Уильямс – за нападение с применением насилия и кражу пиццы (четыре предыдущих ненасильственных преступления). «Герой» ещё одного известного дела Кевин Вебер был осужден к лишению свободы на срок 26 лет за кражу дешевого шоколадного печенья (предыдущие преступления – грабёж и вооружённое нападение; шесть раз нарушил условия досрочного освобождения).⁸⁵ К. Вебер ворвался в ресторан в целях ограбления сейфа, как он полагал, с деньгами, но из-за срабатывания сигнализации был задержан полицией. При задержании полицейские обнаружили у него в карманах только несколько штук печенья, украденного из ресторана.⁸⁶

В штате Калифорния в подсчете количества предыдущих преступлений для применения «Закона трёх ударов» (1-е и 2-е преступления) принимается во внимание не столько количество судебных процессов, сколько количество пунктов обвинения, по которым подсудимый был признан виновным. Данный подход существенно увеличивает круг случаев применимости «Закона трёх ударов». Более того, учитываются все преступления, совершенные подсудимым в прошлом, дела по которым рассматривались как судами всех штатов, так и федеральным судом, в независимости от даты их совершения, включая приговоры на основе судебной сделки. Исключение составляют лишь некоторые приговоры в отношении несовершеннолетних. К подсудимым, ранее признававшимся виновными как угодно давно (даже до совершеннолетия) более чем по одному пункту обвинения, даже если судимы были они один раз, может быть применён «Закон трёх ударов» в случае совершения ими любого серьёзного преступления, сопряженного с насилием, или кражи любого размера, или преступления, связанного с хранением запрещённых веществ. В этом случае им может быть назначено наказание от 25 лет тюремного заключения до пожизненного срока. Например, к подсудимому, который был осуждён за 2 квартирные кражи в подростковом возрасте 20 лет назад, будет применён закон трёх ударов, даже если сейчас он обвиняется всего лишь в мелкой краже или хранении запрещённых веществ. Закон трёх ударов может быть применён к подсудимому неоднократно («третье» и «четвёртое» преступления) при наличии более одного пункта обвинения. В этом случае возможно сложение сроков наказания. В результате подсудимый получит наказание в виде нескольких последовательных тюремных сроков, общая продолжительность которых составит 50 (или 75, или 100) лет. Так, Л. Эндрэд был осужден к лишению

⁸⁵ *Ellingwood Ken. Three-Time Loser Gets Life in Cookie Theft // Los Angeles Times.* – 28.10.1995.

⁸⁶ *CNN News Briefs.* – 27.10.1995.

свободы на срок 50 лет тюрьмы без права на досрочное освобождение.⁸⁷

Совершенно закономерно и вполне ожидаемо, что такие подходы вызывают обильную критику, в том числе и за пределами США⁸⁸.

С описанными выше претензиями к «Закону трёх ударов», наверно, следует частично согласиться. Необоснованно сажать за решетку на 25 лет человека за кражу печенья или пиццы.

Если рассматривать санкции «Закона трёх ударов» в отрыве от предыдущих преступлений осуждаемых лиц, то, действительно, это кажется абсурдом. Но если это рассматривать, как минимум, в качестве двух шансов, данных государством и обществом человеку на исправление, после первого его осуждения за совершение уголовного преступления, – шансы, которыми этот человек не счёл необходимым воспользоваться, то это – уже его собственный выбор. А для государства и общества совершение им третьего преступления воспринимается и оценивается как явная манифестация им того, что он намеренно не желает исправляться и соблюдать законодательство.

В этом смысле какие-то позитивные результаты применения «Закона трёх ударов» в российской уголовно-правовой системе могли бы быть учтены.

⁸⁷ Some Facts on Three Strikes Law // <<http://prisonmovement.wordpress.com/2009/06/14/some-facts-on-three-strikes-law>>; Закон трёх ударов // <<http://ru.wikipedia.org>> (Последнее посещение 01.06.2009).

⁸⁸ См., например: *Campbell Duane*. Three strikes and you're out – Human rights, US style: As Americans shrug off criticism of Camp X-Ray, thousands of their countrymen suffer cruel but all-too-usual punishment // *The Guardian*. – 26.01.2002.

Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Заключение по вопросу о наличии правовых оснований для направления дела «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» (жалобы № 412/03 и 35677/04) на рассмотрение Большой Палаты Европейского суда по правам человека⁸⁹

Анализ содержания Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» (жалобы № 412/03 и 35677/04) (далее – Постановление) позволяет сделать следующие выводы⁹⁰.

Особенность исследуемого Постановления заключается в том, что часть его основных правовых позиций вполне соответствует правовым позициям, выраженным Европейским судом по правам человека в ряде других его решений по делам, касавшимся вопросов

⁸⁹ Материал от 29.03.2009.

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права.

Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор.

Статья посвящена анализу Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, государственно-церковные отношения, церковные расколы, права человека, свобода вероисповедания, светскость.

⁹⁰ Ранее авторами настоящего заключения было подготовлено предварительное научное заключение от 11.03.2009 по содержанию Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» (жалобы № 412/03 и 35677/04) в целях выявления и обозначения правовых последствий, которые наступили бы, если бы Болгария не приняла решение обжаловать указанное Постановление, и правовых оснований для социально приемлемого исполнения указанного Постановления. Не отказываясь от правовой аргументации, изложенной в указанном предварительном научном заключении, авторы настоящего заключения сосредоточили свой анализ на оценке обозначенного Постановления Европейского суда по правам человека с точки зрения его соответствия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Регламенту Европейского суда по правам человека от 04.11.1998 (с послед. изменениями), а также правовым позициям, выраженным Европейским судом по правам человека в его постановлениях по другим делам, касающимся вопросов отношений государства и религиозных объединений, по иным делам.

свободы вероисповедания и отношений государства и религиозных объединений, но при этом принципиальные положения этого Постановления обладают существенно различающейся степенью юридической обоснованности, причем некоторые из них представляются недостаточно обоснованными и ошибочными. Поэтому считаем, что поверхностная критика этого Постановления (без привлечения внимания к его существенным правовым, прежде всего, процедурным, недостаткам) была бы несколько недоразумительной.

Вместе с тем, **анализ рассматриваемого Постановления выявляет в нем множество положений, явно и грубо противоречащих:**

- статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950, правовым позициям самого Европейского суда по правам человека по ряду других дел, в том числе касающихся вопросов отношений государства и религиозных объединений, а также

- Регламенту Европейского суда по правам человека от 04.11.1998 (с послед. изменениями);

- Приложению к Регламенту Европейского суда по правам человека «Относительно расследований» от 07.07.2003;

- Практической инструкции «Подача жалобы» (предписанной председателем Европейского суда по правам человека на основании статьи 32 Регламента Европейского суда по правам человека 01.11.2003);

- Практической инструкции «Состязательные документы» (предписанной председателем Европейского суда по правам человека на основании статьи 32 Регламента Европейского суда по правам человека 01.11.2003).

Такая правовая оценка указанного Постановления дает необходимые и достаточные основания для того, чтобы Болгарское государство, в соответствии со статьей 43 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 11 к ней «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией» от 11 мая 1994 г.) и пунктом 1 правила 73 Регламента Европейского суда по правам человека, направило прошение о направлении дела на его рассмотрение Большой Палатой Европейского суда по правам человека, а Европейский суд по правам человека, соответственно, принял новое решение, лишенное грубых процессуальных нарушений, выявленных в Постановлении (и детально описанных ниже).

1. Нарушения Европейским судом по правам человека документов, регламентирующих его деятельность, в части признания жалобы заявителей приемлемой, представленных заявителями документов как надлежаще оформленных и заявителей как лиц, правомочных представлять интересы названной ими организации.

Анализ рассматриваемого Постановления дает необходимые и достаточные основания для его оценки как грубо нарушившего правило 38 Регламента Европейского суда по правам человека, а также Приложение к Регламенту Европейского суда по правам человека «Относительно расследований» и Практическую инструкцию «Подача жалобы» в части оформления и подачи жалобы заявителями по рассматриваемому делу.

1.1. Игнорирование Европейским судом по правам человека факта нарушения заявителями требования подпункта «h» пункта 9 Практической инструкции «Состязательные документы».

Европейский суд по правам человека грубо проигнорировал явное нарушение заявителями подпункта «h» пункта 9 Практической инструкции «Состязательные документы», которым установлено требование о том, что представляемые сторонами (в данном случае заявителем) состязательные документы **должны «содержать ссылки на все документы или доказательства, упоминаемые в состязательных документах и прилагаемые к ним».**

Европейский суд по правам человека, в нарушение этого требования, не затребовал у организации-заявителя и других заявителей юридически значимых, юридически корректных и достоверных документов в подтверждение⁹¹:

1) того, что лицо, обратившееся от имени «альтернативного Синода» Болгарской Православной Церкви (так Суд идентифицировал это лицо в § 2 Постановления) действительно является представителем организации «Священный Синод Болгарской Православной Церкви»;

2) того, что организация-заявитель имеет какие бы то ни было правовые основания называть себя «Священным Синодом» в имеющем юридическое значение и юридические последствия смысле;

⁹¹ Именно такие документы и могут восприниматься в данном случае как надлежащие доказательства. В противном случае, нет никаких гарантий, что группа заявителей по рассматриваемому делу не объявит себя в ближайшее время альтернативным Европейским судом по правам человека и, как следствие, не предъявит требования предоставить этой группе здания и помещения Европейского суда по правам человека.

3) того, что заявители или некоторые лица из них имеют какое бы то ни было отношение к Болгарской Православной Церкви в каноническо-правовом смысле (поскольку светский по форме, основаниям и содержанию деятельности Европейский суд по правам человека не вправе вмешиваться в вопросы исключительно канонического права православных церквей, но при этом Европейский суд по правам человека обязан учитывать юридически значимые факты, основанные на каноническом праве православных церквей, в данном случае – каноническом праве Болгарской Православной Церкви, тем более, что законодательством Болгарии регистрация Болгарской Православной Церкви не предусмотрена);

4) того, что заявители имеют юридически подтвержденные в установленном национальным законодательством порядке права собственности, либо пользования тем имуществом религиозного назначения Болгарской Православной Церкви, относительно которого заявители предъявили претензии в своей жалобе в Европейский суд по правам человека;

5) представленных заявителями финансовых требований в своей жалобе в Европейский суд по правам человека.

Считаем, что нет никаких оснований признавать «ссылками на документы или доказательства» (согласно смыслу подпункта «h» пункта 9 Практической инструкции «Состязательные документы») материалы и голословные заявления заявителей, приведённые ими в качестве доказательств их аргументов, но, в действительности, такими доказательствами не являющиеся, либо относящиеся к утверждениям, которые еще необходимо доказывать, или являющиеся ложными, недостоверными.

Учитывая вышесказанное, считаем, что в соответствии с пунктами 20 и 21 Практической инструкции «Состязательные документы» и пунктом 1 правила 38 Регламента Европейского суда по правам человека, Европейский суд по правам человека был обязан признать состязательные документы заявителей поданными ненадлежащим способом, а, в соответствии с правилом 44D указанного Регламента, высказывания заявителей – не соответствующие действительности и заведомо направленные на введение Европейского суда по правам человека в заблуждение, Суд был обязан признать как недобросовестные и вводящие в заблуждение.

1.2. Нарушение в оценке статуса и правомочий заявителя

Европейский суд по правам человека проигнорировал свою обязанность оценить наличие оснований считать лицо, обратившееся с жалобой № 412/03 от 12 декабря 2002 года, уполномоченным представителем организации-заявителя, идентифицированной в § 2

Постановления как некий «альтернативный Синод» Болгарской Православной Церкви, и одновременно как представителя Священного Синода Болгарской Православной Церкви (что является, на наш взгляд, не одним и тем же).

Принимая во внимание, что в Европейский суд по правам человека обратилась, как говорится в Постановлении, «организация-заявитель», представляемая избранным руководителем, то Европейский суд по правам человека мог и должен был определить само наличие указанной организации и полномочность ее представителя, названного в Постановлении ее руководителем (проверить подтверждающие документы, согласно национальному законодательству Болгарии). При этом, согласно §§ 135 и 40 рассматриваемого Постановления, Европейским судом по правам человека было установлено, что «организация-заявитель» никогда не была зарегистрирована Дирекцией по делам вероисповеданий при Совете министров в порядке, установленном законодательством Болгарии. Следовательно, в соответствии с Законом Болгарии от 1949 года, организация-заявитель не могла считаться созданной (с учетом §§ 10 и 21 рассматриваемого Постановления), а её орган управления (глава) – зарегистрированным.

Ссылка Высшего административного суда Болгарии на существование, по его мнению, двух Священных Синодов (§ 28 Постановления) не означает наличия надлежащей государственной регистрации у обоих из них, и поэтому указанная ссылка может трактоваться исключительно как фактическое, но не юридическое существование организации-заявителя (не зарегистрированной государством). Следовательно, вывод Европейского суда по правам человека о том, что после вступления в силу Закона 2002 года власти положили конец существованию организации-заявителя (§ 171 Постановления), необоснованна, т.к. её существования в качестве юридического лица не было и до 2002 года, при этом де-факто существование групп верующих, признающих главой церкви митрополита Иннокентия, Болгарским государством не пресекалось, они были вправе свободно исповедовать свою веру с соблюдением прав и законных интересов других верующих. Из совокупности пунктов 38-40 Постановления не ясно, избирался ли вообще митрополит Иннокентий (в 1999 г.) главой самозванного («альтернативного») Синода, соответствовало ли такое избрание или назначение каноническим требованиям, а если нет, то и полномочия действовать от представляемого лица («альтернативного Синода») у него отсутствуют. Этот юридически значимый вопрос Судом вообще не изучен, но без его рассмотрения вопрос о полномочиях и правомерности обращения в Европейский суд по правам человека митрополита Иннокентия от имени Священного Синода Болгарской

Православной Церкви не может быть утвердительно решён, а именно – нельзя утверждать, что митрополит Иннокентий был вправе обратиться с жалобой в Европейский суд по правам человека от имени Священного Синода Болгарской Православной Церкви.

Следует также отметить, что в § 2 рассматриваемого Постановления Европейский суд по правам человека назвал организацию-заявителя «альтернативным Синодом» Болгарской Православной Церкви. Из этого следует, что организация-заявитель не является органом Болгарской Православной Церкви и обратившийся от её имени митрополит Иннокентий не является главой этой Церкви, так как согласно Уставу Болгарской Православной Церкви, у этой Церкви не может быть «альтернативного Синода», а есть единственный правомочный Священный Синод. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу вывода о том, что Европейский суд по правам человека имел основания считать, что митрополит Иннокентий не имел права обращаться в Европейский суд по правам человека от имени Священного Синода Болгарской Православной Церкви.

Следовательно, Европейский суд по правам человека, как нам представляется, не имел оснований, рассматривая данное дело и формулируя свои позиции в рассматриваемом Постановлении, фактически и юридически признавать митрополита Иннокентия лицом, выступающим от имени Священного Синода Болгарской Православной Церкви, и поэтому обращение этого лица в Европейский суд по правам человека обоснованно считать обращением, поданным ненадлежащим лицом, или, по крайней мере, лицом без наличия убедительных доказательств его правомочий.

Таким образом, Европейский суд по правам человека необоснованно признает и обозначает в Постановлении организацию-заявителя («альтернативный Синод» Болгарской Православной Церкви) – см. § 2 Постановления) наименованием «Священный Синод Болгарской Православной Церкви».

Учитывая вышесказанное, в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 11 к ней «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией» от 11 мая 1994 г.), Европейский суд по правам человека был обязан признать жалобу заявителей неприемлемой как явно недостаточно обоснованную и неправомерную.

2. Интегральная необоснованность применения Европейским судом по правам человека и признания им как нарушенной статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Из рассматриваемого Постановления прямо следует, что конфликт между главой Болгарской Православной Церкви Патриархом Максимом и заявителями (раскольниками), незаконно требовавшими лишить его патриарших полномочий, обусловлен не наличием каких-либо существенных препятствий свободе вероисповедания и наличием конфликтов между двумя частями расколовшейся православной общины, вызванных различиями в религиозных воззрениях, а, прежде всего, неправомерными притязаниями руководителей раскольников на руководство Болгарской Православной Церковью. Из Постановления следует, что вопрос стоит во внутрицерковном юридическом аспекте (построение церковной власти, порядок избрания ее главы). Убеждения раскольников (мировоззренческие, идеологические взгляды) в том, что у Болгарской Православной Церкви имеется иной глава, выбранный легитимно, не могут рассматриваться как имеющие прямое отношение к свободе вероисповедания и свободе религии, поскольку носят совершенно иной характер. А отказ государства признать притязания раскольников на неправомерную смену руководства Болгарской Православной Церкви и содействовать таким, не основанным на праве, притязаниям не может рассматриваться как нарушение статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку смысл указанной статьи Конвенции принципиально иной и заключается в том, чтобы обеспечить свободу исповедания веры, и эта свобода не связана с внутрицерковным порядком организации руководства церковью.

Существенными доводами, подтверждающими недостаточную обоснованность утверждения Европейского суда по правам человека о нарушении Республикой Болгарией (в том числе принятием отдельных норм Закона о вероисповеданиях 2002 года) статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, являются также:

- признание Европейским судом по правам человека того факта, что образованию раскола в православной общине Болгарии способствовало незаконное вмешательство государства во внутривероисповедные дела Болгарской Православной Церкви между 1992 и 2002 гг., когда болгарские власти противоправно и принудительно стремились заместить руководящие посты в этой Церкви лицами, разделяющими их идеологические воззрения и политические позиции (§§ 17, 98 Постановления);

- суждение Европейского суда по правам человека о том, что, скорее всего, не будь незаконного государственного акта от 1992 г., заявители (раскольники) получили бы меньшее влияние и контролировали бы меньшее число церквей (§ 136 Постановления);

- признание Европейским судом по правам человека того, что указанный Закон не препятствовал регистрации религиозной организации, возглавляемой митрополитом Иннокентием, под наименованием, не совпадающим с наименованием БПЦ, и констатация, что заявители не выразили стремления зарегистрировать свою организацию в соответствии с указанным Законом (§ 91 Постановления);

- предоставление указанным Законом правовых возможностей свободного вероисповедания, осуществление которого необоснованно связывать с реализацией претензий на произвольное занятие руководящих должностей в религиозной организации.

Европейский суд по правам человека, как уже было выше отмечено, признал существование фактов незаконного силового захвата представителями раскольнической организации-заявителя зданий религиозного назначения (храмов), не имевшими на то необходимых юридических оснований, более того, признал установленными факты незаконного силового захвата раскольниками храмов при поддержке властей и полиции (§ 129 Постановления), установил, что некоторые здания религиозного назначения и иная церковная собственность, находившиеся в распоряжении организации-заявителя (раскольников) вплоть до изъятия в 2004 году, была ранее незаконно получена (захвачена) ими с помощью правоохранительных органов, не имевших на то необходимых правовых оснований и полномочий. Европейский суд по правам человека подчеркнул, что заявители (раскольники) не смогли опровергнуть утверждение Правительства и третьей стороны о том, что в некоторых случаях сторонники организации-заявителя завладевали зданиями незаконно, были случаи произвола, в том числе с применением силы (§ 129 Постановления). Это подтверждает представленную Европейскому суду по правам человека Правительством Болгарии позицию о том, что в мотивации организации-заявителя (раскольников) присутствовала не только (или не столько) борьба за свободу вероисповедания, сколько борьба за собственность (§ 94 рассматриваемого Постановления). Это также означает, что притязания раскольников на наличие у них права на использование названия Болгарской Православной Церкви, их заявления о посягательстве со стороны Болгарского государства на их религиозные свободы и т.п. – всё это является для заявителей в значительной части лишь прикрытием их юридически, фактически и морально необоснованных притязаний на здания религиозного

назначения и иное церковное имущество. Следовательно, Европейский суд по правам человека, исходя из фактических обстоятельств дела и, самое главное, своих правовых позиций, выраженных в Постановлении, был обязан признать указанные притязания и заявления заявителей притворными и не имеющими отношения к статье 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский суд по правам человека проигнорировал то, что на фоне утверждений заявителей о «прессинге и дискриминационной политике болгарского правительства» (§ 85 Постановления) заявителями не было приведено никаких доказательств того, что Болгарское государство принятием Закона о вероисповеданиях 2002 года создало, как они утверждают, препятствия в реализации свободы вероисповедания. Возможно, имевшиеся критически оцениваемые Европейским судом по правам человека процессуальные особенности действий болгарских правоохранительных органов при возврате незаконно захваченных сторонниками «альтернативного Синода» зданий религиозного назначения совершенно не означают несоответствия рассмотренных в Постановлении норм названного Закона статье 9 и другим статьям вышеназванной Конвенции.

Кроме того, Европейский суд по правам человека был обязан учесть тот факт, что, отказываясь регистрироваться в качестве самостоятельной религиозной организации (§ 86 Постановления), заявители, тем самым, открыто подтвердили притворность их заявлений о нарушении их свободы вероисповедания.

Таким образом, с учетом буквального толкования статьи 9 Конвенции, полагаем, что Европейский суд по правам человека не имел достаточных оснований для того, чтобы установить наличие в действиях государства нарушений этой статьи, в том числе пункта 2 статьи 9 (установившего основания правомерного ограничения свободы исповедовать свою религию или свои убеждения - подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия...). Притом что в данной ситуации статья 9 вообще не должна применяться по вышеизложенным причинам.

Учитывая вышесказанное, в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 11 к ней «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией» от 11 мая 1994 г.), Европейский суд по правам человека был обязан признать жалобу заявителей неприемлемой как несовместимую с положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней («*ratione materiae*»), поскольку

цель и притязание на несоответствующее государственному и каноническому праву смещение глав религиозных организаций и занятие их мест, а также на произвольный захват зданий религиозного назначения не имеют никакого отношения к правам и свободам человека в области религии, явно не охватываются Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Протоколами к ней, не защищаются ими, вообще не подпадают под рамки действия статей указанных актов.

По этой же причине Европейский суд по правам человека, в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, был обязан признать жалобу заявителей неприемлемой как явно недостаточно обоснованную и непропорциональную.

3. Нарушения Европейским судом по правам человека принципа состязательности судебного процесса, выявленные в рассматриваемом Постановлении.

Анализ рассматриваемого Постановления позволил выявить множество свидетельств грубого нарушения Европейским судом по правам человека в рассматриваемом деле важнейшего демократического принципа **состязательности**⁹² в судопроизводстве. При этом Европейский суд по правам человека уже в одном из первых своих постановлений (от 14 ноября 1960 г. по делу «Лоулесс против Ирландии») указал, что в любом демократическом обществе судопроизводство (это распространяется и на Европейский суд по правам человека) должно иметь состязательный и публичный характер и что этот основной принцип установлен статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Требование соблюдения принципа состязательности следует и из правил 32 и 38 Регламента Европейского суда по правам человека, а также из вышеупомянутой Практической инструкции «Состязательные документы».

В частности, полагаем, что в отношении к Болгарской Православной Церкви Европейский суд по правам человека оспаривает чуть ли не все приводимые её представителями и Правительством аргументы, тогда как в отношении раскольников (организации-заявителя) Европейский суд по правам человека принимает на веру любые заведомо ложные заявления, даже защищает их, принимает в качестве доказательств откровенные и заведомые фикции.

Так, в § 137 Постановления Европейский суд по правам человека совершенно определенно принял сторону раскольников, признав, что у стороны организации-заявителя имеются *«серьёзные и*

⁹² Le principe du contradictoire.

состоятельные доводы» считать, что позиция противоположной стороны (главы БПЦ) неканонична. При этом признание Судом также серьезности и состоятельности доводов другой стороны означает только, что доводы сторон не были рассмотрены этим Судом надлежащим образом, так как он даёт им одинаковую оценку как «серьезные и состоятельные доводы».

Отговорка Суда о том, что его задачей «не является оценка в рамках канонического права законности противоположных утверждений о легальности, выдвинутых руководством соперников», противоречит вынесенным им же в рассматриваемом Постановлении оценкам доводов сторон о неканоничности позиции противоположной стороны как «серьёзных и состоятельных» (§ 137 Постановления).

При этом Суд не привёл совершенно никаких убедительных доказательств и аргументов своей оценки как серьёзных и состоятельных доводов «альтернативного Синода» (организации-заявителя) о том, что позиция признанной государством Болгарской Православной Церкви является неканоничной. Ссылки в § 12 Постановления на решение ЦК Болгарской коммунистической партии от 8 марта 1971 года «о выдвижении кандидатуры митрополита Максима на Патриарший Престол», а также на то, что коллегия выборщиков, избравшая в 1971 году Патриарха Максима, была сформирована на основе списка выборщиков, делегированных в 1957 году, сами по себе совершенно не свидетельствуют о неканоничности избранного Патриарха, в частности, не только по тому, что причинно-следственную связь между указанным решением ЦК компартии и избранием Патриарха Максима доказать невозможно, но прежде всего учитывая, что вопрос каноничности – это вопрос, разрешаемый в рамках канонического права по процедуре, установленной самой Церковью.

Аргументами, мотивировавшими признание Европейским судом по правам человека «серьёзности и состоятельности» доводов в подтверждение «каноничности» позиции раскольников (а Европейский суд по правам человека обязан дать в своем постановлении мотивировку по вопросу права (подпункт «h» пункта 1 правила 74 Регламента Европейского суда по правам человека)) явились лишь следующие:

- упоминание того, что раскольники субъективно «считали», что будто бы позиция Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима) «неканонична» (§ 137 рассматриваемого Постановления);
- упоминание того, что раскольники субъективно «считали», что будто бы их доводы в подтверждение «неканоничности» позиции Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима) «серьезны и «состоятельны» (§ 137 рассматриваемого Постановления);

- упоминание факта собрания 04.07.1996 некоторого количества людей, именуемых в рассматриваемом Постановлении как «несколько сотен клириков и верующих», в целях избрания Пимена якобы главой Болгарской Православной Церкви, без надлежащей оценки Европейским судом по правам человека (обязательно с точки зрения канонического права Болгарской Православной Церкви и только потом уже – с точки зрения Европейской конвенции о защите права человека и основных свобод, законодательства Болгарии) правомочности созыва и проведения указанного собрания, правомочности делегирования и присутствия на этом собрании принявших в нем участие лиц, правомочности принятия этим собранием решения о выборах главы Болгарской Православной Церкви (§ 23 рассматриваемого Постановления);

- упоминание факта собрания 09–10.11.1998 некоторого количества людей, совокупно поименовавших себя и необоснованно поименованных в рассматриваемом Постановлении «*Церковно-Народным Собором*», которые «*проголосовали за низложение Патриарха Максима и приняли новый устав*», без надлежащей оценки Европейским судом по правам человека юридического значения и юридических последствий таких действий (§ 37 рассматриваемого Постановления);

- упоминание факта признания некоторыми лицами именно Пимена в качестве главы Болгарской Православной Церкви, без надлежащей оценки Европейским судом по правам человека юридического значения и юридических последствий такого субъективного «признания» ничтожно малым количеством лиц, ничего с точки зрения канонического права не определяющих (§§ 19, 30, 31 и 32 рассматриваемого Постановления);

- упоминание факта «назначения» в апреле 1999 года раскольниками «*митрополита Иннокентия председательствующим в Св. Синоде*», без надлежащей оценки Европейским судом по правам человека юридического значения и юридических последствий таких действий (§ 38 рассматриваемого Постановления),

а также ряд иных домыслов и сведений, приведение которых, равно как и вышеперечисленных, в качестве аргументов и доказательств в обоснование и подтверждение «каноничности» позиции заявителей, не выдерживает никакой критики.

Это – **фикции**⁹³, а не доказательства.

Напротив, намеренное сокрытие заявителями существенной информации от Европейского суда по правам человека и

⁹³ Под фикцией понимается приём, состоящий в признании известного несуществующего факта существующим или, наоборот, существующего обстоятельства несуществующим.

фальсификация ими документов (обоснования финансовых требований, фальсифицированные документы и доводы в обоснование собственных домыслов о «нелегитимности» Патриарха Максима) **должны были привести к признанию неприемлемости жалобы** в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 11 к ней «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией» от 11 мая 1994 г.) (см. решения Европейского суда по правам человека по делу «F против Испании» («F v Spain») от 12.04.1991; по делу «Фоксли против Соединенного Королевства» («Foxley v UK») от 12.10.1999; по делу «Цзянь против Румынии» («Jian v Romania») от 30.03.2004).

Кроме того, основанием для отклонения Европейским судом по правам человека жалобы по рассматриваемому делу должно было стать то, что указанная жалоба была «осознанно основана на ложных фактах» (см. решение Европейского суда по правам человека по делу «Варбанов против Болгарии» («Varbanov v Bulgaria») от 05.10.2000) и намеренно опускала значимые факты⁹⁴ (§ 89 решения Европейского суда по правам человека по делу «Аль-Нашиф против Болгарии» («Al-Nashif v Bulgaria») от 20.06.2002).

4. Неправомерное вторжение Европейского суда по правам человека в исключительно внутрирелигиозные (канонические) вопросы, не относящиеся к его компетенции, повлекшее нарушение самим Европейским судом по правам человека статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

4.1. Неправомерное осуществление Европейским судом по правам человека полномочий по оценке и определению каноничности позиции организации-заявителя («альтернативного Синода») и «неканоничности» позиции Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима).

Европейский суд по правам человека в рассматриваемом Постановлении заявил, что доводы правительства Болгарии *«не учитывают тот факт, что оспариваемые действия государства предпринимались в условиях, повлекших глубокое разделение и несовместимые притязания на легитимность двух противодействующих групп церковных лидеров православной христианской общины Болгарии, каждая из которых*

⁹⁴ О нелегитимности проведения «церковных съездов» раскольников, о противоправности захвата зданий религиозного назначения самими заявителями и т.д.

поддерживалась решениями отдельных церковных съездов» (§ 107 рассматриваемого Постановления).

По существу, Европейский суд по правам человека в процитированном фрагменте рассматриваемого Постановления необоснованно, непропорционально и абсурдно вторгаясь в сферу канонического права, рассматривает отношения в Церкви подобно гражданско-правовым отношениям акционеров в акционерном обществе, где, действительно, достаточно просто набрать соответствующий кворум, чтобы сместить руководство. Но каноническое право Болгарской Православной Церкви не предусматривает возможности смены главы Церкви посредством простого собрания части ее членов и проведения ими голосования. Напротив, каноническое право Болгарской Православной Церкви предусматривает детально регламентированные: порядок принятия решения об организации и проведении Церковного Собора, уполномоченного избрать Патриарха – Главу Болгарской Православной Церкви, порядок избрания (определения) делегатов на указанный Церковный Собор, определенный порядок проведения Церковного Собора, порядок организации и проведения определения кандидатуры будущего Патриарха и порядок организации и проведения голосования в целях избрания Патриарха.

Европейский суд по правам человека все эти широко известные юридически важные обстоятельства грубейшим образом игнорирует, тем самым, совершенно непропорционально и принудительно, подменяя собой церковный орган, уполномоченный на толкование канонического права, посягает на исключительную компетенцию Болгарской Православной Церкви, навязывает ей в своём Постановлении собственные представления о ее внутренней организации – вместо установленного каноническим правом порядка избрания Патриарха утверждает как истинную свою частную точку зрения о том, что будто бы этому порядку юридически равносильно проведение какого-то церковного «съезда» (§ 107 Постановления).

Тем более, что в оценках самого Европейского суда по правам человека, количество тех, кто пытался непропорционально «сместить» Патриарха Максима в период 1989–1992 гг., – ничтожно мало, в лексике рассматриваемого Постановления это – «**некоторые православные**» (§ 14 Постановления).

В § 139 Постановления Европейский суд по правам человека вновь юридически и фактически необоснованно искажает обстоятельства дела и строит на их основе юридически некорректные, надуманные выводы, когда фактически и юридически необоснованно указывает на наличие «*двух соперничающих руководителей*» Болгарской Православной Церкви, грубо игнорируя очевидно следующий из материалов дела факт, что никакого такого

соперничества не существует, что нет оснований даже для предположений о каком бы то ни было соперничестве в точном смысле этого слова. Патриарх Максим возглавляет Болгарскую Православную Церковь с 1971 года на основе решения о его избрании, в установленном каноническом порядке, принятом церковными делегатами, чего не отрицает и сам Европейский суд по правам человека (см. § 12 Постановления). Тогда как ни митрополит Иннокентий, ни (до него) Пимен никогда не избирались в установленном каноническом порядке главой Болгарской Православной Церкви. И даже сам Европейский суд по правам человека нигде в рассматриваемом Постановлении не сослался на убедительные и основательные доказательства легитимности притязаний Пимена и Иннокентия на место главы Болгарской Православной Церкви.

Далее. Европейский суд по правам человека в рассматриваемом Постановлении также заявил, что Болгарская Православная Церковь *«была de facto действительно разделена уже на протяжении более 10 лет, имела два соперничающих руководства, каждое из которых на основании серьезных и состоятельных доводов считало, что позиция противоположной стороны неканонична»* (§ 137 рассматриваемого Постановления).

Лексико-семантический и юридико-лингвистический анализ процитированного фрагмента рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека дает необходимые и достаточные основания для оценки этого высказывания как свидетельствующего и выражающего, что Европейский суд по правам человека совершенно четко принял сторону раскольников, признав, что имеются какие-то *«серьезные и состоятельные доводы»* в пользу каноничности позиции раскольников и неканоничности позиции Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима).

В процитированном фрагменте § 137 Постановления Европейский суд по правам человека вновь юридически и фактически необоснованно заявляет о якобы двух *«соперничающих руководствах»* Болгарской Православной Церкви. Лексико-семантический и юридико-лингвистический анализ процитированного фрагмента Постановления позволяет выявить, что в указанном фрагменте Европейским судом по правам человека, фактически, было заявлено его признание раскольников (*«альтернативного Синода»*) *«руководством»* (пусть и – *«соперничающим руководством»*) Болгарской Православной Церкви.

Полагаем, что указанные действия Европейского суда по правам человека грубо нарушили принцип разделения церквей и государства (поскольку Европейский суд по правам человека является судебным органом, учрежденным государствами-

участниками Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, он должен соблюдать указанный принцип), грубо нарушили часть 1 статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, посягая на закрепленное ею право свободно исповедовать свою религию или убеждения совместно с другими лицами, публичным или частным порядком, в богослужении, учении и отправлении религиозных и ритуальных обрядов.

4.2. Неправомерное вторжение Европейского суда по правам человека в исключительно внутрирелигиозные (канонические) вопросы, не относящиеся к его компетенции, посредством постановки под вопрос Европейским судом по правам человека легитимности избрания Максима Патриархом и главой Болгарской Православной Церкви.

Европейский суд по правам человека, рассматривая фактическую сторону дела и исследуя фактические обстоятельства дела, выражает в Постановлении юридически и фактически необоснованные сомнения в легитимности избрания Максима Патриархом и главой Болгарской Православной Церкви.

В § 12 Постановления Европейский суд по правам человека необоснованно связывает вопрос легитимности осуществления Патриархом Максимом своих полномочий в Болгарской Православной Церкви с фактом «оформления» (или «неоформления») в «Совете министров» занятия им указанной должности: *«Остается непонятным, было ли главенство Патриарха Максима должным образом оформлено в Совете Министров в соответствии с Законом 1949 г.»*.

Для фактических обстоятельств дела и юридических оснований его разрешения не имеет значения, был ли оформлен в 1971 году или позже Советом Министров Болгарии факт занятия Патриархом Максимом должности главы Болгарской Православной Церкви. Легитимность избрания Патриарха Максима и в 1971 году и в период с 1989 года по настоящее время определялась и определяется на основе канонического права Болгарской Православной Церкви. Патриарх Максим после его избрания на момент грубейшего вмешательства болгарских властей в 1992 году главенствовал в течение 21 года. Его полномочия не подвергались сомнению в указанный период, а после такового не были признаны нелегитимными в установленном каноническим правом Болгарской Православной Церкви порядке или в хотя бы судебном порядке.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 4, пунктом 2 статьи 10 Закона Республики Болгарии о вероисповеданиях от 20.12.2002 (ДВ. № 120 от 29.12.2002, изм. ДВ. № 33 от 21.04.2006, изм. ДВ. № 59 от 20.07.2007), Болгарское государство обязано уважать и принимать

каноническое церковное право, равно как и принятое на его основе решение, постольку, поскольку оно не противоречит государственному праву. А в данном случае таких противоречий государственному праву, очевидно, нет.

Поскольку ни в установленном каноническим (церковным) правом порядке, ни судебным решением в установленном законодательством порядке (в том числе при надлежащем истце) не был установлен и доказан факт нелегитимности избрания Патриарха Максима главой Болгарской Православной Церкви, Болгарское государство было обязано воспринимать именно его как легитимного главу Болгарской Православной Церкви. Проведение организацией-заявителем (раскольниками) своего «церковного съезда» в целях избрания нового главы Болгарской Православной Церкви состоялось много позже момента избрания Патриарха Максима, противоречило церковному каноническому праву, а потому не должно приниматься во внимание Болгарским государством. Но Европейский суд по правам человека грубейшим образом игнорирует указанные обстоятельства.

В § 135 Постановления Европейский суд по правам человека вновь подвергает сомнению легитимность занятия Патриархом Максимом должности главы Болгарской Православной Церкви, ссылаясь на неясность, был ли Патриарх Максим *«когда-нибудь должным образом зарегистрирован»*. Но, как уже пояснялось выше, для избрания главы Болгарской Православной Церкви и исполнения им своих полномочий значим не факт регистрации государством лица в качестве главы этой Церкви, а факт соблюдения всех требований канонического права Болгарской Православной Церкви во время выборов в 1971 году.

В § 12 Постановления Европейский суд по правам человека юридически и фактически необоснованно и с этической точки зрения совершенно некорректно смешивает факт проведения в установленном каноническим правом Болгарской Православной Церкви порядке выборов в 1971 году Патриарха Максима и факт попыток коммунистической власти повлиять на процесс выборов, издания Центральным комитетом Болгарской коммунистической партии какого-то документа, в котором написано, что коммунистические власти намерены поддержать Максима как кандидата на место главы Болгарской Православной Церкви. Очевидно, что невозможно доказать причинно-следственную связь между этими двумя фактами, во всяком случае в данном Постановлении такая связь не только не доказана, но даже не показана.

В § 134 Постановления Европейский суд по правам человека юридически и фактически необоснованно и с этической точки зрения

совершенно некорректно заявил: *«Многие верующие, несомненно, согласились с той точкой зрения, что человек, назначенный коммунистическими властями, не может притязать на законный статус канонического Патриарха».*

Лексико-семантический и юридико-лингвистический анализ процитированного фрагмента рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека дает необходимые и достаточные основания для оценки этого высказывания как свидетельствующего, что Европейский суд по правам человека совершенно четко заявляет в качестве установленного факта домысел о том, что будто бы Патриарх Максим был назначен коммунистическими властями. Никаких подтверждений Европейский суд по правам человека указанной позиции в рассматриваемом Постановлении не приводит, тем самым, грубо нарушая принципы непредвзятости и объективности судопроизводства.

Таким образом, Европейский суд по правам человека вновь юридически необоснованно проигнорировал очевидные обстоятельства дела, неправомерно посягнул на исключительную компетенцию Болгарской Православной Церкви, навязывая Болгарской Православной Церкви собственные представления о ее внутренней организации – относительно определения того, кто и на каких основаниях выбирал Патриарха Максима и насколько это может быть легитимно.

Сказанное дает необходимые и достаточные основания для вывода о том, что указанными действиями Европейский суд по правам человека грубо нарушил светский характер судопроизводства и такие важнейшие его принципы, как непредвзятость и справедливость.

5. Значительная внутренняя противоречивость рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека, приводящая к юридической несостоятельности этого Постановления.

Недопустимо вольное обращение составителей рассматриваемого Постановления с лексическими конструкциями, игнорирование ими очевидных фактов и неправомерное вторжение Европейского суда по правам человека в данном Постановлении в вопросы исключительной компетенции Болгарской Православной Церкви привело к тому, что это Постановление является внутренне противоречивым, противоречит самому себе.

Так, неправомерно и необоснованно подвергая сомнению легитимность избрания Патриарха Максима (см. выше), в другой части Постановления Европейский суд по правам человека косвенно признает юридическую необоснованность претензий к легитимности

избрания Патриарха Максима, поскольку Европейский суд по правам человека признает факт незаконного вмешательства болгарских властей в 1992 г., когда государственные власти «приказали» низложить Патриарха Максима и попытались обеспечить юридическую базу для альтернативного руководства Церковью, которое было лояльным по отношению к находившемуся у власти правительству (§ 128 Постановления).

В § 12 Постановления Европейский суд по правам человека, как уже было показано выше, необоснованно связывает вопрос легитимности осуществления Патриархом Максимом своих полномочий с фактом «оформления» (или «неоформления») в «Совете министров» замещения Патриархом Максимом должности главы Болгарской Православной Церкви, но буквально в следующем же предложении этого параграфа признает, что *«во всяком случае, вплоть до 1991 года в административной практике и при решении всех юридических вопросов его главенство рассматривалось как юридически оформленное»*. Но в таком случае нет никаких юридических и фактических оснований высказывать сомнения о факте того, что юридическая оформленность государством (в соответствии с законодательством) легитимности замещения Патриархом Максимом должности главы Болгарской Православной Церкви состоялась.

В § 134 рассматриваемого Постановления Европейский суд по правам человека заявляет, что *«не может принять ту точку зрения, что заявители представляли собой не что иное как граждан, незаконно занявших церковные здания»*, но при этом Европейский суд по правам человека признал существование фактов незаконного силового захвата представителями раскольнической организации-заявителя зданий религиозного назначения (храмов), не имевшими на то необходимых юридических оснований, более того, признал установленными факты незаконного силового захвата раскольниками храмов иногда при поддержке властей и полиции (§ 129 Постановления), установил, что некоторые здания религиозного назначения и иная церковная собственность, находившиеся в распоряжении организации-заявителя вплоть до изъятия в 2004 году, была ранее незаконно получена (захвачена) ими с помощью правоохранительных органов, не имевших на то необходимых правовых оснований и полномочий. Европейский суд по правам человека подчеркнул, что заявители (раскольники) не смогли опровергнуть утверждение Правительства и третьей стороны о том, что в некоторых случаях сторонники организации-заявителя завладевали зданиями незаконно, были случаи произвола, в том числе с применением силы (§ 129 Постановления).

В ряде случаев грубо вмешиваясь в рассматриваемом Постановлении в вопросы исключительно канонического права и компетенции Болгарской Православной Церкви, давая оценки по вопросам, явно выходящим за пределы его компетенции, Европейский суд по правам человека при этом заявляет, противореча самому себе, что его задачей не может являться оценка в рамках канонического права законности противоположных утверждений о легальности выдвинутых руководителей соперничающих религиозных организаций (в данном случае – Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима) и «альтернативного Священного Синода» (митрополита Иннокентия)). Суд отметил, что такую оценку компетентна давать сама православная община Болгарии и ее институты (§ 137 Постановления). Это означает, что окончательное решение вопроса о каноничности той или иной стороны конфликта Европейский суд по правам человека относит к исключительно ведению самой православной общины, а Болгарское государство обязано создать необходимые условия для мирного разрешения этого конфликта. Но такое мирное разрешение будет недостижимо, если государство вновь предпримет неправомерное вмешательство в конфликт и примется усиливать сторону организации-заявителя, передавая ей изымаемые у другой стороны храмы или совершая иные подобного рода действия, направленные на реализацию интересов стороны организации-заявителя. С другой стороны, это означает, что определение легитимности или, напротив, нелегитимности избрания Патриарха Максима в свое время главой Болгарской Православной Церкви возможно исключительно только на основе канонического церковного права.

6. Явное использование Европейским судом по правам человека в рассматриваемом Постановлении двойных стандартов, грубо нарушающее принципы состязательности, справедливости и беспристрастности судопроизводства, как следствие – грубо нарушающее Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод⁹⁵.

Выявление использования «двойных стандартов» Европейским судом по правам человека в рассматриваемом Постановлении **дает основания для оценки этого Постановления**

⁹⁵ В соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 19 и др.), статьей 4 Протокола № 9 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 6 ноября 1990 г.) Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод обязательна для соблюдения Европейским судом по правам человека.

как вошедшего в грубое противоречие⁹⁶ с правовыми позициями Суда в его более ранних решениях и как явно нарушающего:

- статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющую требования **состязательности** в судопроизводстве, а также правила 32 и 38 Регламента Европейского суда по правам человека и вышеупомянутую Практическую инструкцию «Состязательные документы»;

- часть 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, устанавливающую требования **справедливости и беспристрастности** судопроизводства;

- пункт 1 правила 3 и правило 4 Регламента Европейского суда по правам человека, устанавливающие обязанность исполнения судьями Европейского суда по правам человека своих обязанностей **честно и беспристрастно**.

6.1. Игнорирование Европейским судом по правам человека своих ранее сформулированных правовых позиций о признании им за национальными властями «пределов усмотрения» в вопросах отношений религиозных объединений с государством и обществом, признании им наличия широкого поля усмотрения национальными властями при оценке обоснованности и степени их вмешательства в интересах обеспечения религиозного мира в регионе и для предупреждения посягательств на свободу вероисповедания (§§ 55, 56 и 50 Постановления от 20.09.1994 по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии» («Otto-Preminger-Institut c. Autriche»); § 32 Постановления от 24.05.1988 по делу «Мюллер и другие против Швейцарии» («Müller et autres c. Suisse»); § 58 Постановления от 25.11.1996 по делу «Уингроу против Соединенного Королевства» («Wingrove c. Royaume-Uni»); § 84 Постановления по делу «Еврейская литургическая ассоциация Шапе Шалом Ве Тседек против Франции» («Cha'are Shalom Ve Tsedek c. France»); §§ 72, 75 и 77 Постановления от 04.12.2008 по делу «Догрю против Франции» («Dogru c. France»)).

Считаем, что исходя из указанных правовых позиций Европейского суда по правам человека, Болгарское государство вполне обладало широким полем усмотрения при выработке мер по разрешению сложившейся конфликтной ситуации и широким полем усмотрения, самостоятельности в определении необходимых изменений законодательства (а также мер административно-правового регулирования). Но в рассматриваемом Постановлении

⁹⁶ По обязанностям Европейского суда по правам человека в этом случае до принятия им решения см. статью 1 Протокола № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией» (в части новой редакции статьи 30).

Европейский суд по правам человека игнорировал свои ранее сформулированные правовые позиции, вытекающие из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, без приведения убедительных аргументов ссылаясь на некое превышение Болгарским государством *соразмерности*.

6.2. Необоснованный отказ признать наличие «настоятельной общественной необходимости» («необходимости в демократическом обществе», «ограничения во имя общих интересов») действий болгарских властей по пресечению незаконных действий раскольников, неправомерно захвативших имущество религиозного назначения Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима), притом что в других делах, несопоставимых по значимости последствий, Европейский суд по правам человека легко признавал такую общественную необходимость.

Постановление свидетельствует о юридически и фактически необоснованном отказе Европейского суда по правам человека признать факт наличия «настоятельной общественной необходимости» («необходимости в демократическом обществе», «ограничения во имя общих интересов»)⁹⁷ действий болгарских властей по пресечению незаконных действий раскольников, неправомерно захвативших имущество религиозного назначения Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима). И это притом что Европейский суд по правам человека признавал такой факт в ситуациях с существенно более жесткими действиями государства по вмешательству в вопросы свободы вероисповедания и, шире, вопросы мировоззрения. Причем Европейский суд по правам человека признавал «настоятельную общественную необходимость» («необходимость в демократическом обществе», «ограничения во имя общих интересов») по ситуациям, которые несли существенно меньшую и даже гипотетическую угрозу «общим интересам». Например, в решении по делу «Игорь Владимирович Артемов (Igor Vladimirovich Artyomov) против Российской Федерации» (жалоба № 17582/05) – отказ удовлетворить жалобу на ограничение регистрации в Российской Федерации политических партий, содержащих указание в уставе и программе политической партии целей защиты профессиональных, расовых, национальных или

⁹⁷ В понятиях Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «ограничения, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» (часть 2 статьи 9).

религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии.

В рассматриваемом деле это выразилось в практически полном игнорировании Европейским судом по правам человека сложившейся напряженной ситуации, потребовавшей от властей вмешательства с тем, чтобы пресечь конфликт в крупнейшей религиозной организации Болгарии – Болгарской Православной Церкви, причем вызванный не религиозными причинами, а мотивами борьбы за власть и за собственность, но угрожавший массовыми нарушениями свободы вероисповедания в Болгарии.

Европейский суд по правам человека неоднократно указывал в своих решениях, что «настоятельная общественная необходимость» («необходимость в демократическом обществе», «ограничение во имя общих интересов») может правомерно обуславливать действия властей по вмешательству в вопросы, связанные с деятельностью объединений граждан (решение по делу «Игорь Владимирович Артемов (Igor Vladimirovich Artyomov) против Российской Федерации»; §§96-103 Постановления по делу «Рефах Партизи (Социальная партия) и другие против Турции»).

6.3. Игнорирование Европейским судом по правам человека своих ранее сформулированных при рассмотрении других дел правовых позиций о том, что необходим баланс, при котором меньшинству гарантируются справедливость и должное обращение, но не ущемляются и интересы большинства (§ 90 и далее Постановления по делу «Гожелик и другие против Польши»; решение по делу «Игорь Владимирович Артемов (Igor Vladimirovich Artyomov) против Российской Федерации»).

В рассматриваемом деле Европейский суд по правам человека фактически проигнорировал интересы большинства в пользу группы лиц, незаконно захватившей имущество религиозного назначения Болгарской Православной Церкви. Причем Европейский суд по правам человека сам и подтвердил эту незаконность захвата.

6.4. Игнорирование Европейским судом по правам человека своих ранее сформулированных при рассмотрении других дел правовых позиций о том, что он не опротестовывает внутреннее законодательство (например, см. § 44 решения по делу «Лундеваль против Швеции» от 12.11.2002).

В §§ 107, 109, 137, 146, 153, а особенно в §§ 157 и 159 рассматриваемого Постановления Европейский суд по правам человека явно напрямую или опосредованно дает жестко негативные оценки Закона Болгарии от 2002 г. и, по существу, «опротестовывает» Закон Болгарии от 2002 г.

Выводы.

Анализ Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» позволяет сделать обоснованные выводы о том, что Европейский суд по правам человека в этом Постановлении:

- юридически и фактически необоснованно признал, что Республика Болгария принятием Закона о вероисповеданиях 2002 года и своими действиями по пресечению длящихся преступлений (незаконные захваты зданий религиозного назначения) нарушила статью 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- грубо нарушил принцип состязательности судебного процесса;
- грубо нарушил требования документов, регламентирующих деятельность Европейского суда по правам человека (правило 38 Регламента Европейского суда по правам человека, а также Приложение к Регламенту Европейского суда по правам человека «Относительно расследований» и Практическую инструкцию «Подача жалобы»), в части признания жалобы заявителей приемлемой и представленных заявителями документов как надлежаще оформленных;
- неправомерно вторгся в исключительно внутрирелигиозные вопросы (сферу канонического права), не относящиеся к компетенции Суда, явно выходящие за ее пределы, в результате чего произошло грубое нарушение светского характера судопроизводства Европейского суда по правам человека, нарушение Судом статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- сформулировал правовые позиции, характеризующиеся существенной внутренней противоречивостью, что дает основания оценивать рассматриваемое Постановление как юридически несостоятельное;
- явно проявил так называемые «двойные стандарты», что дает основания для оценки указанного Постановления как противоречащего ранее сформулированным Европейским судом по правам человека правовым позициям, в результате чего имеются основания утверждать, что Суд грубо нарушил Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в т.ч. принципы состязательности, справедливости и беспристрастности судопроизводства.

**Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Заключение по содержанию
Постановления Европейского суда по правам человека от
22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской
Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие
против Болгарии» (жалобы № 412/03 и 35677/04)⁹⁸**

Конституционно-правовой и международно-правовой анализ содержания Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» (жалобы № 412/03 и 35677/04) (далее – Постановление) позволяет сделать следующие выводы.

Европейский суд по правам человека вышеуказанным Постановлением **обязал** Республику Болгарию выполнить следующие действия:

- устранить применительно к заявителям нарушения статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁹⁹ (пункт 1 § 189 рассматриваемого Постановления);

⁹⁸ Материал от 09.04.2009.

Заключение выполнено на основе перевода текста рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека, подготовленного и предоставленного Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом (г. Москва).

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права.

Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор.

Статья посвящена анализу Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, государственно-церковные отношения, церковные расколы, права человека, свобода вероисповедания, светскость.

⁹⁹ Статья 9

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и совместно с другими лицами, публичным или частным порядком, в богослужении, учении и отправлении религиозных и ритуальных обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или свои убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

- выплатить в отношении расходов и издержек заявителям (шестерым поименованным в рассматриваемом Постановлении заявителям и митрополиту Иннокентию как представителю организации-заявителя) в течение 3 месяцев после даты окончательного принятия решения в соответствии со ст. 44 § 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод восемь тысяч евро, плюс налоги, которые могут быть взысканы с заявителей, переведя эту сумму в национальную валюту государства-ответчика по курсу, который будет действительным на день выплаты (подпункт «а» пункта 6 § 189 рассматриваемого Постановления).

Одновременно Европейский суд по правам человека **рекомендовал** Республике Болгарии:

- предпринять меры по достижению соглашения (в отношении «материального и нематериального ущерба») с заявителями, с учетом законных интересов всех заинтересованных сторон (§ 182 рассматриваемого Постановления);

- предоставить (в течение 3 месяцев после даты окончательного принятия решения в соответствии со ст. 44 § 2 Конвенции) в письменном виде свои соображения по данному вопросу и, в особенности, уведомить Суд, если будет достигнуто какое-нибудь соглашение с заявителями (подпункт «b» пункта 5 § 189 рассматриваемого Постановления).

Особенность исследуемого Постановления заключается в том, что часть его основных правовых позиций вполне соответствует правовым позициям, выраженным Европейским судом по правам человека в ряде других его решений по делам, касавшимся вопросов свободы вероисповедания и отношений государства и религиозных объединений, но при этом принципиальные положения этого Постановления обладают существенно различающейся степенью юридической обоснованности, причем некоторые из них представляются недостаточно обоснованными и ошибочными. Поэтому считаем, что поверхностная критика этого Постановления (без привлечения внимания к его существенным правовым, прежде всего, процедурным, недостаткам) была бы несколько непродуманной.

Настоящее заключение посвящено выработке правовых позиций по исполнению рассматриваемого Постановления в случае отказа Болгарского государства от направления прошения о направлении дела на его рассмотрение Большой Палатой Европейского суда по правам человека, либо в случае реализации такого права, но проигрыша уже в Большой Палате.

Считаем, что наиболее ответственным и эффективным является отношение к данному решению Европейского суда по правам человека, заключающееся в нахождении и выработке с его

учётом таких подходов и решений, которые бы способствовали разрешению сложившегося конфликта без ущерба для Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима) и Болгарии в целом, и одновременно показывали бы пути и способы устранения нарушений свободы вероисповедания верующих организации-заявителя (раскольников).

Необходим поиск путей решения проблемы, нахождение социально приемлемых форм точного исполнения рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека с соблюдением общественных интересов.

Оптимальные правовые подходы и решения, позволяющие отстоять законные интересы Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима), могут быть найдены при системном исследовании правовых позиций Европейского суда по правам человека.

Анализ правовых позиций Европейского суда по правам человека, выраженных в исследуемом Постановлении, позволяет сделать вывод о том, что решение Европейского суда по правам человека не является безусловной поддержкой действий раскольнической организации (Альтернативного Синода), позицию Европейского суда по правам человека применительно к организации-заявителю (раскольникам) нет оснований назвать комплиментарной. Суть этого решения заключается в оценке Европейским судом по правам человека как неправомерных ряда действий государства, явно выходящих за пределы его компетенции, в отношении сторон указанного конфликта.

Анализ и оценка основных правовых позиций в решении Европейского суда по правам человека по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» от 22.01.2009 должен осуществляться с учетом правовых позиций этого Суда по вопросам отношений между государством и религиозными объединениями, выраженных в других его решениях.

Обращаясь к сложившейся ситуации, прежде всего, следует отметить, что с момента отказа организации-заявителю в регистрации и с момента принудительного изъятия из неправомерного владения организации-заявителя имущества религиозного назначения прошел уже достаточно немалый срок.

Исследуемое решение Европейского суда по правам человека во многом было обусловлено и, можно с уверенностью утверждать, было заранее предопределено систематическими фактами нарушений Болгарским государством своими действиями в течение длительного времени конституционного требования отделения государства от религиозных учреждений (часть 2 статьи 13

Конституции Болгарии от 12.07.1991) (см. ниже). В первую очередь, таким грубейшим нарушением явилось издание 25.05.1992 Дирекцией вероисповеданий при Совете Министров (далее – «Дирекция») постановления о якобы нелегитимности избрания Патриарха Максима в 1971 г., которым неправомерно предписывалось заменить Патриарха Максима «временным Советом» до выборов нового предстоятеля на Церковном Соборе (§§ 16–17 рассматриваемого Постановления).

Считаем, что в настоящее время не представляется возможным каким бы то ни было образом вернуть ситуацию в статус-кво по состоянию на 2002 год, тем более по состоянию на 1992 год, после того, как государство совершило множество недостаточно обдуманных и неправомерных действий. Если Болгарское государство сейчас начнет изымать здания у Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима), предпринимать иные меры вмешательства, то тем самым государство вновь совершит деяния, за которые его критикует Европейский суд по правам человека, но теперь уже в отношении Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима), и будет вновь, следуя логике Европейского суда по правам человека, нарушена свобода вероисповедания.

Потенциально являющееся (а частично – в уже состоявшемся рассматриваемом Постановлении) следствием решения Европейского суда по правам человека присуждение организации-заявителю *«справедливой компенсации»* – денежной суммы для возмещения материального и морального ущерба, нанесенных нарушением Конвенции, а также судебных издержек – должно рассматриваться во взаимосвязи с противоправными действиями самой организации-заявителя по захвату зданий религиозного назначения и иного церковного имущества Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима) в 1992–1994 гг.

Так же являющиеся следствием решения Европейского суда по правам человека *«меры индивидуального характера»* должны преследовать цель прекращения нарушений, продолжающихся во времени, и устранения последствий нарушений, совершенных в прошлом, в целях восстановления, насколько это возможно, ситуации, имевшей место до нарушения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (*restitutio in integrum*). Следует отметить, что ниже приведенные правовые позиции Европейского суда по правам человека, отраженные в рассматриваемом Постановлении, распространяются и на действия болгарских властей в 1992–1994 гг., а потому не может быть простого и всех во всём удовлетворяющего решения по исполнению указанного Постановления. Поэтому в сложившейся ситуации

restitutio in integrum не представляется возможным, учитывая многочисленность и характер нарушений, допущенных изначально не только Болгарским государством, но и организацией-заявителем (см. ниже). Невозможно восстановить ситуацию в том виде, в котором она существовала до совершения нарушений (в данном случае – до 1992 года).

Помимо указанных, Болгарское государство должно будет принять и меры общего характера – чтобы предотвратить в будущем новые нарушения, подобные тем, которые были выявлены рассматриваемым Постановлением. Но обязанность принятия общих мер влечет за собой обязанность Болгарского государства воздержаться от очередного (уже в настоящее время) неправомерного вмешательства в конфликт организации-заявителя и Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима).

Болгарское государство при исполнении рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека обязано исходить из сложившейся сегодня ситуации.

Поскольку ни в установленном каноническом (церковном) правом порядке, ни судебным решением в установленном законом порядке (в том числе при надлежащем истце) не был установлен и доказан факт нелегитимности избрания главой Болгарской Православной Церкви Патриарха Максима, Болгарское государство обязано воспринимать его именно как легитимного главу Болгарской Православной Церкви. Проведение организацией-заявителем (раскольниками) своего церковного съезда в целях избрания нового главы Болгарской Православной Церкви состоялось много позже момента избрания Патриарха Максима, противоречило церковному каноническому праву, а потому не должно приниматься во внимание Болгарским государством.

Тем более, что Европейский суд по правам человека признает факт незаконного вмешательства болгарских властей в 1992 г., когда государственные власти «приказали» низложить Патриарха Максима и попытались обеспечить юридическую базу для альтернативного руководства Церковью, которое было лояльным по отношению к находившемуся в то время у власти правительству (§ 128 рассматриваемого Постановления).

Основополагающие позиции Европейского суда по правам человека, выраженные в других его решениях, позволяющие выработать правовую позицию по возможным и приемлемым действиям по исполнению рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека:

1. Признание Европейским судом по правам человека за национальными властями «пределов усмотрения» в вопросах

отношений религиозных объединений с государством и обществом, признание наличия широкого поля усмотрения национальными властями при оценке обоснованности и степени их вмешательства в интересах обеспечения религиозного мира в регионе и для предупреждения посягательств на свободу вероисповедания, хотя указанное «усмотрение» национальных властей и не беспредельно (§§ 55, 56 и 50 Постановления от 20.09.1994 по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии» («Otto-Preminger-Institut c. Autriche»); § 32 Постановления от 24.05.1988 по делу «Мюллер и другие против Швейцарии» («Müller et autres c. Suisse»); § 58 Постановления от 25.11.1996 по делу «Уингроу против Соединенного Королевства» («Wingrove c. Royaume-Uni»); § 84 Постановления по делу «Еврейская литургическая ассоциация Шапе Шалом Ве Тседек против Франции» («Cha'are Shalom Ve Tsedek c. France»); §§ 72, 75 и 77 Постановления от 04.12.2008 по делу «Догрю против Франции» («Dogru c. France»)).

Это означает, что Болгарское государство обладает широким полем усмотрения при выработке мер по разрешению сложившейся конфликтной ситуации и широким полем усмотрения, самостоятельности в определении необходимых изменений законодательства (либо в оставлении законодательства неизменным, но принятии мер административно-правового регулирования).

2. Признание Европейским судом по правам человека обязанности национальных властей в отношениях с религиозными объединениями и при решении вопросов, касающихся определенных аспектов свободы вероисповедания, учитывать в рамках их компетенции интересы общества в целом (§§ 55 и 56 Постановления от 20.09.1994 по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии» («Otto-Preminger-Institut c. Autriche»); § 58 Постановления от 22.10.1981 по делу «Даджен против Соединенного Королевства» («Dudgeon c. Royaume-Uni»)).

Следовательно, Болгарское государство обязано учитывать интересы всего болгарского общества в целом, не допуская продолжения конфликта, которому может быть придан новый существенный импульс недостаточно продуманными действиями государства по исполнению рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека.

3. Признание Европейским судом по правам человека, что не существует единых европейских стандартов построения отношений между государством и религиозными объединениями и что государственные власти конкретных стран лучше осведомлены и более эффективны, чем международный суд, в определении требований в этой области. Признание, что тот факт, что

определенные меры не являются необходимыми в одних государствах или их частях, совершенно не означает, что они не могут быть признаны необходимыми в другом государстве или другой части государства (§ 35 Постановления от 24.05.1988 по делу «Мюллер и другие против Швейцарии» («Müller et autres c. Suisse»); § 58 Постановления от 25.11.1996 по делу «Уингроу против Соединенного Королевства» («Wingrove c. Royaume-Uni»); § 56 Постановления от 22.10.1981 по делу «Даджен против Соединенного Королевства» («Dudgeon c. Royaume-Uni»)).

Следовательно, формы и средства разрешения сложившейся конфликтной ситуации, меры по снятию напряженности в болгарском обществе Болгарское государство вправе определять самостоятельно, обладая достаточной степенью свободы.

4. Признание Европейским судом по правам человека невозможности определения единообразного для всей Европы представления о значении религии в обществе, а также признание им, что даже внутри одной страны такие представления могут быть различны (§ 50 Постановления от 20.09.1994 по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии» («Otto-Preminger-Institut c. Autriche»); § 35 Постановления от 24.05.1988 по делу «Мюллер и другие против Швейцарии» («Müller et autres c. Suisse»)).

Это означает, что Болгарское государство при принятии мер по исполнению рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека, при выработке и осуществлении конкретных мероприятий, направленных на разрешение сложившейся конфликтной ситуации, вправе учитывать специфику религиозной жизни болгарского общества и принимать во внимание особую важность защиты института, представляющего культуuroобразующую религию подавляющего большинства населения страны, – Болгарской Православной Церкви.

Положения рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека, дающие возможность Болгарскому государству устранить допущенные им нарушения, соблюдая при этом интересы обеспечения целостности (единства) Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима):

1. Признание Европейским судом по правам человека отсутствия правовых оснований для нахождения в собственности или в пользовании раскольников ряда храмов и иной церковной собственности.

Европейский суд по правам человека признал существование фактов незаконного силового захвата представителями

раскольнической организации-заявителя зданий религиозного назначения (храмов), не имевшими на то необходимых юридических оснований, более того, признал установленными факты незаконного силового захвата раскольниками храмов иногда при поддержке властей и полиции (§ 129 рассматриваемого Постановления), установил, что некоторые здания религиозного назначения и иная церковная собственность, находившиеся в распоряжении организации-заявителя (раскольников) вплоть до изъятия в 2004 году, была ранее незаконно получена (захвачена) ими с помощью правоохранительных органов, не имевших на то необходимых правовых оснований и полномочий. Европейский суд по правам человека подчеркнул, что заявители (раскольники) не смогли опровергнуть утверждение Правительства и третьей стороны о том, что в некоторых случаях сторонники организации-заявителя завладевали зданиями незаконно, были случаи произвола, в том числе с применением силы (§ 129 рассматриваемого Постановления).

Следовательно, Болгарское правительство не обязано истребовать из собственности или пользования Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима) здания религиозного назначения и иное религиозное имущество в целях передачи организации-заявителю, а также не обязано требовать возврата зданий религиозного назначения, изъятых ранее из неправомерного пользования раскольников. Хотя Европейский суд по правам человека и указал на процедурные нарушения при осуществлении такого изъятия, но он подтвердил, что у раскольников отсутствовали необходимые правовые основания занимать эти здания религиозного назначения.

Также это подтверждает представленную Европейскому суду по правам человека Правительством Болгарии позицию о том, что в мотивации организации-заявителя (раскольников) присутствовала не только (или не столько) борьба за свободу вероисповедания, но и борьба за собственность (§ 94 рассматриваемого Постановления). А это, соответственно, означает, что Болгарское государство при обеспечении реальных правовых возможностей для организации-заявителя истребовать в судебном порядке спорные здания религиозного назначения (в случае, если ею будут представлены убедительные доказательства приоритета ее прав на указанное имущество) должно сосредоточиться на обеспечении условий для реализации свободы вероисповедания верующими организации-заявителя.

Это также означает, что спор о приоритете прав на использование названия Болгарской Православной Церкви является для организации-заявителя лишь прикрытием своих юридически, фактически и морально необоснованных притязаний на здания

религиозного назначения и иное церковное имущество. То есть государство вправе признать аргументы стороны-заявителя о притязаниях на наименование «Болгарская Православная Церковь» притворными. А это дает основания Болгарскому государству при изыскании правовых возможностей для государственной регистрации организации-заявителя настаивать на изменении наименования организации-заявителя при такой регистрации.

2. Признание Европейским судом по правам человека, что его задачей не может являться оценка в рамках канонического права законности противоположных утверждений о легальности выдвинутых руководителей соперничающих религиозных организаций (в данном случае – Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима) и альтернативного Священного Синода (митрополита Иннокентия)). Суд отметил, что такую оценку компетентна давать сама православная община Болгарии и ее институты (§ 137 рассматриваемого Постановления).

Это означает, что окончательное решение вопроса о каноничности той или иной стороны конфликта Европейский суд по правам человека относит к исключительному ведению самой православной общины, а Болгарское государство обязано создать необходимые условия для мирного разрешения этого конфликта. Но такое мирное разрешение будет недостижимо, если государство вновь предпримет неправомерное вмешательство в конфликт и примется усиливать сторону организации-заявителя, передавая ей изымаемые у другой стороны храмы или совершая иные подобного рода действия, направленные на реализацию интересов стороны организации-заявителя.

С другой стороны, это означает, что определение легитимности или, напротив, нелегитимности избрания Патриарха Максима в свое время главой Болгарской Православной Церкви возможно исключительно только на основе канонического церковного права.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 4, пунктом 2 статьи 10 Закона Республики Болгарии о вероисповеданиях от 20.12.2002 (ДВ. № 120 от 29.12.2002, изм. ДВ. № 33 от 21.04.2006, изм. ДВ. № 59 от 20.07.2007), Болгарское государство обязано уважать и принимать каноническое церковное право, равно как и принятое на его основе решение, постольку, поскольку оно не противоречит государственному праву. А в данном случае таких противоречий государственному праву, очевидно, нет.

Таким образом, оспаривание легитимности избрания Патриарха Максима может быть реализовано организацией-

заявителем (раскольниками) в суде, при представлении необходимых доказательств своих утверждений.

Болгарское государство, в условиях отсутствия доказательств утверждений организации-заявителя и в условиях неиспользования организацией-заявителем своего права на обращение по этому поводу в суд, обязано признавать главой Болгарской Православной Церкви то лицо, которое занимает эту должность в соответствии с каноническим церковным правом.

3. Подтверждение Европейским судом по правам человека, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод не закрепляет право на инакомыслие в религиозной общине, достаточно лишь того, что инакомыслящие имеют право покинуть общину (§ 141 рассматриваемого Постановления), подтверждение Европейским судом по правам человека правовой возможности принятия государством гражданско-правовых мер, необходимость которых может быть вызвана отпадением группы несогласных от религиозной общины. При этом пределы такого реагирования ограничены, Конвенция не предоставляет властям полную свободу поддерживать одну из сторон во внутрицерковных спорах и использовать государственную власть для подавления оппозиционной группы в этом споре (§ 141 рассматриваемого Постановления).

Это означает, что Болгарское государство должно создать раскольникам правовые условия для реализации коллективной свободы вероисповедания, тем более, что Европейский суд по правам человека в своем решении именно на нарушении этой свободы и выстроил свою позицию, уйдя от вопросов, касающихся споров о собственности между оппонирующими сторонами. При этом вполне правомерно решение этого конфликта посредством выведения верующих организации-заявителя и регистрации их в виде отдельной религиозной организации (хотя для этого и потребуются изменение законодательства).

По существу, исходя из смысла указанной правовой позиции Европейского суда по правам человека, Болгарское государство вправе предложить представителям организации-заявителя альтернативу: либо остаться в Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима), подчинившись церковному каноническому праву, либо, реализуя «право покинуть общину», выделиться с правомерно находящимся у них в собственности (или в пользовании) на сегодняшний день имуществом и зарегистрироваться в виде отдельной религиозной организации с наименованием, отличным от наименования «Болгарская Православная Церковь». При этом должна быть гарантирована правовая возможность обеих сторон все

спорные отношения в соответствии с действующим законодательством решать через судебные органы, уполномоченные Законом, без административного вмешательства государства.

4. Позиция Европейского суда по правам человека о том, что признание Церкви «*ex lege*» (на основании нормы Закона) нельзя рассматривать как принципиально противоречащее статье 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (§ 157 рассматриваемого Постановления).

Это означает, что государство вправе не только оставить в Законе Республики Болгарии о вероисповеданиях соответствующие нормы, но и оставить правовой статус Болгарской Православной Церкви «*ex lege*». Из смысла рассматриваемого Постановления следует, что Болгария, будучи обязанной создать необходимые условия для реализации коллективной свободы вероисповедания раскольническими организациями (например, изменив законодательство и зарегистрировав их), вовсе не обязана как-то принижать, ограничивать права Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима).

5. Признание Европейским судом по правам человека факта того, что организация-заявитель образовалась в результате незаконного вмешательства государства во внутренние дела Болгарской Православной Церкви между 1992 и 2002 гг., когда власти стремились заместить руководящие посты в Болгарской Православной Церкви лицами, разделяющими их идеологические воззрения и политические позиции (§ 98 рассматриваемого Постановления) и допущение Европейским судом по правам человека того, что, скорее всего, не будь незаконного государственного акта от 1992 г., организация-заявитель (раскольники) получила бы меньшее влияние и контролировала бы меньшее число церквей (§ 136 рассматриваемого Постановления).

6. Указание Европейского суда по правам человека на то, что не дело государства в демократических обществах принимать меры, гарантирующие религиозным общинам возможность остаться в существующем положении или быть приведенным под единое руководство. Плюрализм как основная ткань демократии несовместим с действиями государства по принуждению религиозной общины к объединению под единым руководством (§§ 147, 148, 119-122 рассматриваемого Постановления).

Это означает, что Болгарское государство совершенно не вправе совершать те же действия, которые были совершены им в отношении организации-заявителя и которые были критически

оценены Европейским судом по правам человека, но теперь уже в отношении Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима).

Если сейчас Болгарское государство начнет изымать здания религиозного назначения у Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима), предпринимать иные меры вмешательства, то Болгарское государство вновь совершит деяния, аналогичные тем, за которые ее критикует Европейский суд по правам человека, но только теперь уже в отношении Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима). Вновь, в оценках Европейского суда по правам человека, будет констатироваться, что нарушена свобода вероисповедания, государством совершено указанное «принуждение религиозной общины».

7. Признание Европейским судом по правам человека того, что Болгарское правительство было вправе осуществить в 2002 году действия, которые могли бы помочь преодолеть конфликт в Церкви или ограничить негативное влияния этого конфликта на общественный порядок и юридическую определенность (§ 131 рассматриваемого Постановления). Вопрос лишь в пропорциональности и законности таких действий (§ 132 рассматриваемого Постановления). Признание Европейским судом по правам человека правомерности действий Болгарии, гарантирующих юридическую определенность и реализующих предсказуемые юридические процедуры, – для улаживания конфликта и для обеспечения религиозного мира (§ 139 рассматриваемого Постановления).

Указанная правовая позиция Европейского суда по правам человека представляет собой правовую линию, проводимую им в течение длительного времени, корреспондирующую, в частности – в правовой позиции, выраженной в его Постановлении от 20.09.1994 по делу «Институт Отто-Премингер (Otto-Preminger-Institut) против Австрии» («Otto-Preminger-Institut c. Autriche») и в Постановлении от 27.06.2000 по делу «Еврейская литургическая ассоциация Шаре Шалом Ве Тседек против Франции» («Cha'are Shalom Ve Tsedek c. France»).

Это означает, что Болгарское государство вправе и в настоящее время предпринимать все необходимые меры, направленные на преодоление конфликтной ситуации, но только эти меры должны быть хорошо продуманными и взвешенными, не противоречить Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

8. Признание Европейским судом по правам человека значимости соблюдения церковного единства при условии, что

государство не будет насаждать это организационное единство силой в глубоко разделенной религиозной общине (§§ 144, 155, 159 рассматриваемого Постановления).

Из рассмотренного Постановления, а равно из правовых позиций, выраженных ЕСПЧ в его решениях по другим делам, следует, что Болгарии ничто не мешает, не ограничивая регистрацию организации-заявителя в качестве второй православной религиозной организации (потребуется внесение изменений в законодательство), ввести определённые ограничения на дублирование названия уже зарегистрированной Болгарской Православной Церкви, предоставив раскольникам свободу и возможность назвать свою организацию как-то по-другому (в отличие от Болгарской Православной Церкви). Государство не вправе вмешиваться во внутренние дела религиозных организаций, но обратной стороной этого конституционного требования является и то, что государство не обязано прилагать какие-то усилия для привлечения новых верующих в организацию раскольников, в том числе посредством дозволения ими использования мимикрирующего названия, сходного до степени смешения с уже существующим, вводящего верующих в заблуждение.

9. Позиция Европейского суда по правам человека о том, что роль государства в ситуации конфликта внутри религиозных групп заключается в снятии напряжения не посредством уничтожения плюрализма, но гарантированием терпимости соперничающих сторон в отношении друг друга (§§ 148 и 120 рассматриваемого Постановления).

Указанная правовая позиция Европейского суда по правам человека представляет собой правовую линию, проводимую в течение длительного времени, корреспондирует, в частности, правовой позиции, выраженной им в его Постановлении от 14.12.1999 по делу «Сериф против Греции» («Serif c. Grèce»; окончательное решение – 14.03.2000): *«Хотя Суд признает, что возможное напряжение возникает в ситуациях, когда сообщества разделяются по религиозному или иному признаку, Суд считает, что это является одним из неизбежных последствий плюрализма. Роль властей при таких обстоятельствах не в том, чтобы устранять причину напряженности путем ликвидации плюрализма, но обеспечивать, чтобы конкурирующие группы проявляли терпимость друг к другу».*

Вышесказанное означает, что исполнение рассматриваемого Постановления Европейского суда по правам человека Болгарским государством совершенно необязательно должно идти по пути усиления каким бы то ни было способом позиций организации-

заявителя. Главные задачи Болгарского государства – обеспечить условия для полноценной реализации свободы вероисповедания верующими организации-заявителя и прекратить (либо максимально смягчить) конфликт между сторонами.

Следовательно, Болгарское государство не обязано принимать сторону организации-заявителя (раскольников – альтернативного «Синода» митрополита Иннокентия) и осуществлять какие-либо действия в интересах раскольников, которыми были бы ущемлены законные интересы другой стороны – Болгарской Православной Церкви (Патриарха Максима), государство обязано проявлять нейтральность и создать условия для последующего мирного разрешения конфликта.

10. Признание Европейским судом по правам человека, что цель, которая была обозначена Болгарским государством как имеющая первоочередное национальное значение («единство Болгарской Православной Церкви является важной национальной задачей исторического масштаба, последствия этого единства влияют на сам характер Болгарского народа и его культурное самосознание») и для достижения которой Болгарским государством было осуществлено вмешательство в целях прекращения церковного раскола, может быть признана как существенная при анализе законности и пропорциональности вмешательства. Хотя само по себе признание важности цели не может служить исчерпывающим и самодостаточным обоснованием такого вмешательства государства (§ 145 в контексте § 143 рассматриваемого Постановления).

Ponkin I.V., Kouznetsov M.N. Les schismes religieux et la position de la Cour Européenne des droits de l'homme dans l'affaire «Le Saint Synode de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (métropolitaine Innokenty) et autres contre la Bulgarie»¹⁰⁰

Actuellement les schismes religieux sont une des grandes menaces pour les églises chrétiennes modernes. Dans ce contexte ce qui représente un intérêt c'est l'Arrêté de la Cour Européenne des droits de l'homme du 22.01.2009 dans l'affaire «Le Saint Synode de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (métropolitaine Innokenty) et autres contre la Bulgarie» (plaintes № 412/03 et 35677/04) (ci-dessous dénommé – l'Arrêté).

L'analyse du contenu de l'Arrêté abordé permet de faire les conclusions suivantes.

Sa particularité consiste en ce qu'une partie de ses positions de droit principales tout à fait correspond aux positions de droit exprimées par la Cour Européenne des droits de l'homme dans certain nombre de ses autres décisions des affaires concernant les problèmes de liberté de conscience et de relations entre l'état et les regroupements religieux, en cela les dispositions primordiales de cet Arrêté sont marquées par des justifications juridiques différentes, pourtant les certaines d'elles sont insuffisamment justifiées et fausses. Voilà pourquoi nous pensons que la critique superficielle de cet Arrêté (sans attirer l'attention aux défauts de droit significatifs, notamment procéduraux) serait un petit peu mal réfléchi.

En même temps, **l'analyse de l'Arrêté abordé en découvre plusieurs dispositions contraires vis-à-vis:**

- l'article 6 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales du 04.11.1950, les positions de droit de la Cour Européenne des droits de l'homme dans un certain nombre des autres affaires, notamment concernant les problèmes de relations entre l'état et les regroupements religieux, aussi

- le Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme du 04.11.1998 (avec corrections postérieures);

- l'Annexe du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme «A propos des enquêtes» du 07.07.2003;

- les Prescriptions pratiques «Dépot d'une plainte» (prescrites par le Président de la Cour Européenne des droits de l'homme selon l'article

¹⁰⁰ **Ponkine Igor** – docteur ès sciences juridiques, directeur de l'Institut des relations étatiques-confessionnelles et du Droit, professeur à la chaire de gestion d'Etat, de règlement du service public et municipal de l'Académie de Russie du service public auprès du Président de la Fédération de Russie

Kouznetsov Mickaïl – docteur ès sciences juridiques, professeur à l'Académie de Russie du service public auprès du Président de la Fédération de Russie

32 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme 01.11.2003);

- les Prescriptions pratiques «Documents contradictoires» (prescrites par le Président de la Cour Européenne des droits de l'homme selon l'article 32 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme 01.11.2003).

Ce parti juridique de l'Arrêté précisé représente des motifs nécessaires et suffisants pour que l'état Bulgare, en conformité de l'article 43 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (version du Procès-verbal № 1 de cette Convention «Réorganisation du mécanisme de contrôle créé en conformité de la Convention» du 11 mai 1994) et du point 1 de la règle 73 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme, envoie sa petition pour faire étudier son affaire par la grande Chambre de la Cour Européenne des droits de l'homme, et pour que La Cour Européenne des droits de l'homme, conformément, prenne une nouvelle décision sans avoir des violations procedurales découvertes dans l'Arrêté (et précisées en détail ci-dessous).

1. Violations par la Cour Européenne des droits de l'homme des documents réglant ses activités, notamment l'acceptation de la plainte des demandeurs en tant qu'acceptable, des documents présentés par les demandeurs en tant que documents bien rédigés et les demandeurs en tant que personnes autorisées de représenter les intérêts de leur organisme nommé.

L'Analyse de l'Arrêté abordé présente des motifs nécessaires et suffisantes pour évaluer ce document en tant qu'un document violant d'une manière flagrante la règle 38 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme, ainsi que l'Annexe du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme «A propos des enquêtes» et les Prescriptions pratiques «Dépot d'une plainte» en partie de rédaction et de dépot d'une plainte par les demandeurs pour l'affaire concernée.

1.1. Ignorance par la Cour Européenne des droits de l'homme du fait de violation, par les demandeurs, de l'exigence de l'alinéa «h» du point 9 des Prescriptions pratiques «Documents contradictoires»

La Cour Européenne des droits de l'homme a ignoré d'une manière flagrante la violation évidente par les demandeurs de l'alinéa «h» du point 9 des Prescriptions pratiques «Documents contradictoires», qui prescrit une exigence pour que les documents contradictoires représentés par les parties (dans ce cas par le demandeur) **doivent** *«comprendre les références sur tous les documents ou preuves mentionnés dans des documents contradictoires et y annexés»*.

La Cour Européenne des droits de l'homme, vue la violation de cette exigence, n'a pas demandé de la part de l'organisme demandeur et autres demandeurs des documents juridiquement importants, corrects et authentiques pour justifier ce que:

1) la personne s'adressant du nom du «Synode alternatif» de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (c'est comme ça que la Cour a identifié cette personne au § 2 de l'Arrêté) est un vrai représentant de l'organisme «Saint Synode de l'Eglise Orthodoxe Bulgare»;

2) l'organisme-demandeur a tous motifs de droit pour se dénommer «le Saint Synode» en prenant en compte le sens juridique de ce terme et les conséquences juridiques;

3) les demandeurs ou les certains d'eux ont rapport à l'Eglise Orthodoxe Bulgare au sens canonique et de droit (vue le caractère laïque de la Cour Européenne des droits de l'homme vis-à-vis de sa configuration, ses fonctions et ses activités, elle n'a pas de droit de se mêler des problèmes exclusivement du droit canonique des églises orthodoxes, mais en même temps la Cour Européenne des droits de l'homme doit prendre en compte des faits juridiquement significatifs basés sur le droit canonique des églises orthodoxes, dans ce cas – sur le droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, et en plus par la législation de la Bulgarie l'inscription de l'Eglise Orthodoxe Bulgare n'est pas prévue);

4) les demandeurs ont les droits de propriété juridiquement justifiés par la procédure prévue par la législation nationale, soit les droits d'utiliser les biens religieux de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, relativement desquels les demandeurs ont rapporté leurs prétences dans leur plainte auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme;

5) les exigences financières présentées par les demandeurs dans leur plainte auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme.

C'est justement ces documents-là qui peuvent être traités en tant que preuves requises. Dans le cas contraire, il n'y a aucunes garanties que le groupe de demandeurs de l'affaire étudiée, ne se réclame pas prochainement en tant que Cour Européenne alternative des droits de l'homme, et comme conséquence, ne déclare pas des exigences pour faire fournir à ce groupe les bâtiments et les locaux de la Cour Européenne des droits de l'homme.

Nous estimons qu'il n'y a aucunes raisons pour accepter les «références des documents ou des preuves» (selon le sens de l'alinéa «h» du point 9 des Prescriptions pratiques «Documents contradictoires») en tant que pièces et déclarations sans preuves des demandeurs faites par eux en tant que preuves de leurs arguments, mais elles ne le sont en réalité, soit elles ont rapport aux affirmations à justifier ou étant fausses et pas authentiques.

En prenant en compte tout ce qui a été dit ci-dessus, nous pensons qu'en conformité des points 20 et 21 des Prescriptions pratiques

«Documents contradictoires» et du point 1 de la règle 38 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme, la Cour Européenne des droits de l'homme aurait du accepter les documents contradictoires des demandeurs en tant que documents déposés indûment, et en conformité de la règle 44D du Règlement précisé, les déclarations des demandeurs ne correspondant pas à la réalité et orientées manifestement pour faire induire la Cour Européenne des droits de l'homme en erreur, La Cour aurait du les interpréter en tant que les déclarations malhonnêtes et fausses.

1.2. Violations de l'évaluation du Statut et des pouvoirs du demandeur

La Cour Européenne des droits de l'homme a ignoré son obligation d'évaluer les raisons de traiter la personne qui s'est adressée avec sa plainte №412/03 du 12 décembre 2002 en tant qu'un représentant mandataire de l'organisme demandeur identifié au § 2 de l'Arrêté comme un certain «Synode Alternatif» de l'Eglise Orthodoxe Bulgare et en même temps comme un représentant du Saint Synode de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (ce qui n'est pas la même chose de notre point de vue).

En prenant en compte le fait que «l'organisme demandeur» représenté par un responsable élu s'est adressé auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme, la Cour Européenne des droits de l'homme aurait pu et du constater l'existence de l'organisme associé et la légitimité de son représentant dénommé en tant que son responsable dans l'Arrêté (vérifier les documents justificatifs en conformité de la législation nationale de la Bulgarie). Et selon les §§ 135 et 40 de l'Arrêté étudié la Cour Européenne des droits de l'homme a constaté que l'organisme demandeur n'est jamais été inscrit par la Direction des affaires de confession auprès du Conseil des Ministres selon la procédure prévue par la législation de la Bulgarie. Donc en conformité de la Loi de la Bulgarie du 1949 l'organisme demandeur n'aurait pas pu être traité en tant qu'organisme institué (selon les §§ 10 et 21 de l'Arrêté abordé), et son organe de direction (responsable) – inscrit.

La référence de la Cour Suprême administrative de la Bulgarie à l'existence, d'après son point de vue, des deux Saints Synodes (§ 28 de l'Arrêté) n'entend pas le fait accompli de l'inscription d'état requise des deux organismes, voilà pourquoi cette référence donnée peut être traitée exclusivement comme l'existence réelle, mais pas juridique de l'organisme demandeur (pas inscrit par l'état). Donc, la conclusion de la Cour Européenne des droits de l'homme concernant le fait qu'après la mise en vigueur de la Loi 2002 les pouvoirs ont mis fin à l'existence de l'organisme demandeur (§ 171 de l'Arrêté) n'est pas justifiée, parce que cet organisme demandeur n'a pas connu son existence juridique même avant 2002, en même temps, de facto, l'existence des groupes des religieux acceptant le

métropolitain Innokenty en tant que chef de l'Église n'a pas été coupé par l'état Bulgare, ils étaient en droit de confesser librement leur foi en respectant les droits et les intérêts des autres religieux. Les points 38-40 de l'Arrêté n'éclaircissent pas si le métropolitain Innokenty jamais a été élu (en 1999 r.) en tant que chef du faux Synode («alternatif»), si cette élection ou nomination correspondait aux exigences canoniques, si non, il n'a pas de pouvoirs d'agir du nom d'un représentant du («Synode alternatif»). Cette question importante du point de vue juridique n'est pas étudiée, et sans son étude la question sur les pouvoirs et les droits du métropolitain Innokenty de s'adresser auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme du nom du Saint Synode de l'Église Orthodoxe Bulgare ne peut pas être affirmativement décidée, voilà pourquoi on ne peut pas affirmer que le métropolitain Innokenty était en droit de s'adresser auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme avec la plainte du nom du Saint Synode de l'Église Orthodoxe Bulgare.

Il convient de préciser qu'au § 2 de l'Arrêté abordé la Cour Européenne des droits de l'homme a traité l'organisme demandeur en tant que «Synode alternatif» de l'Église Orthodoxe Bulgare. D'où vient que l'organisme demandeur ne fait pas partie de l'organe de l'Église Orthodoxe Bulgare et le métropolitain qui s'est adressé de son nom n'est pas le chef de cette Église, parce que selon les Statuts de l'Église Orthodoxe Bulgare cette Église ne peut pas avoir le «Synode alternatif», il n'y a qu'un seul Synode compétent – le Saint Synode. Cette circonstance témoigne au profit de la conclusion que la Cour Européenne des droits de l'homme avait des raisons pour penser que le métropolitain Innokenty n'avait pas le droit de s'adresser auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme du nom du Saint Synode de l'Église Orthodoxe Bulgare.

Donc, la Cour Européenne des droits de l'homme, comme il nous semble, n'avait pas des raisons, en abordant cette affaire et en formulant ses attitudes dans l'Arrêté abordé, pour accepter d'une manière juridique et basée sur les faits le métropolitain Innokenty en tant que personne agissant du nom du Saint Synode de l'Église Orthodoxe Bulgare, et voilà pourquoi traiter la pétition de cette personne auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme en tant que pétition faite indûment par une fausse personne, ou au moins par une personne sans justifications convaincantes de ses pouvoirs.

De cette manière-là, la Cour Européenne des droits de l'homme reconnaît arbitrairement et traite l'organisme demandeur dans l'Arrêté («le Synode alternatif» de l'Église Orthodoxe Bulgare) – voir § 2 de l'Arrêté sous dénomination «le Saint Synode de l'Église Orthodoxe Bulgare».

En prenant en compte ce qui a été dit ci-dessus, et en conformité du point 3 de l'article 35 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (version du Procès-verbal № 11 de la Convention «Réorganisation du mécanisme de contrôle créé

en conformité de la Convention» du 11 mai 1994), la Cour Européenne des droits de l'homme aurait du accepter la plainte des demandeurs inacceptable suite à son caractère insuffisamment justifié et illégal.

2. Absence du fondement intégral d'application de l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales par la Cour Européenne des droits de l'homme et son acceptation de violation de cet article.

De l'Arrêté abordé il découle que le conflit entre le chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare le Patriarche Maxime et les demandeurs (schismatiques), exigeant d'une manière illégale d'enlever ses pouvoirs de Patriarche, est conditionné pas par la présence des grands obstacles aux libertés de conscience et la présence des conflits entre deux parties de la communauté orthodoxe fragmentée provoqués par les différences entre les conceptions religieuses, mais, avant tout, par les prétentions illégales des responsables des schismatiques de diriger l'Eglise Orthodoxe Bulgare. Il résulte de l'Arrêté que la question est posée sous aspect juridique inter-religieux (configuration du pouvoir religieux, procédure d'élection de son chef). Les convictions des schismatiques (conceptions, opinions idéologiques) concernant le fait que l'Eglise Orthodoxe Bulgare a un autre chef élu d'une manière légitime, ne peuvent pas être abordées en tant que ceux qui ont rapport directe avec la liberté de conscience et liberté de religion, parce qu'elles portent un autre caractère. Et le refus de l'état d'accepter les prétentions des schismatiques pour le changement illégal de la hiérarchie de l'Eglise Orthodoxe Bulgare et de contribuer aux prétentions pas basées sur le droit, ne peut pas être abordé en tant que violation de l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales, parce que le sens de l'article précisé de la Convention est tout a fait un autre et consiste en assurance de la liberté de conscience et cette liberté n'est pas liée à l'ordre inter-religieux de l'organisation de la direction de l'Eglise.

Les arguments significatifs confirmant la justification insuffisante de l'affirmation de la Cour Européenne des droits de l'homme sur la violation de l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (notamment par l'adoption de certaines normes de la loi de confession 2002) sont aussi:

- l'acceptation par la Cour Européenne des droits de l'homme du fait que la génération du schisme dans la communauté orthodoxe de la Bulgarie a été provoqué par l'intervention illégale de l'état dans les affaires inter-religieuses de l'Eglise Orthodoxe Bulgare entre 1992 et 2002, quand les pouvoirs bulgares tenaient d'une manière illégale et forcée à remplacer les postes de direction de cette Eglise par les personnes partageant leurs visions idéologiques et leur positions politiques (§§ 17, 98 de l'Arrêté);

-le jugement de la Cour Européenne des droits de l'homme sur le fait que s'il n'aurait pas d'acte d'état illégal du 1992, les demandeurs (schismatiques) auraient pu avoir moins d'influence et contrôler moins d'églises (§ 136 de l'Arrêté);

- l'acceptation par La Cour Européenne des droits de l'homme du fait que la loi précisée ne faisait pas d'obstacles à l'inscription de l'organisme religieux dirigé par le métropolite Innokenty sous la dénomination ne coïncidant pas au nom de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, et la constatation du fait que les demandeurs n'ont pas exprimé leurs tentatives de faire inscrire leur organisme en conformité de la Loi précisée (§ 91 de l'Arrêté);

- la présentation par la Loi précisée des possibilités juridiques des libertés de conscience dont le respect ne doit être lié à la réalisation des prétentions pour l'occupation arbitraire des fonctions responsables dans l'organisme religieux.

La Cour Européenne des droits de l'homme, comme c'était précisé ci-dessus, a accepté l'existence des faits de prise illégale forcée des bâtiments religieux (temples) par les représentants de l'organisme demandeur schismatique n'ayant pas des raisons juridiques nécessaires, et en plus, elle a reconnu les faits constatés de l'envahissement illégal forcé des temples par les schismatiques sous l'appui des pouvoirs et de la police (§ 129 de l'Arrêté), a constaté que les certains bâtiments religieux et une autre propriété religieuse se trouvant à la disposition de l'organisme demandeur (schismatiques) jusqu'à leur expropriation en 2004, a été reçue (envahie) d'une manière illégale par eux par l'intermédiaire des services d'application de la loi sans avoir des raisons juridiques et des pouvoirs nécessaires. La Cour Européenne des droits de l'homme a souligné que les demandeurs (schismatiques) n'ont pas pu démentir l'affirmation du Gouvernement et du tiers sur ce que dans certains cas les partisans de l'organisme demandeur ont pris les bâtiments d'une manière illégale, il y avaient des cas des arbitraires, notamment les actions forcées (§ 129 de l'Arrêté). Cela confirme la position présentée par le Gouvernement de la Bulgarie auprès de la Cour Européenne des droits de l'homme sur ce que la motivation de l'organisme demandeur (schismatiques) est marqué et pas seulement (ou pas plutôt) la lutte pour la liberté de conscience, mais plutôt la lutte pour la propriété (§ 94 de l'Arrêté abordé). Cela signifie aussi que les prétentions des schismatiques sur les droits d'utiliser le nom de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, leurs déclarations sur l'attentat de la part de l'état Bulgare à leurs libertés religieuses etc. – tout cela ne sert en gros que d'une couverture des demandeurs de leurs prétences juridiques, basées sur les faits et morales non justifiées sur les bâtiments religieux et autres biens religieux. Donc, la Cour Européenne des droits de l'homme, à partir des circonstances réelles de l'affaire, et le plus important, de ses positions de droit exprimées dans l'Arrêté, aurait du

accepter les prétences précisées et les déclarations des demandeurs en tant que feintes et n'ayant pas rapport à l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales.

La Cour Européenne des droits de l'homme a ignoré le fait qu'au fond des affirmations des demandeurs sur «la pression et la politique de discrimination du gouvernement bulgare» (§ 85 de l'Arrêté), les demandeurs n'ont pas présenté aucunes preuves concernant le fait que l'état Bulgare a créé; comme ils affirment, par l'adoption de la Loi de confession de 2002, les obstacles dans la réalisation des libertés de conscience. Eventuellement les particularités procédurales des actions des services d'application de la loi bulgares évaluées critiquement par la Cour Européenne des droits de l'homme lors de la restitution des bâtiments religieux envahis illégalement par les partisans du «Synode alternatif» ne veulent pas parler de la non-conformité des normes de la Loi précisée étudiées dans l'Arrêté à l'article 9 et autres articles de la Convention citée ci-dessus.

En plus, la Cour Européenne des droits de l'homme aurait du prendre en compte le fait qu'en refusant de s'inscrire en tant qu'un organisme religieux autonome (§ 86 de l'Arrêté), les demandeurs, de cette manière-là ont confirmé d'une manière ouverte la simulation de leurs déclarations sur la violation de leur liberté de conscience.

Ainsi, en prenant en compte l'interprétation mot à mot de l'article 9 de la Convention nous croyons que la Cour Européenne des droits de l'homme n'avait pas de raisons suffisantes pour identifier des violations de cet article dans les actions de l'état, notamment du point 2 de l'article 9 (définissant les raisons de limitation légale de la liberté de confesser sa religion ou ses convictions – ne correspond qu'aux contraintes prévues par la loi et sont nécessaires dans la société démocratique dans les intérêts de la tranquillité publique...). Et en plus pour cette situation l'article 9 ne doit pas du tout être appliqué vue les raisons citées ci-dessus.

En prenant en compte ce qui a été dit ci-dessus, en conformité du point 3 de l'article 35 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (version du Procès-verbal № 11 de la Convention «Réorganisation du mécanisme de contrôle créé en conformité de la Convention» du 11 mai 1994), La Cour Européenne des droits de l'homme aurait du accepter la plainte des demandeurs en tant qu'une plainte inacceptable et incompatible avec les dispositions de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales et les Procès-verbaux de cette Convention («ratione materiae»), puisque le but et la prétention de faire déplacer les chefs des organismes religieux et de prendre leurs places, ce qui ne correspond pas au droit canonique et d'état, et aussi d'envahir arbitrairement les bâtiments religieux n'ont aucun rapport aux droits et aux

libertés de l'homme dans le domaine religieux, ils ne sont pas traités par la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales et ses Procès-verbaux, ne sont pas protégés par eux, ne sont pas soumis aux cadres d'action des articles des actes précisés.

Pour la même raison la Cour Européenne des droits de l'homme, en conformité du point 3 l'article 35 de la Convention Européenne de sauvegarde de l'homme des droits et des libertés fondamentales aurait du accepter la plainte des demandeurs en tant qu'une plainte inacceptable, évidemment mal justifiée et illégale.

3. Violations par la Cour Européenne des droits de l'homme du principe du contradictoire du procès judiciaire découvertes dans l'Arrêté abordé.

L'analyse de l'Arrêté abordé a permis d'identifier plusieurs témoignages de violations flagrantes par la Cour Européenne des droits de l'homme du principe démocratique le plus important du **contradictoire** [principe du contradictoire] de la procédure judiciaire. La Cour Européenne des droits de l'homme a précisé dans un de ses premiers Arrêtés (du 14 novembre 1960 sur l'affaire «Looless contre l'Irlande») que dans toute société démocratique la procédure judiciaire (ceci répand aussi sur la Cour Européenne des droits de l'homme) doit avoir un caractère contradictoire et publique et ce principe important est défini par l'article 6 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales. L'exigence de respect du principe du contradictoire découle des règles 32 et 38 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme et aussi des prescriptions pratiques citées ci-dessus «Documents contradictoires».

Notamment, nous croyons que presque tous les arguments présentés par les représentants de l'Eglise Orthodoxe Bulgare et le gouvernement sont contestés par la Cour Européenne des droits de l'homme, et en ce qui concerne les schismatiques (organisme demandeur) la Cour Européenne des droits de l'homme accepte sans preuves toutes leurs fausses déclarations, même les défence, accepte les fictions notoires en tant que preuves.

Ainsi, au § 137 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme a choisi l'attitude pour les schismatiques, en acceptant que la partie de l'organisme demandeur a des «*arguments sérieux et de poigt*» pour penser que la position de la partie adverse (chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare) n'est pas canonique. Et pourtant l'acceptation par la Cour de la sérieux et du fondement des arguments d'une autre partie ne signifie que les arguments des parties n'ont pas été étudiés dûment par cette Cour, puisqu'elle leur donne la même évaluation en tant que «*arguments sérieux et bien fondés*».

L'excuse de la Cour sur ce que son objectif «ce n'est pas l'évaluation dans le cadre du droit canonique de la légitimité des affirmations contradictoires sur la légitimité faites par les responsables des adversaires», contredit aux évaluations des arguments des parties faites par elle-même sur la non-canonie de la position de la partie adverse en tant que «sérieux et bien fondés» (§ 137 de l'Arrêté).

Et pourtant la Cour n'a pas donné aucune preuve convaincante et arguments de son évaluation en tant qu'arguments sérieux et bien fondés du «Synode alternatif» (organisme demandeur) sur ce que la position de l'Eglise Orthodoxe Bulgare reconnue par l'état n'est pas canonique. Les renvois au § 12 de l'Arrêté à la décision du Comité Central du Parti Communiste Bulgare du 8 mars 1971 «sur la proposition d'une candidature du métropolite Maxime pour le trône de patriarche», et aussi à ce que le collège des électeurs qui a élu en 1971 le Patriarche Maxime a été formé sur la base d'une liste des électeurs délégués en 1957, ce qui ne témoigne pas du tout de la non canonicité du Patriarche élu, notamment pas parce qu'il est impossible de prouver une connexion causale entre la décision précisée du Comité Centrale du Parti Communiste et l'élection du Patriarche Maxime, mais aussi et avant tout en prenant en compte ce que la question de la canonicité est une question à résoudre dans le cadre du droit canonique selon la procédure prévue par l'Eglise.

Les arguments motivant l'acceptation par la Cour Européenne des droits de l'homme «de la sérieux et du bon fondement» des arguments pour confirmer la «canonicité» de l'attitude des schismatiques (et la Cour Européenne des droits de l'homme doit donner dans son Arrêté une motivation pour la question du droit (alinéa «h» du point 1 de la règle 74 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme)) sont les suivants:

- mention de ce que les schismatiques «croyaient» subjectivement que l'attitude de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (Patriarche Maxime) «n'est pas canonique» (§ 137 de l'Arrêté abordé);
- mention de ce que les schismatiques «croyaient» subjectivement que leurs arguments pour confirmer «la non canonicité» de l'attitude de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (Patriarche Maxime) sont «sérieux et bien fondés» (§ 137 de l'Arrêté abordé);
- mention du fait de la réunion du 04.07.1996 du certain nombre de gens dénommés par l'Arrêté abordé comme «plusieurs centaines de clercs et de croyants», dans le but d'élection de Pimen en tant qu'un chef soi-disant de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, sans faire l'évaluation requise par la Cour Européenne des droits de l'homme (obligatoire du point de vue du droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare et ensuite – du point de vue de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales, de la législation de la Bulgarie) de la légitimité

de convocation et d'animation de la Réunion précisée, de la légitimité de délégation et de présence à cette réunion des personnes prenant part à son animation, de la légitimité de prise de décision sur l'élection par cette Réunion du chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (§ 23 de l'Arrêté abordé);

- mention du fait de la réunion 09–10.11.1998 du certain nombre de gens qui se sont dénommés en ensemble et qui sont dénommés arbitrairement dans l'Arrêté abordé «*Concile religieux et populaire*», qui «*ont voté pour la déposition du Patriarche Maxime et ont adopté les nouveaux Statuts*», sans faire l'évaluation requise par la Cour Européenne des droits de l'homme du sens et des conséquences juridiques de ces actions (§ 37 de l'Arrêté abordé);

- mention du fait de l'acceptation par certaines personnes de Pimen en tant qu'un chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare sans faire l'évaluation requise par la Cour Européenne des droits de l'homme du sens et des conséquences juridiques de cette «acceptation» subjective par le petit nombre de gens, ne déterminant rien du point de vue du droit canonique (§§ 19, 30, 31 et 32 de l'Arrêté abordé);

- mention du fait de la «nomination» au mois d'avril 1999 par les schismatiques du «*métropolitite Innokenty en tant qu'un Président du Saint Synode*», sans faire l'évaluation requise par la Cour Européenne des droits de l'homme du sens et des conséquences juridiques de ces actions (§ 38 de l'Arrêté abordé).

Aussi un certain nombre d'autres suppositions et renseignements dont l'allégation, aussi que de ceux qui sont cités ci-dessus, en tant qu'arguments et preuves pour justifier et confirmer la «canonicité» des positions des demandeurs, ne supportent aucune critique.

Ce sont des **fiction**s et pas les preuves.

Au contraire, le recel intentionnel par les demandeurs des informations significatives vis-à-vis de la Cour Européenne des droits de l'homme et la falsification de leurs documents (justification des exigences financières, documents et arguments falsifiés pour justifier leurs propres arguments sur «l'illégitimité» du Patriarche Maxime) **auraient du amener à l'inacceptabilité de la plainte** en conformité du point 3 de l'article 35 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (version du Procès-verbal № 11 de cette Convention «Réorganisation du mécanisme de contrôle créé en conformité de la Convention» du 11 mai 1994) (voir les Décisions de la Cour Européenne des droits de l'homme sur l'affaire «F contre l'Espagne» («F v Spain») du 12.04.1991; sur l'affaire «Foxley contre le Royaume Uni» («Foxley v UK») du 12.10.1999; sur l'affaire «Jian contre la Roumanie» («Jian v Romania») du 30.03.2004).

En outre, la raison pour rejeter par la Cour Européenne des droits de l'homme de la plainte dans le cadre de l'affaire abordée aurait du être le fait que cette plainte précisée a été «basée consciemment sur les faux

faits» (voir la décision de la Cour Européenne des droits de l'homme sur l'affaire «Varbanov contre la Bulgarie» («Varbanov v Bulgaria») du 05.10.2000) et consciemment elle omettait des faits significatifs – sur l'illégitimité des «Congrès religieux» des schismatiques, sur l'illégitimité de l'envahissement des bâtiments religieux par les demandeurs eux-même etc. (§ 89 de la décision de la Cour Européenne des droits de l'homme sur l'affaire «Al-Nashif contre la Bulgarie» («Al-Nashif v Bulgaria») du 20.06.2002).

4. Incursion illégale de la Cour Européenne des droits de l'homme aux problèmes inter-religieux (canoniques) ne correspondant pas à sa compétence provoquant une violation par la Cour Européenne des droits de l'homme de l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales.

4.1. Exercice illégal par la Cour Européenne des pouvoirs d'évaluation et de détermination de la canonicité d'attitude de l'organisme demandeur («Synode alternatif») et «de la non canonicité» de l'attitude de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (Patriarche Maxime).

La Cour Européenne des droits de l'homme a déclaré dans l'Arrêté abordé que les arguments du gouvernement de la Bulgarie *«ne comprennent pas le fait que les actions de l'état contestées ont été faites dans des conditions entraînant une grande séparation et les prétences incompatibles sur la légitimité de deux groupes religieux antagonistes des leaders religieux de la communauté chrétienne orthodoxe de la Bulgarie, chacun d'eux a été renforcé par les décisions de certains congrès religieux»* (§ 107 de l'Arrêté aborde).

En fait, la Cour Européenne des droits de l'homme dans la partie citée de l'Arrêté abordé en intervenant d'une manière illégale et mal justifiée dans le domaine du droit canonique étudie les relations de l'Eglise comme des relations civiles des actionneurs de la société anonyme, où, effectivement, il est suffisant d'obtenir du quorum associé pour déposer les responsables. Mais le droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare ne prévoit pas la possibilité de changer le chef de l'Eglise par une réunion ordinaire d'une partie de ses membres et de la réalisation d'une procédure de vote. Au contraire, le droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare prévoit la procédure détaillée règlementée: procédure de prise de décision sur l'organisation et l'animation du Concile religieux autorisé d'élire le Patriarche – Chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, procédure d'élection (nomination) des délégués au Concile religieux, procédure déterminée d'animation du Concile religieux, procédure d'organisation et d'élection d'une candidature du futur Patriarche et procédure d'organisation et de vote dans des buts d'élection du Patriarche.

La Cour Européenne des droits de l'homme ignore d'une manière la plus flagrante ces circonstances largement connues et importantes du point de vue juridique, et par cela, d'une manière illégale et forcée, en substituant un organe religieux autorisant de traiter le droit canonique, attente à la compétence exclusive de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, lui impose dans son Arrêté ses propres représentations sur son organisation intérieure – au lieu d'une procédure d'élection du Patriarche prévue par le droit canonique affirme son point de vue personnel en tant qu'un véritable comme si cette procédure est équivalente sur le plan juridique à l'animation d'un certain «Congrès» religieux (§ 107 de l'Arrêté).

En plus, selon les évaluations de la Cour Européenne des droits de l'homme le nombre de ceux qui essayaient illégalement «déposer» le Patriarche Maxime en période 1989–1992, est suffisamment petit, d'après les termes de l'Arrêté abordé – ce sont «les **certain**s orthodoxes» (§ 14 de l'Arrêté).

Au § 139 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme déforme les circonstances de l'affaire d'une manière mal justifiée sur le plan juridique et des faits et construit à leur base des conclusions juridiquement incorrectes et imaginées, quand elle désigne l'existence d'une manière mal justifiée sur le plan juridique et des faits «*des deux chefs contradictoires*» de l'Eglise Orthodoxe Bulgare en ignorant d'une manière flagrante le fait découlant des pièces de l'affaire qu'il n'y a aucune contradiction, même de raisons pour supposer l'existence d'une soit dite contradiction. Le Patriarche Maxime dirige l'Eglise Orthodoxe Bulgare à partir de 1971 selon la décision de son élection, selon la procédure prévue par le droit canonique adoptée par les délégués religieux, cela n'est pas contesté par la Cour Européenne des droits de l'homme (voir § 12 de l'Arrêté). Mais ni le métropolite Innokenty ni (le précédent) Pimen ne sont jamais été élus en tant qu'un chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare selon la procédure prévue par le droit canonique déterminé. Et même la Cour Européenne des droits de l'homme ne renvoie jamais aux preuves convaincantes et solides de la légitimité des prétentions de Pimen et d'Innokenty d'occuper le poste du chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare.

Ensuite. La Cour Européenne des droits de l'homme a déclaré dans l'Arrêté abordé que l'Eglise Orthodoxe Bulgare «*a été effectivement de facto fragmentée durant plus de 10 ans, elle avait deux hiérarchies contradictoires, chacune d'elles pensait en se basant sur les arguments sérieux et de poids que la position de la partie opposée n'est pas canonique*» (§ 137 de l'Arrêté abordé).

L'analyse sémantique, lexicale, juridique et linguistique d'une partie citée de l'Arrêté abordé de la Cour Européenne des droits de l'homme donne des raisons nécessaires et suffisantes pour évaluer cet avis, qui témoigne et désigne le fait que la Cour Européenne des droits de l'homme est nettement pour les schismatiques en acceptant le fait qu'il y a certains

arguments «*sérieux et solides*» au profit de la canonicité de l'attitude des schismatiques et de la non canonicité de l'attitude de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (du Patriarche Maxime).

Dans la partie citée au § 137 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme déclare d'une manière mal justifiée sur le plan juridique et de fait des deux soit disantes «*hiérarchies contradictoires*» de l'Eglise Orthodoxe Bulgare. L'analyse sémantique, lexicale, juridique et linguistique de la partie citée de l'Arrêté permet de comprendre que dans la partie donnée la Cour Européenne des droits de l'homme a déclaré réellement son acceptation des schismatiques («Synode alternatif) par la «hiérarchie» (même – «hiérarchie contradictoire») de l'Eglise Orthodoxe Bulgare.

Nous supposons que les actions précisées de la Cour Européenne des droits de l'homme ont violé d'une manière flagrante le principe de séparation des églises et de l'état (puisque la Cour Européenne des droits de l'homme est un organe judiciaire institué par les états-membres de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales, elle doit respecter le principe précisé), ont violé d'une manière flagrante la partie 1 de l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales, en attendant au droit fixé par elle-même de confesser librement sa religion ou ses convictions ensemble avec d'autres personnes, publiquement ou personnellement, dans l'office divin, les études ou l'exercice des rites religieux et rituels.

4.2. Incursion illégale de la Cour Européenne des droits de l'homme en problèmes religieux (canoniques) ne correspondant pas à sa compétence, par la mise en question par la Cour Européenne des droits de l'homme de la légitimité d'élection de Maxime en tant que le Patriarche et le Chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare.

La Cour Européenne des droits de l'homme en étudiant la question de fait de l'affaire et ses circonstances, exprime dans l'Arrêté les doutes mal justifiés sur le plan juridique et de fait en légitimité d'élection de Maxime en tant que le Patriarche et le chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare.

Au § 12 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme lie d'une manière mal justifiée la question de la légitimité d'exercice de ses pouvoirs par le Patriarche Maxime dans l'Eglise Orthodoxe Bulgare avec le fait «d'inscription» (ou «de non inscription») au «Conseil des ministres» d'occupation du poste précisé: «*Il ne reste pas claire si la primauté du Patriarche Maxime a été établie d'une manière requise auprès du Conseil des ministres en conformité de la loi 1949*».

Pour les circonstances réelles de l'affaire et des raisons juridiques de sa résolution ce n'est pas important si le fait d'occupation du poste du chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare par le Patriarche Maxime a été établi en 1971 ou plus tard par le Conseil des ministres. La légitimité d'élection du

Patriarche Maxime en 1971 et en période de 1989 à nos jours se déterminait et en cours de se déterminer selon le droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare. Le Patriarche Maxime après son élection au moment de l'intervention flagrante des pouvoirs Bulgares en 1992 dominait durant 21 ans. Ses pouvoirs ne sont pas été mis en doutes durant la période précisée, après cette période-là ils ne sont pas été reconnus en tant qu'illégitimes selon la procédure prévue par le droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare ou la procédure judiciaire.

En conformité des points 1 et 2 de l'article 4, point 2 de l'article 10 de la Loi de confession de la République Bulgare du 20.12.2002 (DV. № 120 du 29.12.2002, DV modif. № 33 du 21.04.2006, DV modif. № 59 du 20.07.2007), l'état Bulgare doit respecter et accepter le droit canonique religieux ainsi que la décision prise à sa base, parce qu'il ne contredit pas au droit d'état. Et dans ce cas il est évident qu'il n'y a pas de contradictions de tel type vis-a-vis du droit canonique.

Puisque ni selon la procédure prévue par le droit canonique (religieux), ni selon la décision judiciaire d'après la procédure prévue par la législation (notamment en cas du demandeur requis) le fait de l'illégitimité d'élection du Patriarche Maxime en tant que chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare n'a pas été constaté et prouvé, l'état Bulgare devait le percevoir en tant que chef légitime de l'Eglise Orthodoxe Bulgare. L'animation par l'organisme demandeur (schismatiques) de son «Congrès religieux» dans les buts d'élire le nouveau chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare a été faite plus tard que le moment d'élection du Patriarche Maxime contredisait au droit canonique religieux, et voilà pourquoi elle ne doit être prise en compte par l'état bulgare. Mais la Cour Européenne ignore les circonstances précisées d'une manière flagrante.

Au § 135 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme met en doute de nouveau la légitimité de l'occupation du poste du chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare par le Patriarche Maxime, en se référant sur le point vague si le Patriarche Maxime «*a jamais été inscrit d'une manière requise*». Mais, comme c'était précisé ci-dessus, pour l'élection du chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare et l'exercice de ses pouvoirs ce qui est le plus important ce n'est pas le fait d'inscrire par l'état une personne en tant que chef de cette Eglise mais le fait de respecter toutes les exigences du droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare lors des élections en 1971.

Au § 12 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme, d'une manière mal justifiée sur le plan juridique et de fait et du point de vue éthique mélange d'une manière incorrecte le fait d'élection en 1971 du Patriarche Maxime selon la procédure prévue par le droit canonique de l'Eglise Orthodoxe Bulgare et le fait des tentatives du pouvoir communiste d'influencer le processus d'élection, d'éditer par le Comité Central du Parti communiste Bulgare d'un certain document, dans lequel a été écrit que les pouvoirs communistes tentaient de soutenir Maxime en tant qu'une

candidature du chef de l'Église Orthodoxe Bulgare. Il est évident qu'il est impossible de prouver la connexion causale entre ces deux faits, en tout cas dans cet Arrêté ce lien n'est pas seulement prouvé mais il n'est pas même montré.

Au § 134 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme, d'une manière mal justifiée sur le plan juridique et de fait et du point de vue éthique a déclaré: «*Plusieurs croyants, sans doutes, sont tombés d'accord avec le point de vue précisant le fait qu'un homme nommé par les pouvoirs communistes ne peut pas prétendre au Statut légal du Patriarche canonique*».

L'analyse sémantique, lexicale, juridique et linguistique de la partie citée de l'Arrêté abordé de la Cour Européenne des droits de l'homme présente des raisons nécessaires et suffisantes pour évaluer cet avis, en tant qu'avis témoignant le fait que la Cour Européenne des droits de l'homme déclare sous forme du fait établi le fait d'invention de la nomination du Patriarche Maxime par les pouvoirs communistes. La Cour Européenne des droits de l'homme ne donne aucune preuve pour la position précisée par l'Arrêté abordé, et par cela en violant d'une manière flagrante les principes de l'impartialité et de l'objectivité de la procédure judiciaire.

Donc, la Cour Européenne des droits de l'homme a de nouveau ignoré d'une manière mal justifiée sur le plan juridique les circonstances évidentes de l'affaire, a attenté illégalement à la compétence exclusive de l'Église Orthodoxe Bulgare, en imposant à l'Église Orthodoxe Bulgare ses propres impressions sur son organisation intérieure – relativement à la détermination de ce qui et d'après quelles raisons a élu le Patriarche Maxime et est-il légitime?

Le dit présente des raisons nécessaires et suffisantes pour faire la conclusion sur ce que la Cour Européenne des droits de l'homme a violé par ses actions d'une manière flagrante le caractère laïque de la procédure judiciaire et ses principes importants tels que l'impartialité et légitimité.

5. Contradiction significative intérieure de l'Arrêté abordé de la Cour Européenne des droits de l'homme amenant à l'inconsistance juridique de cet Arrêté

Il est inadmissible pour les rédacteurs de l'Arrêté abordé de traiter librement des constructions lexicales, d'ignorer les faits évidents et d'intervenir illégalement par la Cour Européenne des droits de l'homme dans cet Arrêté en problèmes de la compétence exclusive de l'Église Orthodoxe Bulgare, ce qui a amené à ce que cet Arrêté est devenu un document contradictoire qui se contredit.

Ainsi, en mettant en doute d'une manière mal justifiée et illégale la légitimité d'élection du Patriarche Maxime (voir ci-dessus), dans une autre

partie de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme accepte indirectement l'injustification juridique des prétences envers la légitimité d'élection du Patriarche Maxime, puisque la Cour Européenne des droits de l'homme accepte le fait de l'intervention illégale des pouvoirs bulgares en 1992, quand les pouvoirs d'état «ont ordonné» de déposer le Patriarche Maxime et ont essayé d'assurer une base juridique pour la direction alternative de l'Eglise qui a été loyale envers le gouvernement au pouvoir (§ 128 de l'Arrêté).

Au § 12 de l'Arrêté la Cour Européenne des droits de l'homme, comme c'était précisé ci-dessus, lie d'une manière mal justifiée la question de la légitimité de l'exercice par le Patriarche Maxime avec le fait d'«inscription» ou («d'absence d'inscription») au Conseil des ministres du remplacement par le Patriarche Maxime du poste du chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare, mais dans une autre ligne de ce paragraphe reconnaît qu'«*en tout cas, jusqu'à 1991 sa primauté a été traitée comme juridiquement inscrite lors de l'exercice d'une pratique juridique et lors de la résolution de tous problèmes juridiques*». Mais dans ce cas il n'y a aucunes raisons juridiques et basées sur les faits pour parler des doutes sur le fait que l'inscription juridique par l'état (en conformité de la législation) de légitimité du remplacement par le Patriarche Maxime du poste du chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare a eu lieu.

Au § 134 de l'Arrêté abordé la Cour Européenne des droits de l'homme déclare qu'elle «*ne peut pas accepter le point de vue concernant le fait que les demandeurs étaient les citoyens qui ont occupé illégalement les bâtiments religieux*», mais en même temps la Cour Européenne des droits de l'homme a accepté l'existence des faits de l'envahissement illégal forcé par les représentants de l'organisme demandeur, des schismatiques, des bâtiments religieux (temples), n'ayant pas de raisons juridiques nécessaires, et en plus, elle a accepté les faits constatés de l'envahissement illégal forcé par les schismatiques des temples parfois sous le soutien des pouvoirs et la police (§ 129 de l'Arret), elle a constaté que les certains bâtiments religieux et une autre propriété religieuse se trouvant à la disposition de l'organisme demandeur jusqu'à son expropriation en 2004 a été illégalement reçu (envahi) auparavant par eux par l'intermédiaire des services d'application de la loi n'ayant pas des raisons légales et des pouvoirs nécessaires. La Cour Européenne des droits de l'homme a souligné que les demandeurs (schismatiques) n'ont pas pu démentir la confirmation du gouvernement et du tiers sur ce que dans les certains cas les partisans de l'organisme demandeur envahissaient illégalement des bâtiments, il y avaient des cas d'arbitraire, y compris les actions forcées (§ 129 de l'Arrêté).

Dans certains cas en s'ingérant dans l'Arrêté d'une manière flagrante en problèmes du droit exclusivement canonique et de la compétence de l'Eglise Orthodoxe Bulgare et en donnant les évaluations

des questions dépassant ses compétences la Cour Européenne des droits de l'homme déclare, en se contredisant, que son objectif ne peut pas être l'évaluation dans le cadre du droit canonique de la légitimité des affirmations contradictoires sur la légalité faites par les responsables des organismes religieux contradictoires (dans ce cas – de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (du Patriarche Maxime) et du «Saint Synode alternatif» (métropolitaine Innokenty)). La Cour a constaté que cette évaluation ne peut être donnée que par la communauté chrétienne de la Bulgarie et ses instituts (§ 137 de l'Arrêté). Cela signifie que la décision finale du problème de la canonicité de tel ou tel aspect du conflit est rapportée par la Cour Européenne des droits de l'homme à la compétence exclusive de cette communauté chrétienne, et l'état bulgare doit créer des conditions nécessaires pour la résolution paisible de ce conflit. Mais cette résolution paisible serait inaccessible si l'état fera une tentative d'intervenir illégalement au conflit et fera tout son possible pour renforcer l'organisme demandeur en lui transmettant des temples expropriés ailleurs auprès d'une autre partie ou en exerçant des autres actions identiques orientées à la réalisation des intérêts de l'organisme demandeur. De l'autre côté cela signifie que l'inscription de la légitimité ou au contraire de l'illégitimité d'élection du Patriarche Maxime à son époque en tant que chef de l'Eglise Orthodoxe Bulgare est possible exclusivement sur la base du droit canonique religieux.

6. Utilisation visible par la Cour Européenne des droits de l'homme dans l'Arrêté abordé des doubles standards violant d'une manière flagrante les principes de contradiction, de justice et d'impartialité de la procédure judiciaire, et comme conséquence, violant d'une manière flagrante la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales.

En conformité de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (article 19 et autres), de l'article 4 du Procès-verbal № 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (Rome, le 6 novembre 1990) la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales est obligatoire pour son respect par la Cour Européenne des droits de l'homme.

Le fait de l'utilisation «des doubles standards» par la Cour Européenne des droits de l'homme dans l'Arrêté abordé **donne des raisons pour évaluer cet Arrêté qui est en cours de contradiction flagrante avec des positions de droit de la Cour dans ses décisions précédentes et en violant évidemment:**

- l'article 6 de la Convention Européenne des droits de l'homme et des libertés fondamentales fixant les exigences de **contradiction** à la procédure judiciaire, ainsi que des règles 32 et 38 du Règlement de la

Cour Européenne des droits de l'homme et des Prescriptions pratiques citées ci-dessus «Documents contradictoires»;

- partie 1 de l'article 6 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales fixant des exigences **de la véracité et de l'impartialité** de la procédure judiciaire;

- point 1 de la règle 3 et règle 4 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme fixant l'obligation d'exercer par les juges de la Cour Européenne des droits de l'homme de leurs obligations d'une manière **honnête et impartiale**.

En ce qui concerne les obligations de la Cour Européenne des droits de l'homme avant la prise de ses décisions voir l'article 1 du Procès-verbal № 11 de la Convention de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales «Réorganisation du mécanisme de contrôle créé en conformité de la Convention» (nouvelle version de l'article 30).

6.1. Ignorance par la Cour Européenne des droits de l'homme de ses positions de droit formulées précédemment relatives à son acceptation vis-à-vis des pouvoirs nationaux «des limites de vision» en matière de relations entre les regroupements religieux, l'état et la société, de son acceptation de l'existence du grand champs de vision pour les pouvoirs nationaux pour évaluer la justification et le degré de son intervention en vue d'assurer l'univers religieux en région et prévenir de l'attentat contre la liberté de conscience (§§ 55, 56 et 50 de l'Arrêté du 20.09.1994 sur l'affaire «Institut Otto-Preminger contre l'Autriche» («Otto-Preminger-Institut c. Autriche»); § 32 de l'Arrêté du 24.05.1988 sur l'affaire «Müller et autres contre la Suisse» («Müller et autres c. Suisse»); § 58 de l'Arrêté du 25.11.1996 sur l'affaire «Wingrove contre le Royaume Uni» («Wingrove c. Royaume-Uni»); § 84 de l'Arrêté sur l'affaire «Association juive liturgique Cha'are Shalom Ve Tsedek contre la France» («Cha'are Shalom Ve Tsedek c. France»); §§ 72, 75 et 77 de l'Arrêté du 04.12.2008 sur l'affaire «Dogru contre la France» («Dogru c. France»)).

Nous pensons qu'à partir des positions de droit précisées de la Cour Européenne des droits de l'homme l'état Bulgare possédait un grand champs de vision lors de l'élaboration des mesures de résolution d'une situation de conflit créée et un grand champs de vision, de l'autonomie pour déterminer les changements nécessaires de la législation (ainsi que des mesures de réglage administratif et de droit). Mais dans l'Arrêté abordé la Cour Européenne des droits de l'homme ignorait ses positions de droit formulées précédemment découlant de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales sans présenter des arguments convaincants en se référant sur un certain excès *de la proportion* par l'état Bulgare.

6.2. Refus mal justifié de l'acceptation de l'existence de «la nécessité sociale urgente» («nécessité en société démocratique», «limites au nom des intérêts communs») en actions des pouvoirs bulgares de répression des actions illégales des schismatiques qui ont envahi illégalement les bien religieux de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (Patriarche Maxime), en même temps dans les autres affaires dont les conséquences ne sont pas comparables sur le plan significatif, la Cour Européenne des droits de l'homme a accepté librement cette nécessité sociale.

Le refus de la Cour Européenne des droits de l'homme mal justifié juridiquement et de faits d'accepter le fait d'existence «de la nécessité sociale nécessaire» («nécessité en société démocratique», «limites au nom des intérêts communs»); sous termes de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales – «des limites qui sont établis par la loi et qui sont nécessaires dans la société démocratique dans les intérêts de la tranquillité sociale, de la protection de l'ordre social, de la santé et de la morale pour la protection des droits et des libertés des autres personnes» (partie 2 de l'article 9)) des actions des pouvoirs bulgares de répression des actions illégales des schismatiques qui ont envahi illégalement les biens religieux de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (Patriarche Maxime), outre cela la Cour Européenne des droits de l'homme acceptait ce fait en situations avec des actions plus rigoureuses de l'état d'interventions en problèmes de liberté de conscience et largement, en problèmes de conception du monde. La Cour Européenne des droits de l'homme acceptait «la nécessité sociale nécessaire» («nécessité en société démocratique», «limites au nom des intérêts communs») sur les situations qui portaient des menaces moins importantes et même hypothétiques «aux intérêts communs». Par exemple, dans la décision sur l'affaire «Igor Vladimirovich Artyomov (Igor Vladimirovich Artyomov) contre la Fédération de Russie» (plainte № 17582/05) – refus de satisfaire la plainte pour la limitation de l'inscription des partis politiques en Fédération de Russie dont les prescriptions trouvent leur expression aux Statuts et dans le programme du parti politique ayant les objectifs de défense des intérêts professionnels, de race, nationaux ou religieux ainsi que la répercution des objectifs précisés au nom du parti politique.

Dans l'affaire abordée cela s'est exprimé par l'ignorance complète par la Cour Européenne des droits de l'homme de la situation tendue créée en demandant de la part des pouvoirs de l'intervention pour mettre fin au conflit dans l'organisme religieux le plus grand de la Bulgarie – Eglise Chrétienne Bulgare, provoqué par les causes non religieuses mais plutôt les motifs de lutte pour le pouvoir et la propriété qui menaçait par des nombreuses violations de libertés de conscience en Bulgarie.

La Cour Européenne des droits de l'homme précisait plusieurs fois dans ses décisions que «la nécessité sociale urgente» («nécessité en société démocratique», «limite au nom des intérêts communs») peut conditionner légalement les actions des pouvoirs d'intervention en problèmes liés aux activités des regroupements des citoyens (décision sur l'affaire «Igor Vladimirovich Artyomov (Igor Vladimirovich Artyomov) contre la Fédération de Russie»; §§96-103 de l'Arrêté sur l'affaire «Refah Partisi (Patri social) et autres contre la Turquie»).

6.3. Ignorance par la Cour Européenne des droits de l'homme de ses positions de droit formulées précédemment lors de l'étude des autres affaires sur ce qu'il est nécessaire d'avoir du bilan quand la justice et le traitement requis sont garantis pour la minorité, mais les intérêts de la majorité ne sont pas lésés (§ 90 et suivants de l'Arrêté sur l'affaire «Gorzélik et autres contre la Pologne»; la décision sur l'affaire «Igor Vladimirovich Artyomov (Igor Vladimirovich Artyomov) contre la Fédération de Russie»).

Dans l'affaire abordée la Cour Européenne des droits de l'homme a ignoré pratiquement les intérêts de la majorité au profit du groupe de personnes qui ont envahi illégalement les biens religieux de l'Eglise Orthodoxe Bulgare. La Cour Européenne des droits de l'homme a confirmé elle-meme l'illégitimité de cet envahissement.

6.4. Ignorance par la Cour Européenne des droits de l'homme de ses positions de droit formulées précédemment lors de l'étude des autres affaires sur ce qu'elle ne proteste pas contre la législation intérieure (par exemple, voir § 44 de la décision sur l'affaire «Loundeval contre la Suède» du 12.11.2002).

Au §§ 107, 109, 137, 146, 153, et surtout au §§ 157 et 159 de l'Arrêté abordé la Cour Européenne des droits de l'homme donne directement ou indirectement des évaluations rigides de la Loi de la Bulgarie du 2002 et, en gros, «proteste» la Loi de la Bulgarie de 2002.

Conclusions.

L'analyse d'Arrêté de la Cour Européenne des droits de l'homme du 22.01.2009 sur l'affaire «Saint Synode de l'Eglise Orthodoxe Bulgare (métropolitaine Innokenty) et autres contre la Bulgarie» permet de tirer les conclusions justifiées sur ce que la Cour Européenne des droits de l'homme dans cet Arrêté:

- a reconnu d'une manière mal justifiée sur le plan juridique et de fait que la République Bulgare a violé l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales par l'adoption de la Loi de confession 2002 et par ses

actions de répression des crimes continus (envahissements illégaux des bâtiments religieux);

- a violé d'une manière flagrante le principe de contradiction du procès judiciaire;

- a violé d'une manière flagrante les exigences des documents réglant les activités de la Cour Européenne des droits de l'homme (règle 38 du Règlement de la Cour Européenne des droits de l'homme «A propos des enquêtes» et les prescriptions pratiques «Dépot d'une plainte»), en partie d'acceptation d'une plainte des demandeurs en tant qu'acceptable et des documents présentés par les demandeurs en tant que documents bien rédigés;

- a intervenu illégalement en problèmes inter-religieux (domaine du droit canonique), ne correspondant pas à la compétence de la Cour dépassant flagrement ses limites, d'où résulte une grande violation du procès judiciaire de la Cour Européenne des droits de l'homme d'un caractère laïque, la violation par la Cour de l'article 9 de la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales;

- a formulé les positions de droit qui sont caractérisées par la contradiction significative intérieure, ce qui donne des raisons d'évaluer l'Arrêté abordé en tant qu'Arrêté juridiquement injustifié;

- a démontré d'une manière flagrante des soit dits «doubles standards», ce qui donne des raisons pour évaluer l'Arrêté précisé en tant qu'Arrêté conredisant aux positions de droit formulées précédemment par la Cour Européenne des droits de l'homme, d'où résulte des raisons de croire que la Cour a violé d'une manière flagrante la Convention Européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales notamment les principes de contradiction, de la justice et de l'impartialité de la procédure judiciaire.

30/03/2009

Газалиева С.М.-К. Система законодательства субъекта Российской Федерации как элемент правовой системы субъекта Российской Федерации¹⁰¹

Конституция Российской Федерации 1993 г.¹⁰² признает, что правовая система Российской Федерации включает правовые акты федеральных органов, правовые акты субъектов Федерации, местного самоуправления, договоры, а также акты, принятые в результате прямого народного волеизъявления¹⁰³. В теории государства и права национальная правовая система рассматривается как конкретно-историческая совокупность права (законодательство), юридической практики и правовой идеологии¹⁰⁴.

Правовое пространство России, учитывая сложную структуру современного Российского государства, образуется из: федеральной правовой системы как совокупности нормативных правовых актов, действующих на всей территории страны; системы законодательства субъектов в составе Российской Федерации как совокупности нормативных правовых актов, принятых органами власти и управления субъектов Федерации в пределах их компетенции; актов органов местного самоуправления¹⁰⁵. В «федеративном государстве право представляет собой более сложную систему, чем в унитарном государстве, поскольку формируется как федеральной властью, так и властью субъектов федерации. В федерации переплетаются несколько правовых уровней, условно именуемых федеральным правом и правом субъектов федерации»¹⁰⁶. Двухуровневую структуру законодательства Российской Федерации обуславливают нормы, закрепленные в статьях 71, 72 и 76 Конституции Российской Федерации.

¹⁰¹ **Газалиева Сабират Магомед-Каримовна** – аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В статье на основе сложившихся современных представлений о структуре правовой системы субъекта Российской Федерации, анализируется система законодательства как ее компонент.

Ключевые слова: система законодательства, правовая система субъекта Российской Федерации.

¹⁰² Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М., 2009.

¹⁰³ Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. – 1998. – № 4–5.

¹⁰⁴ См.: Теория государства и права. – Саратов, 1995. – С. 143–145, 295.

¹⁰⁵ См: Барциц И.Н. Правовое пространство: основные признаки и закономерности развития // Журнал российского права. – 2000. – № 5–6.

¹⁰⁶ Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Под ред. Б.Н. Топорнина. – М., 2001. – С. 154.

М.Г. Потапов¹⁰⁷ считает, что совокупность норм субъекта Федерации имеет общие с системой права черты. Например, они обладают одной и той же научно-формализованной абстракцией, имеют одну и ту же структуру норм, единые правовые принципы, одни и те же основания интеграции и дифференциации норм права – предмет и метод правового регулирования, одну и ту же внешнюю форму выражения норм. Но совокупность норм субъекта имеет и особенности. Нормы права данного уровня действуют только на территории субъекта Федерации, в содержании их отражаются региональные особенности. Эти нормы определяются предметами совместного и исключительного ведения Федерации и ее субъектов, особенностями предмета и ведения правового регулирования.

О.Е. Кутафин считает, что правовое регулирование в субъектах Федерации не является самостоятельным. Оно целиком зависит от Федерации и поэтому входит в единую российскую правовую систему¹⁰⁸. Действительно, следует согласиться с этим утверждением. Нельзя, на наш взгляд, группировать нормы по уровню государственной власти с учетом ее иерархии подчиненности, осуществляющей правовое регулирование, и при этом не принимать во внимание прямую зависимость норм субъекта Российской Федерации от Конституции Российской Федерации, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории российского государства (ч.1 ст. 15)¹⁰⁹, и нормы федерального законодательства, что в целом будет подрывать систему института федерализма и российскую правовую систему.

Следует заметить, что система законодательства субъекта Российской Федерации все же обладает определенной автономностью. Мера автономности определяется ч. 4 ст. 76 Конституции Российской Федерации, закрепившей, что субъекты Российской Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. При рассмотрении вопроса об объеме законодательных полномочий субъектов Российской Федерации данную норму следует оценивать во взаимосвязи с положениями ст. 73, ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации.

Наделяя субъектов Российской Федерации собственными полномочиями в сфере совместной компетенции, Конституция Российской Федерации отдает приоритет федеральному

¹⁰⁷ Потапов М.Г. Система норм права и система нормативных правовых актов субъекта Федерации // Журнал российского права. – 2001. – № 12. – С. 60.

¹⁰⁸ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М., 2001. – С. 62.

¹⁰⁹ Конституция Российской Федерации. – М., 2001. – С. 3-4.

регулированию: в случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в субъекте Российской Федерации, действует федеральный закон. В соответствии с п.2 ст.3 Федерального закона от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹¹⁰ законы и иные правовые акты, принятые субъектами Российской Федерации в опережающем порядке по предметам совместного ведения, должны приводиться в соответствие с федеральными законами в течение трех месяцев после принятия.

Пределы осуществления субъектами Российской Федерации собственного нормотворчества ограничены п.«о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, по перечисленным в нем сферам нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут быть приняты, а также включены в формирующиеся правовые системы субъектов Российской Федерации. Однако это не означает, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий не могут принимать нормативные правовые акты, регулирующие те или иные отношения.

Исходя из положения п. «к» ст. 72 Конституции Российской Федерации, закрепляющей предметы совместного ведения, правовые системы субъектов Российской Федерации могут включать в себя такие отрасли законодательства, как административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды.

Таким образом, совокупность нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, образует подчиненную принципам общедофедерального права автономную систему законодательства субъекта Российской Федерации.

В учредительных актах различных субъектов Федерации этот институт именуется по-разному: «система законодательства», «единая система правовых актов субъекта Федерации», «нормативно-правовая система субъекта РФ¹¹¹» (Уставе Иркутской области, гл. 4).

¹¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

¹¹¹ Устав Иркутской области от 10 февраля 1995 г. (с изменениями от 3 января, 9 сентября, 14 декабря 1996 г., 28 июля, 7 декабря 1998 г., 16 апреля 2001 г., 7 октября 2002 г., 15 июля, 10 декабря, 29 декабря 2003 г., 1 марта, 28 мая, 29 декабря, 31 декабря 2004 г., 5 июля 2005 г., 12 января 2006 г., 9 марта 2007 г.) http://constitution.garant.ru/DOC_21500894.htm.

Система законодательства субъекта Российской Федерации выступает внешней формой права, которая воплощает в себе правила поведения, сложившиеся в ходе функционирования общества как развивающейся системы, и является одним из необходимых элементов правовой системы субъекта Российской Федерации.

Сведения об авторах номера

Берзин Владимир Александрович – федеральный судья, кандидат юридических наук, докторант кафедры конституционного и муниципального права Российского университета Дружбы Народов. Конт. адрес эл. почты: уроims1@mail.ru.

Газалиева Сабират Магомед-Каримовна – аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: gsabira@yandex.ru.

Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор. Конт. тел. 8-(495)-436-96-88.

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права. Конт. адрес эл. почты: i@lenta.ru.

Понкина Алена Игоревна – студентка юридического факультета Российского университета Дружбы Народов. Конт. адрес эл. почты: i@lenta.ru.

Соловьев Андрей Александрович – кандидат юридических наук, федеральный судья, мастер спорта России. Конт. адрес эл. почты: sportlaw2014@rambler.ru.

*«Нравственные
императивы в праве»*

**2009
№ 2(4)**

Научный юридический журнал

Подписано в печать **15.06.2009**.
Формат 60x90/16
Гарнитура «Arial». Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л.7,75.

Тираж 200 экз. Заказ № 327.
Отпечатано в ООО «Ваш полиграфический партнер»
г. Москва, Ильменский проезд, д. 1